

UNIVERSIDAD COMPLUTENSE DE MADRID

FACULTAD DE FILOLOGÍA

Traducciones directas al español de poesías y poemas de Serguéi Esenin

por

Luis Santomá Juncadella, doctor en Filología por la UCM

Bajo la dirección de D. Jesús García Gabaldón, profesor de literatura rusa de la UCM

E-Prints Complutense

Madrid 2017

Resumen

El poeta ruso Alexandrovich Esenin, preparó en 1925 la recopilación de una gran parte de sus poesías y poemas, para su publicación en tres tomos (I, II y III).

La muerte del poeta en diciembre de 1925 imposibilitó su inmediata publicación que tuvo lugar en 1926 por las Ediciones del Estado. Un nuevo tomo IV complementario fue publicado en 1927 conteniendo prosa y otras poesías no incluidas por Esenin en los tres primeros tomos.

En este trabajo se pretende completar la traducción directa al español de las poesías y de los poemas contenidas en los citados cuatro tomos.

Las numerosas poesías de Esenin con contenidos políticos y religiosos requieren traducciones literales que no desfiguren las ideas que el poeta quiere expresar.

También se ha elegido la traducción literal frente a la poética para el resto poesías, de contenido amoroso, familiar o aldeano, en las que predomina la personificación de los astros y de fenómenos y elementos naturales, de componentes de la naturaleza y de la aldea.

Estas personificaciones aparecen en diálogos con el poeta y entre estos mismos componentes, y que por su contenido imaginario hacen recomendable una traducción literal.

Abstract

Russian poet Serguey Esenin prepared in 1925 a collection of a great part of his poems, for their publication in three volumes (I,II and III).

Poet's death in december 1925, made imposible her immediate publication, that took place in 1926 by State Editions. A new IV complementary volume was publicated in 1927, containing prose and other poems not included by Esenin in the three original volumes.

The intention of this work is to complete the direct translation to spanish of the poems included in these four volumes.

A great number of the poems with political and religious contains, require literal translation in order not to disfigure the ideas that the poet tries to express.

Literal translation has also been applicated to the poetry of the rest of poems. with loving, familiar or villager content, in which predominates the personification of stars, natural elements, nature components, and villages. These personifications appear in dialogues with the poet, as well as in dialogues between themselves, and their imaginary content makes advisable a literal translation.

INDICE

Prólogo de Jesús García Gabaldón. Profesor de literatura rusa de la UCM.....	5
Introducción.....	6
Publicaciones al español de las poesías de Esenin.....	8
-Listado de las publicaciones en las que aparecen las poesías y poemas incluidas en el libro POESÍAS Y POEMAS cuya traducción al español es el objeto de este trabajo.....	9
Traducciones directas del ruso de Luis Santomá Juncadella.....	15
Poesías	
-1913.....	15
-1914.....	15
-1915.....	19
-1916.....	20
-1917.....	33
-1918.....	58
-1919.....	72
-1920.....	80
-1921.....	81
-1922.....	83
-1923.....	87
-1924.....	91
-1925.....	133
Poemas.....	175

PRÓLOGO DE JESÚS GARCÍA GABALDÓN
(Profesor de literatura rusa de la UCM)

UNA VOZ PROPIA

Serguéi Yesenin representa una figura singular en la poesía rusa de la Edad de Plata. Yesenin es un poeta auténticamente popular, no sólo por sus orígenes campesinos en la Rusia profunda de la región de Riazán, sino porque su poesía continúa de manera natural y armoniosa la milenaria cultura agrícola y ganadera del *mujik* ruso. Encontramos en ella, paradójicamente, la continuidad de la *dvoevere*, doble fé, que caracterizó la cultura popular rusa tras la llegada del cristianismo ortodoxo, a partir del año 988. El azaroso destino quiso que este poeta nacido para comprender todo consumiera su vertiginosa existencia de apenas treinta años entre los últimos años de la Rusia zarista y los primeros de la Rusia soviética. Yesenin es el cantor de la naturaleza y del paisaje ruso por excelencia, nostálgico de los cielos azules y los campos nevados de la infinita estepa, el tierno niño amante de los animales, el bardo inadapado al vértigo del tiempo moderno en la gran ciudad, experimentada a través de una vida disipada y bohemia, de tabernas, borracheras y prostíbulos, el sempiterno seductor de bellezas exóticas, el revolucionario herético, continuador de la espiritualidad rusa, el poeta que escribe con su propia sangre sus últimos versos... Y siempre, un poeta honesto que comparte con nosotros su verdad al desnudo, sus más íntimos desgarros y trágicas confesiones; un poeta auténtico, prodigioso, dotado de una voz propia y singular.

Me complace constatar aquí que de nuevo oímos la asombrosa voz de Yesenin gracias a las melodiosas, cuidadas y poéticas traducciones directas, casi literales, de Lluís Santomá, quien con generosidad, paciencia, constancia y rigor ha ido vertiendo al español en los últimos tres años la más amplia y representativa selección de su poesía.

Jesús García Gabaldón

INTRODUCCIÓN

El poeta ruso Alexandrovich Esenin (Septiembre de 1895-Diciembre de 1925), preparó en 1925 la recopilación de una gran parte de sus poesías y poemas, para su publicación en tres tomos. En el Tomo I incluyó las poesías compuestas entre 1910 y 1925, en el Tomo II incluyó las poesías que el poeta denominó como “pequeños poemas” compuestos entre 1912 y 1925 y en el Tomo III incluyó los grandes poemas compuestos entre 1921 y 1925.

La muerte del poeta en diciembre de 1925 imposibilitó su inmediata publicación que tuvo lugar en 1926 por las Ediciones del Estado.

Un Tomo IV complementario fue publicado en 1927 conteniendo prosa y otras poesías no incluidas por Esenin en los tres primeros tomos.

En este trabajo se pretende completar la traducción directa al español de las poesías y de los poemas contenidas en los citados cuatro tomos.

Para este estudio se ha utilizado la edición del libro publicado en Moscú en 1985 por “Literatura artística (Художественная литература)”:

“*Serguéi Esenin. Poesías y poemas. Clásicos y modernos. Biblioteca poética. Textos editados en la publicación: S.A. Esenin. Colección de composiciones en 6 tomos. Tomos I-IV. Literatura artística. 1977-1978*”

(*Сергей Есенин. Стихотворения Поэмы. Классикии современники. Поэтическая библиотека. Тексты печатаются по изданию: С. А. Есенин Собр. Соч. В 6-ти томах. тт I-IV. М., “Художественная литература”.1977-1978*)

Las numerosas poesías de Esenin con contenidos políticos y religiosos requieren traducciones literales que no desfiguren las ideas que el poeta quiere expresar.

También se ha elegido la traducción literal frente a la poética para el resto poesías, de contenido amoroso, familiar o aldeano, en las que predomina la personificación de los astros y de fenómenos y elementos naturales (la luna, el sol, la nieve, la niebla, la ventisca...), de animales (perros, gatos, caballos...), de componentes de la naturaleza (árboles, montes, ríos, campos prados ..) y de la aldea (campanarios, verjas, establos...).

Estas personificaciones aparecen en diálogos con el poeta y entre estos mismos componentes, y que por su contenido imaginario hacen recomendable una traducción literal.

Se presentan a continuación ejemplos de estas personificaciones:

1-La luna con el cuerno cornea a la nube, se baña en el polvoriento azul // 2 El solecito alzó los ojos hacia dios - // 3-Borbotea y danza el humo del pantano //4- la cariñosa blandura de tus nebulosas manos// 5-La vieja izba con la mandíbula del umbral mastica las olorosas migas del silencio//6- y como un perro, ladrará el alba tras la montaña// 7- los piaras codorniceros del viento // 8-Se extingue el día y se lleva el cinco de oros//9- y danzan las tinieblas como chovas asustadas//10- los sauces- dulces monjitas // 11- las jorobas de los montes Urales // 12-La luna-un ganso rojo//13- Dios mío, yo creo!.....Pero llévame a mi paraíso, mi terruño, atravesado con lluviosas flechas// 14-Los diablos acunaron la tierra en sus brazos/ 15-Se desplomaron los nidos de las casullas nubosas/ 16-Las colinas cantan sobre el milagro/ 17-Vierte un cubo de azul sobre los viejos tiempos/ / 18-Sobre el bosque parirá la luna un dorado cachorro/ 19-la estrella bajará volando hasta los matorrales/20-¡Eh, rusos! pescadores del universo que habiendo vaciado el cielo con la red del alba tocad las trompetas/ 21-Por las nubes corre la yegua / 22-el sol, como un gato, desde un cubo estelar, con una pata dorada, remueve mis cabellos/ 23-Y cuando la luna sobre el Volga agacha la cara para apurar el agua/ 24-y recoger las espigas por el camino en la pobre alforja del alma/ 25-Tu sol con largas garras, se arañaba en el alma como un cuchillo/ 26-No hurguéis con las manos azules en el baldío del techo celeste/ 27-Sacudiré las montañas por las orejas/ 28-Como una urraca de oro, la cosecha sobrevuela sobre tu país/ 29-Y como varas doradas, tirará de los rayos de sol hacia el valle/ 30-Y el abedul me contestó“¡Oh mi amigo querido! / 31-Camino de plata, ¿a dónde me llamas? con una vela del Jueves Santo sobre ti brilla una estrella/ 32-¿Tienes encendidas la tristeza o la alegría? ¿o diriges tu carrera hacia la locura?/ 33-Tamborilero celeste/ 34-Hoy en el agua los caballos se bebieron la luna/ 35-un blanco rebaño de gorilas/ 36-A este sol, si está confabulado con ellos, nosotros con todo el ejército, lo alzaremos con las bayonetas/ 37-Con un cascabel colgaremos la tierra al arco iris/ 37-Las blancas olas con las uñas rasparán la arena dorada / 38-Un lucero dorado, como un ombligo, mira la boca del Caspio/ 39-incluso el sol se congela, como una charca que inundó un caballo capón/ 40-Mi Rusia, quién eres tú? ¿Quién? ¿Quién ha metido su cucharón en la espuma de tus nieves?/ 41-Mirad: a las mujeres les sale un tercer ojo del ombligo/ 42-Poeta, si quieres casarte, cástate entonces con una oveja en el establo/ 43-Hermanas-perras y hermanos-yeguas, yo, como vosotras, estoy en el último plano entre la gente/ 44-He aquí que estrangularon por el cuello a la aldea las

pedregosas manos de la carretera/ 45-En la charca roja un farol aterido de frío refleja una cabeza sin labios/ 46-Arranca más ferozmente, tempestad desaguata de la gente infeliz/ 47-El armonista como una ola desparrama los dedos/ nuestra estufa cruel y extrañamente aullaba en la noche lluviosa/48-¿Y no es aquello lo que me pica los ojos como el gusano a las hojas azules.?./ 49-La tarde puso las cejas negras en salazón/ 50-Bajo la esfera del reloj, las manecillas se convirtieron en bigotes/ 51-Nuestro perro, a la bayroniana, me recibe en la puerta con un ladrillo/ 52-El bosque dorado ha dejado de susurrar con la alegre lengua del abedul/ 53-Por la tristeza y la hiel en su cara fue merecedor de la espuma de los ríos amarillos/ 54-Y Kliuiev el sacristán del Ladoga, sus poesías son como un chaquetón guanteado/ 55-Perdona, Cáucaso, que acerca de ellos te hablé sin querer/ 56-La noche, como un melón, voltea la luna, el mar en la orilla, empuja la ola/ Planeta, querido,- ronda, pasea y canta/ 57-Los días, como los arroyos, corren hacia el río neblinoso/ 58-Sobre lo antiguo se ha clavado con fuerza una dura estaca/ 59-El absolutista yugo ruso oprimió todo lo mejor por la garganta,/ 60-y sin donde amarrar te hundiste en un tabernario torbellino/ 61-¿Pero cómo puedes dormir con la ventisca? que en la chimenea, tan lastimera y repetidamente gime/ 62-Y la nieve se posa cual monedas de cinco kopecs/ 63-Un alce pelado con su negra copa ganguea con ronquidos al cielo sobre el pasado/64- y con el flameante humo del “Aurora” se levantó el alba plumiza/ 65-y la luna, concentrando todas sus fuerzas desea que cada uno tiemble con la agobiante palabra “amado”/66-Que las quebradas praderas con las ortigas canten de mí/67- la extravagante luna teje en el suelo bordados encajes/ 68-los sauces lloran, los abedules susurran/ 69-Llora la ventisca, como un violín gitano/ 70-y los abedules en blanco, llorando por los bosques /71-el acordeón perdió la voz olvidándose de llevar una conversación/ 72-el cencerro se moría de risa/ 73-No susurres, álamo, no levantes polvo, camino/ 74-El mar de voces de los gorriones/ 75-lloran con el alma el avefría y el chorlito/

TRADUCCIONES AL ESPAÑOL DE LAS POESÍAS DE ESENIN

A continuación se relacionan publicaciones de las poesías de Esenin:

1-*Poetas rusos y soviéticos. Selección. Nina Bulgakova. Samuel Feijoo.* Editorial universitaria. Universidad central de las villas. Editora universitaria. La Habana. Cuba.1966.

Las traducciones de Sergio Esenin de Agustín Argüelles.

2-*Sergio Esenin. Poemas.* Traducción directa del ruso, selección, versión castellana y prólogo de Agustín Manso Argüelles y José Agustín Goytisolo. Santander.

Publicaciones. La isla de los ratones. 1967

3- *Esenin. La confesión de un granuja. (Antología Poética) 1910-1925.*

Traducción directa del ruso de Gabriel Barra. Versión poética de Gabriel Barra y Jorge Teillier. Editorial Universitaria S.A.. San Francisco 454, Santiago de Chile. Junio de 1973.

El libro contiene una selección de poesías y poemas escritos por Esenin a lo largo de toda su vida. El título, “La confesión de un granuja (Исповедь хулигана)” corresponde a una poesía de 1921.

El libro contiene de JorgeTeillier un comentario sobre “El último poeta de la aldea” y la traducción de un texto del propio Esenin“Sobre mi mismo” de octubre de1925.

4- *Serguei Esenin. El último poeta del campo.* Traducción directa del ruso de José Fernandez Sanchez. Prólogo de Máximo Gorki. Visor Madrid (1974)

Poesías publicadas en 1920. (Я последний поэт деревни)

El libro contiene la traducción de José Fernández del prólogo de Máximo Gorka.

5- *Antología de la poesía soviética.* Alexander Nakarov. Biblioteca JUKAR. Madrid (1974).

Antología recopilada por un grupo de poetas soviéticos y seleccionada definitivamente por Alexander Makarov.

Las traducciones de las poesías de Esenin fueron realizadas por José Santacreu, Agustín Argüelles, María Cánovas y Vicente Arana.

6-*Serguei Esenin. Antes de octubre.* Obra completa Tomo I. Colección Rio Nuevo/Serie Ucieza III.

VAAP, Moscú, URSS. Edición propiedad de EDICIONES 29, Barcelona.

Traductor: J. Raul Arango. Octubre de 1977.

Contiene fundamentalmente la traducción de las poesías y poemas publicadas entre 1910 y julio de 1916, contenidas en los ya mencionados Tomos I,II y III compilados por Esenin en 1925 y publicados tras su muerte en 1926.

7-*Motivos persas. Serguei Esenin.* Traducción de Juan Luis Hernández.

Ediciones Vigía. Matanzas (Cuba). 2010

8-*Jodasevich & Esenin. El ruido de la existencia: antología bilingüe.* Selección, traducción y prólogos de Natalia Litvinova. Editorial Leviatán. Buenos Aires. Argentina. 2013

Listado de las publicaciones en las que aparecen las poesías y poemas incluidas en el libro POESÍAS Y POEMAS cuya traducción al español es el objeto de este trabajo

Abreviaturas de cada publicación. Entre paréntesis se indica la página en la que aparece la poesía en la correspondiente publicación:

Serguéi Esenin. Poesías y poemas **PyP**

Traducciones directas al español de poesías y poemas de Serguei Esenin por Luis Santomá Juncadella **LSJ**

Poetas rusos y soviéticos. Selección. Nina Bulgakova. Samuel Feijoo **PRS**

Sergio Esenin. Poemas **PO**

Esenin. La confesión de un granuja. (Antología Poética) **CG**

Serguei Esenin. El último poeta del campo **UPC**

Antología de la poesía soviética **APS**

-Serguei Esenin. Antes de octubre **AO**

Motivos persas. Serguei Esenin **MP**

Jodasevich & Esenin. El ruido de la existencia: antología bilingüe **RE**

1910

«Вот уж вечер. Роса...» PyP(19)..... AO(51), CG(23)
 «Там, где капустные грядки...» PyP (20).....AO(51)
 «Поет зима - аукает...» PyP (20).....AO(52)
 Подражание песне PyP (21)..... AO(53)
 «Выткался на озере алый свет зари...» PyP (22)..... AO(53)
 «Дымом половодье залило ил...» PyP (22)..... AO(54)
 «Сыплет черемуха снегом...» PyP (23)..... AO(55)
 Калики (24)..... AO(55), CG(24) 1911

1911

«Под венком лесной ромашки...» PyP (25)..... AO(56)
 «Темна ноченька, не спится...» PyP (26)..... AO (57)
 «Хороша была Танюша, краше не было в селе...» PyP (26).....AO(58)

1912

«Заиграй, сыграй, тальяночка, малиновы меха...» PyP (27)..... AO(58)
 «Матушка в Купальницу по лесу ходила...» PyP (28).....AO(59)
 «Задымился вечер, дремлет кот на брус...» P (28).....AO(60)

1913

Береза PyP (29)..... LSJ(15) AO(60),CG(25), PRS(295)

1914

Пороша PyP (30).....AO(65), RE (53),
 «Колокол дремавший...» PyP (31)..... LSJ(15), AO(67)
 Кузнец PyP (31).....AO(67)
 «Зашумели над затоном тростники...» PyP (33)AO(81)
 «Троицно утро, утренний канон...» PyP (33)AO(82)
 «Край любимый! Сердцу снятся...» PyP (34)..... LSJ(16), AO(82), UPC(20),
 «Пойду в скуфье смиренным иноком...» PyP (35)..... AO(83)
 «Шел Господь пытать людей в любви...» PyP (36)AO(84)
 Осень PyP (36)..... AO(126), CG(30), RE (57), UPC(19)

«Не ветры осыпают пуши...» РуР	SS.(37) AO(84)
В хате РуР (38)	LSJ(16), AO(85)
«По селу тропинкой кривенькой...» РуР (39)	AO(86),
«Гой ты, Русь, моя родная...» РуР (40)	LSJ(17), OA(87)
«Я пастух, мои палаты...» РуР (41)	AO(88)
«Сторона ль моя, сторонка...» РуР (42)	AO(109)
«Сохнет стаявшая глина...» РуР (43)	AO(89)
«Чую радуницу божью...» РуР (43)	LSJ(17)
«По дороге идут богомолки...» РуР (44)	AO(86)?
«Край ты мой заброшенный...» РуР (45)	AO(91)
«Заглушила засуха засевки...» РуР (46)	AO(92)
«Черная, потом пропахшая выть!..» РуР (48)	A(O93)
«Топи да болота...» РуР (49)	AO(94)
Микола РуР (49)	AO(61)
Марфа Посадница. Escenas(1 у 2) РуР (53)	LSJ(18)
Русь РуР (57)	AO(95)

1915

Черемуха (61)	AO(102)
«На лазоревые ткани...» РуР(62)	AO(105)
«Алый мрак в небесной черни...» РуР (63)	LSJ(19)
«В лунном кружеве украдкой...» РуР (64)	LSJ(19)
«Тебе одной плету венки...» РуР (65)	AO(110)
«Занеслися залетною пташкой...» РуР (65)	AO(111)
Колдунья РуР (66)	AO(112)
«Туча кружево в роще связала...» РуР (66)	LSJ(20)
«На плетнях висят баранки...» РуР (67)	AO(117)
Поминки РуР (68)	AO(113)
Дед РуР(69)	AO(114)
«Белая свитка и алый кушак...» РуР (70)	AO(115)
«Наша вера не погасла...» РуР(71)	AO(116)
«В том краю, где желтая крапива...» РуР (73)	A(O118)
Корова РуР (74)	AO(120), CG(27)
Табун РуР (75)	AO(122)
Песнь о собаке РуР (76)	AO(123), CG(28), PO (17),Re(51) UPC(23) ,PRS(286)

1916

Лисица РуР (76)	AO(134)
Вечер как сажал... РуР (77)	AO(128)
Пячет месяц за овинами ... РуР (78)	AO (129)
«За рекой горят огни...» РуР (78)	AO(130)
Молотьба РуР (79)	AO(131)
«Не в моего ты бога верила...» РуР(80)	AO(135)
«Закружилась пряжа снежистого льна...» РуР (80)	LSJ(2/)
«Весна на радость не похожа...» РуР(81)	LSJ(21)
«Еще не высох дождь вчерашний...» РуР (82)	RE(55)
«Гаснут красные крылья заката...» РуР(82)	LSJ(21)
Устал я жить в родном краю...» РуР (83)	AO(132), RE(49)
«За горами, за желтыми долами...» РуР (84)	LSJ(21),
«Запели тесаные дроги...» РуР (85)	CG(32), RE(58)
«Месяц рогом облако бодает...» РуР (86)	LSJ(22)
«Я снова здесь, в семье родной...» РуР (87)	AO(133)
«В зеленой церкви за горой...» РуР (88)	LSJ(22)
«Даль подернулась туманом...» РуР (89)	LSJ(23)
«За темной прядью перелесиц...» РуР (89)	LSJ(23)
«Слушай, поганое сердце...» РуР (90)	LSJ(24)
«День ушел, убавилась черта...» РуР (91)	LSJ(24)

«Опять раскинулся узорно...» РуР (92).....	LSJ(25)
Мечта РуР (93).....	LSJ(26)
Не бродит, не мять, в кустах багряных... РуР (96).....	АО(127)
«Синее небо, цветная дуга...» РуР (97).....	LSJ(27)
«О красном вечере задумалась дорога...» РуР (98).....	LSJ(28)
«О товарищах веселых...» РуР (98)	LSJ(28)
«Прощай, родная пуща...» РуР (99)	LSJ(29)
«Покраснела рябина...» РуР (100)	LSJ(29)
«Твой глас незримый, как дым в избе...» РуР (101).....	LSJ(30)
Там где вечно дремлет тайна... РуР (102).....	LSJ(30)
Тучи с ожерёба... РуР (103)	LSJ(31)
«То не тучи бродят за овином...» РуР (104).....	LSJ(32)

1917

Голубень РуР (105).....	LSJ(33)
Ночь и поле и крик петухов РуР (108).....	LSJ(34)
«Снег, словно мед ноздреватый...» РуР (109).....	LSJ(35)
«Колокольчик среброзвонный...» РуР (110).....	LSJ(36)
«Разбуди меня завтра рано...» РуР (110)	LSJ(36)
Товарищ РуР (111)	LSJ(37)
«О Русь, взмахни крылами...» РуР (116)	LSJ(40)
Отчарь РуР (118)	LSJ(41)
«Гляну в поле, гляну в небо...» РуР (122),.....	LSJ(44)
«Не напрасно дули ветры...» РуР (123).....	LSJ(44)
«Под красным вязом крыльцо и двор...» РуР (124).....	LSJ(45)
Пропавший месяц РуР (125РуР)	LSJ(45)
«О край дождей и непогоды...» РуР (126).....	LSJ(47)
«Проплясал, проплакал дождь весенний...» РуР (127).....	LSJ(47)
«Небо ли такое белое...» РуР (128).....	LSJ(48)
«Свищет ветер под крутым забором...» РуР (129).....	LSJ(48)
Пришествие РуР (130).....	LSJ(49)
Преображение РуР (135).....	LSJ(53)
«О Матерь Божья...»(РуР 139).....	LSJ(55)
«Где ты, где ты, отчий дом...» РуР (140).....	CG(33)
«Нивы сжаты, рощи голы...» РуР (141).....	LSJ(56)
«Я по первому снегу бреду...» РуР (142)	UPC(25)
О, верю, верю, счастье есть... РуР (143).....	LSJ(56)
О, муза, друг мой гибкий... РуР (143).....	LSJ(57)
«Песни, песни, о чем вы кричите?...» ... РуР (145)	LSJ(58)

1918

Пушистый звон и руга РуР (146)	LSJ(58)
«Заметает пурга белый путь...» РуР (146).....	LSJ(59)
Инония РуР (148)	LSJ(60)
Иорданская голубица РуР (156).....	LSJ(66)
«И небо и земля все те же...» РуР (159).....	LSJ(68)
«Зеленая прическа...» РуР (160).....	LSJ(69)
«О пашни, пашни, пашни...» РуР (161).....	LSJ(69)
«Серебристая дорога...» РуР (162).....	LSJ(70)
«Отвори мне, страж заоблачный РуР...» РуР (162).....	LSJ(70)
«Вот оно, глупое счастье...» РуР (163).....	CG(34), RE(63), UPC(31),
Кантата РуР (163).....	LSJ(70)
«Я покинул родимый дом...» РуР (164).....	CG(35), RE(68)

«Закружилась листва золотая...» Руп (165)..... LSJ(71)
 «Теперь любовь моя не та...» Руп (165)..... LSJ(71)
 «Хорошо под осеннюю свежесть...» Руп (166)..... LSJ(72)

1919

Небесный барабанщик Руп (167)LSJ (72)
 «О Боже, Боже, эта глубь...» Руп (170).....LSJ(74)
 Пантократор Руп (171)..... LSJ(75)
 «Душа грустит о небесах...» Руп (174)LSJ(77)
 Кобыльи корабли Руп (174)..... LSJ(77)
 Хулиган Руп (178)UPC(37)
 «Ветры, ветры, о снежные ветры...» Руп (179) LSJ(80)

1920

«Я последний поэт деревни...» Руп (180)..... CG(36), PO(19), RE (47), UPC(36), PRS(299)
 «По-осеннему кычет сова...» Руп (181)..... LSJ(80)
 Сорокоуст Руп (181)..... UPC(32)
 Исповедь хулигана Руп (184)..... PO(21), UPC(39),

1921

Песнь о хлебе (187) LSJ
 «Мир таинственный, мир мой древний...»(Руп (188)..... LSJ(82)
 «Сторона ль ты моя, сторона!...» Руп (190)..... LSJ(82)
 «Не жалею, не зову, не плачу...» Руп (191)..... CG(40), UPC(43)

1922

«Все живое особой метой...» Руп (192)..... UPC(54)
 «Не ругайтесь. Такое дело!...» Руп (193)..... PO(27), UPC(56),
 «Я обманывать себя не стану...» (194)..... UPC(57)
 “Да Теперь решено Без возврата...” Руп(195)CG (41), PO(25), UPC(59),
 «Снова пьют здесь, дерутся и плачут ...» Руп (196)..... LSJ(83), UPC(52),
 «Сыпь, гармоника! Скука... Скука...» Руп (197)..... LSJ(84)
 «Пой же, пой. На проклятой гитаре...» Руп (199)..... LSJ(85)
 «Грубым дается радость...» Руп (200)..... LSJ(86)

1923

«Эта улица мне знакома...» Руп (201)..... LSJ(87)
 «Я усталым таким еще не был...» Руп (203)..... LSJ(88)
 «Мне осталась одна забава...» Руп (204)..... CG(37), PO(37), UPC(61)
 «Заметался пожар голубой...» Руп (205)..... LSJ(89)
 «Ты такая ж простая, как все...» Руп (206)..... LSJ(89)
 «Пусть ты выпита другим...» Руп (207)..... CG(38), PO(29)
 «Дорогая, сядем рядом...» Руп (209)..... PO (31)
 «Мне грустно на тебя смотреть...» Руп (210)..... PO(35)
 «Ты прохладой меня не мучай...» Руп (211)PO(33)
 «Вечер черные брови насопил...» Руп (212)..... LSJ (90)

1924

«Годы молодые с забубенной славой...» Руп (213).....LSJ (91)
 Письмо матери Руп (215).....LSJ(92), UPC(65),
 «Мы теперь уходим понемногу...» Руп (216).....CG(42),PO(39), PRS(293)
 Пушкину Руп (217)LSJ(93)

«Издатель славный! В этой книге...» РуР (218).....	LSJ(93)
Возвращение на родину РуР (219)	LSJ(94)
Русь советская РуР (223)	LSJ(96), CG((44),APS(44)
«Этой грусти теперь не рассыпать...» РуР (226)	CG(43), UPC(63),
«Низкий дом с голубыми ставнями...» РуР (227)	LSJ(99)
Сукин сын РуР (228)	LSJ(100)
«Отговорила роща золотая...» РуР (230)	LSJ(101)
На Кавказе РуР (231)	LSJ(102)
Баллада о двадцати шести РуР (234).....	LSJ(104)
Памяти Брюсова РуР (239)	LSJ(108)
Стансы РуР (241).....	LSJ(108)
Русь уходящая РуР (244).....	APS(83)
Русь бесприютная РуР (248).....	LSJ(111)
Письмо к женщине РуР (251)	CG(46), APS(86)
Поэтам Грузии РуР (255)	LSJ(113)
Письмо от матери РуР (258).....	LSJ(115)
Ответ РуР (261)	LSJ(117)
Письмо деду РуР (264).....	LSJ(119)
Метель РуР (268).....	LSJ(122)
Весна РуР ((272)	LSJ(124)
Батум РуР (274).....	LSJ(126)

Персиские мотивы:

«Улеглась моя былая рана...» РуР (278)	LSJ(129), MP(13),UPM(69)
«Я спросил сегодня у менялы...» РуР (279)	LSJ(129), MP(15)
«Шаганэ ты моя, Шаганэ!...» РуР (280)	LSJ(130),CG((55),MP(17), APS(90) UPC(67), PRS(289)
«Ты сказала, что Саади...» РуР (281)	LSJ(131), MP(19)
“Никогда я не был на Босфоре” РуР (282)	LSJ(131), MP(20)
Свет вечерний шафранного края...» РуР (283)	LSJ(132), MP(22)

1925

«Воздух прозрачный и синий...» РуР (284).....	LSJ(133),MP (24)
«Золото холодное луны...» РуР (285)	LSJ(133),MP (25)
«В Хороссане есть такие двери...» РуР (286)	LSJ(134), MP(28)
Голубая родина Фирдуси” РуР (287)	LSJ(135), MP (30)
«Быть поэтом — это значит то же...» РуР (288)	LSJ(135), MP, PO(47)
«Руки милой - пара лебедей...» РуР (289).....	LSJ(136), MP (34)
«Отчего луна так светит тускло...» РуР (290)	LSJ(136), MP (36)
«Глупое сердце, не бойся!...» РуР (291).....	LSJ(137), MP(38)
« Г олубая да веселая страна...» РуР (292).....	LSJ(138), MP(40)
Капитан земли РуР (293)	LSJ(139),
Воспоминание РуР (296).....	LSJ(141),
Мой путь РуР (297).....	LSJ(141),
Собаке Качалва РуР (304).....	PO(41), APS(91), RE(51),UPM(71),
Несказанное, синее, нежное...» РуР (305).....	LSJ(146)
Песня РуР (306)	LSJ(146)
«Ну, целуй меня, целуй...» РуР (307).....	LSJ(147)
1 Мая РуР (308).....	LSJ(148)
Письмо к сестре (309)	LSJ(149)
«Заря окликает другую...» РуР (312).....	PO(43)
«Не вернусь я в отчий дом...» РуР (313).....	LSJ(151)
«Синий май. Заревая теплынь...» РуР (314).....	LSJ(151)
«Неуютная жидкая лунность...» РуР (315)	CG(56), PO(45), APS(92), PRS(283)
«Прощай, Баку! Тебя я не увижу...» РуР (316).....	LSJ(152)
Вижу сон. Дорога черная... РуР (317).....	LSJ(153)
«Каждый труд благослови, удача!...» РуР (318).....	LSJ(153)
«Видно, так заведено навеки...» РуР (319)	LSJ(154)

«Я иду долиной. На затылке кепи...» РуР (320).....	APS(93),
Спит ковыль. Равнина дорогая... РуР (321)	LSJ(155)
«Я помню, любимая, помню...» РуР (322)	LSJ(155)
«Море голосов воробьиных...» РуР (323)	LSJ(156)
Гори, звезда моя,н епадай... РуР (324).....	CG(57), UPM(79)
Жизнь-обман с чарующей тоскою... РуР (325).....	LSJ(156)
«Листья падают, листья падают...» РуР (327)	LSJ(157)
«Над окошком месяц. Под окошком ветер...» РуР (328).....	CG(58), RE(69),
Сыпь, тальянка, звонко, сыпь тальянка смело... РуР (328).....	LSJ(158)
«Я красивых таких не видел...» РуР (329)	LSJ(158)
«Ах, как много на свете кошек...» РуР (330).....	LSJ(159)
«Ты запой мне ту песню, что прежде РуР...» РуР (331).....	LSJ(160)
«В этом мире я только прохожий...» РуР (332).....	LSJ(160)
«Эх вы, сани! А кони, кони!..» РуР (333)	LSJ(161)
«Снежная замять дробится и колется...» РуР (334).....	LSJ(162)
«Синий туман. Снеговое раздолье...» РуР (335).....	LSJ(162)
«Слышишь - мчатся сани...» РуР (336)	LSJ(163)
«Голубая кофта. Синие глаза...» РуР (336)	LSJ(163)
«Снежная замять дробится и колется...» РуР (337)	LSJ(164)
Вечером синим, вечером лунным... РуР (337).....	LSJ(164)
«Не криви улыбку, руки теребя...» РуР (338)	LSJ(164)
«Сочинитель бедный, это ты ли...» РуР (338).....	LSJ(164)
«Плачет метель, как цыганская скрипка...» РуР (338).....	LSJ(165)
«Ах, метель такая, просто черт возьми!..» РуР (339)	LSJ(165)
«Снежная замять дробится и колется...» РуР (339).....	LSJ(165), RE(75),
«Свищет ветер, серебряный ветер...» РуР (339).....	LSJ(165),
Мелколесье. Степь и дали... РуР (340)	LSJ(166)
«Цветы мне говорят - прощай...» РуР (342)	CG(60), PO (49), APS(95), PRS(298)
Сказка о пастушонке Пете, его комиссарстве и коровьем царстве РуР(343).....	LSJ(167)
«Клен ты мой опавший, клен заледенелый...» РуР (350).....	LSJ(171)
«Какая ночь! Я не могу...» РуР (351).....	PO(51), PRS(295)
Не гляди на меня с упреком... РуР (352)	LSJ(172),
«Ты меня не любишь, не жалеешь...» РуР (353)	PO(53), PRS(284)
Может поздно, может,слишком рано... РуР (354)	LSJ(173)
«Кто я? Что я? Только лишь мечтатель...» РуР (355)	LSJ(173)
«До свиданья , друг мой, до свиданья...» РуР (356)	CG(65), RE(77), UPM(81), PRS(300)

Поэмы

Пугачев. (Escena 5. Уральский каторжник) РуР (359)	CG(50), UPC(49)
Ленин РуР (395)	LSJ(175)
Песнь о великом походе РуР (399).....	LSJ(177)
Поема о 36 РуР (418)	LSJ(190)
Анна Снегина РуР (434).....	LSJ(200)
Черный человек РуР (460).....	CG(61), UPC(73)

1913

POESÍAS**БЕРЁЗА**

Белая берёза
Под моим окном
Принакрылась снегом,
Точно серебром.

На пушистых ветках
Снежною каймой
Распустились кисти
Белой бахромой.

И стоит береза
В сонной тишине,
И горят снежинки
В золотом огне.

А заря, лениво
Обходя кругом,
обсыпает ветки
Новым серебром.

1913 (PyP, página 29)

1914

Колокол дремавший

Разбудил поля,
Улыбнулась солнцу
Сонная земля земля.

Понеслись удары
К синим небесам,
Звонко раздаётся
Голос по лесам.

Скрылась за рекою
Белая луна,
Звонко побежала
Резвая волна.

Тихая долина
Отгоняет сон,
Где-то за дорогой
Замирает звон

1914 (PyP, página 31)

EL ABEDUL

El blanco abedul
bajo mi ventana
se cubrió de nieve
de nieve plata

En las vellosas ramas
de la orla nevada
se abrieron los racimos
cual corona blanca

Y el abedul permanece
en silencioso sueño
y arden los blancos copos
en el dorado fuego

Y la aurora perezosa
rondando por las afueras
espolvorea las ramas
con plata nueva

Sueña el campanario
despierta a los campos
al sol le sonríe
la dormida tierra

El repique invade
los cielos azules
y clamorosas se extienden,
por los bosques, sus voces

Escondiéndose tras el río,
la blanca luna,
avanzaba con estrépito,
presumida, una ola.

Y el valle tranquilo
no quiere dormir
y allá, tras el camino
se apaga el sonido

Край любимый! Сердцу снятся
Скирды солнца в водах лонных.
Я хотел бы затеряться
В зеленях твоих стозвонных.

¡Rincón querido! Duermen en el corazón
los de rayos del sol en el regazo de las aguas
Yo quisiera perderme
en las verduras de tus clamores

По меже, на переметке,
Резеда и риза кашки.
И вызванивают в четки
Ивы - кроткие монашки.

Por el lindero, en la costura,
resedas y tocas de gata
y en el rosario preguntan,
los sauces- dulces monjitas

Курит облаком болото,
Гарь в небесном коромысле.
С тихой тайной для кого-то
Затаил я в сердце мысли.

La ciénaga fuma con la nube
Hay chumasquina en el balancín del cielo
Para alguien en silencioso secreto,
en el corazón, yo escondí los pensamientos

Все встречаю, все приемлю,
Рад и счастлив душу вынуть.
Я пришел на эту землю,
Чтоб скорей ее покинуть

Todo lo encuentro, todo lo acepto,
contento y alegre de mostrar el alma
Yo llegué a esta tierra,
para cuanto antes, abandonarla.

1914 (ПуP, página 34)

В хате

En la cabaña

Пахнет рыхлыми драченами;
У порога в дежке квас,
Над печурками точеными
Тараканы лезут в паз.

Huele a bizcocho fresco,
levadura en un amasador junto al umbral,
sobre los cincelados braseros
las cucarachas trepan por las ranuras

Вьется сажа над заслонкою,
В печке нитки попелиц
А на лавке за солонкою -
Шелуха сырых яиц

El hollín recubre la compuerta,
en la estufa, bandas cenicientas,
y en el banco, tras el salero
cáscaras de huevos mojados

Мать с ухватами не сладится,
Нагибается низко,
Старый кот к махотке крадется
На парное молоко.

La madre no encontrando las horquillas,
se inclina hacia el suelo
El viejo gato se cuela en el puchero
a por leche fresca.

Квохчут куры беспокойные
Над оглоблями сохи,
На дворе обедню стройную
Запевают петухи.

Cloquean las gallinas impacientes
sobre la barra del arado
y fuera, en un amplio gallinero,
cacarean los gallos

А в окне на сени скатые,
От пугливой шумоты,
Из углов щенки кудлатые
Заползают в хомуты

Y en el portal, revueltos
por el estrépito amedrentador en la ventana,
desde las esquinas, los asustados cachorros,
se arrastran con sus bozales,

1914 (ПуP, página 38)

Гой ты, Русь, моя родная,
Хаты - в ризах образа...
Не видать конца и края -
Только синь сосет глаза.

¡Salve a ti, Rusia, mi patria querida!
Cabañas y en las ropas las imágenes...
No se ve ni límite ni fin-
tan solo el azul sacia los ojos.

Как захожий богомолец,
Я смотрю твои поля.
А у низеньких околиц
Звонно чахнут тополя.

Como un lejano peregrino,
miro tus campos
y a mi alrededor,
los álamos, con su brisa, languidecen.

Пахнет яблоком и медом
По церквам твой кроткий Спас.
И гудит за корогодом
На лугах веселый пляс.

Huele a miel y a manzana.
En las iglesias, tu dulce Salvador,
y zumban, más allá del coro,
en los prados, las alegres danzas.

Побегу по мятой стежке
На приволь зеленых лех,

Corro por el arrugado senderuelo,
por el amplio espacio de los verdes
bancales.

Мне навстречу, как сережки,
Прозвенит девичий смех.

Y a mi encuentro, como un zarcillo,
suena la risa de una muchacha

Если крикнет рать святая:
"Кинь ты Русь, живи в раю!"
Я скажу: "Не надо рая,
Дайте родину мою".

Si las santas huestes gritan:
"¡Rusia, manda a los vivos al paraíso!"
Y yo digo: "No nos falta el paraíso,
¡Dadme mi patria!"

1914 (ПуP, página 40)

Чую радуницу божью
Не напрасно я живу,
Поклоняюсь придорожью,
Припадаю на траву.

Siento la Resurrección de Cristo
no vivo en vano.
Me encantan los bordes del camino,
me tumbo sobre la hierba

Между сосен, между елок,
Меж берез кудрявых бус,
Под венком, в кольце иголок,
Мне мерещится Исус.

Entre los pinos, entre los abetos,
entre los rizados collares rizados de los abedules,
Bajo una guirnalda, en un anillo de espigas,
se me aparece Jesús.

Он зовет меня в дубровы,
Как во царствие небес,
И горит в парче лиловой
Облаками крытый лес.

El me llama en los robles,
como en el reino de los cielos,
y brilla en un brocado lila
un bosque cubierto de nubes.

Голубиный дух от бога,
Словно огненный язык,
Завладел моей дорогой,
Заглушил мой слабый крик.

De Dios, el espíritu de una paloma,
como una ardiente lengua,
se apoderó de mi camino,
y apagó mi débil grito.

Льется пламя в бездну зренья,
В сердце радость детских снов,
Я поверил от рожденья
В богородицын покров

Fluye la llama en el abismo de la vista,
En el corazón, la alegría de los sueños infantiles,
Yo desde mi nacimiento creí
en el manto de de la madre de Dios

1914 (PyP página 43)

МАРФА ПОСАДНИЦА

MARFA POSADITSA

1

Не сестра месяца из темного болота
В жемчуге кокошник в небо запрокинула,-
Ой, как выходила Марфа за ворота,
Письменище черное из дулейки вынула.

No es la hermana de la luna de la oscura ciénaga.
no echó hacia atrás en el cielo el tocado en la perla
¡Ay, como salió Marfa tras la puerta!
Sacó una negra escritura de la chaqueta

Раскололся зыками колокол на вече,
Замахали кружевом полотнища зорние;
Услыхали ангелы голос человечесий,
Отворили наскоро окна-ставни горние

Se rompía retronando la campana por la noche,
se agitaban como encajes los amaneceres de paño
Lo ángeles oyeron una voz humana,
se abrieron apresuradamente las persianas motañosas

Возговóрит Марфа голосом серебряно:
«Ой ли, внуки Васькины, Микулы!
Грамотой московскою извольню повелено
Выгомонить вольницы бражные загулы!»

Marfa habla con una voz de plata:
“¡Es posible!, los biznietos de Vaskina, de Mikola!
Con un escrito se forzó a la moscovita
a ridiculizar las juergas alcohólicas de la vollnitsa!”

Заходила буйница выхвали старинной,

Llegaron los disturbios que destrozaron las antiguas
costumbres.

Бороды, как молнии, выпячили грозно:
“¡Что нам Московия - как поставник блинный!
¡Там Бояр-те жены хлыстают загозно!»

enseñaban las barbas, como rayos, con amenazas:
“Que hacemos Moscovia- como el proveedor de hojuelas!
Allí los Boyares dan latigazos a la mujer como en un ring”

Марфа на крылечко праву ножку кинула,
Левой помахала каблучком сафьяновым
«Быть так, кротко молвила, черны брови сдвинула,
Не ручьи — брызгатели выцветням росяновым...»

Marfa en la veranda arrojaba un cuchillo al derecho,
agitaba con la izquierda con un tacón de trafilete
Así sea- dijo ella mansamente, movió las negras cejas
no son los torrentes-.Son las salpicaduras a los
desteñidos por los pulverizadores

2

Не чернец беседует с Господом в затворе —
Царь московский антихриста вызывает:
«Ой, Виельзевуле, горе мое, горе,
Новгород мне вольный ног не лобызает!»

El monje no habla con el Señor en la compuerta
El zar de Moscú llama al anticristo:
“¡Hay, Belzebú, es mi pena, pena,,
Novgorod no me besa las piernas sueltas.

Вылез из запечья сатана гадюкой,
В пучеглазых бельмах исчаведье ада.
-
«Побожися душу выдать мне порукой,
Иначе не будет с Новгородом слада!»

Вынул он бумаги — облака клок,
Дал ему перо — от молнии стрелу.
Чиркнул царь кинжалищем локоток,
и зажал руку в полу.

Зарычит антихрист зёмным гудом:
«А и сроку тебе, царь, даю четыреста лет!
Как пойдет на Москву заморский Иуда,
Тут тебе с Новгородом и сладу нет!»

«А откуда гроза, когда ветер шумит?» —
-
Задаёт ему царь хитро́й спрос.
Говорит сатана зыком черных згит:
«Этот ответ с собой ветер унес...»

Septiembre de 1914 (PyP página 53)

1915

Алый мрак в небесной черни
Начертил пожаром грань.
Я пришел к твоей вечерне,
Полевая глухомань.

Нелегка моя кошница,
Но глаза синее дня.
Знаю, мать-земля черница,
Все мы тесная родня.

Разошлись мы в даль и шири
Под лазоревым крылом.
Но сзовет нас из псалтыри
Заревой заре псалом.

И придем мы по равнинам
К правде сошьего креста
Светом книги Голубиной
Напоить свои уста

1915 (PyP página 63)

В лунном кружеве украдкой
Ловит призраки долина.
На божнице за лампадкой
Улыбнулась Магдалина

Salí del horno de Satán como una víbora,
En las bellezas de ojos saltones está la travesura del
infierno.
“Jurará darme el alma con garantías,
en caso contrario nada se podrá hacer con Novgorod!”

Él sacó unos papeles-un manojo de nubes,
Le dio una pluma-una flecha de los rayos
El Zar se rascó el codillo con un puñal,
y estrujo la mano contra el suelo

Gruñe el anticristo con un terrestre zumbido:
“¡Y también te doy, Zar, cuatrocientos años!
Como el ultramarino Judas irá a Moscú,
tú no tendrás nada que hacer en Novgorod!”

“¿Y de donde viene la tormenta, cuando ruge el
viento?”
Le pregunta el Zar la astuta demanda.
Satanás le dice con un oscuro vozarrón “:
“esta contestación la traje consigo el viento...”

La bermeja oscuridad en la celeste niel
con fuego dibujó una línea..
Yo llegué a tus vísperas,
campestre soledad.

Mi cesta no es ligera
Pero los ojos son más azules que el día
Yo sé, que la madre-tierra es una monja,
que todos nosotros somos parientes cercanos.

Nos separamos muy lejos y por mucho tiempo
bajo el ala celeste.
Pero desde el psalterio nos convocó
un salmo al alba resplandeciente.

Y llegaremos a través de las llanuras
a la verdad de la la cruz del arado
Con la luz del libro de la Paloma
dar de beber a nuestros labios

Furtivamente bajo el lazo lunar,
el valle caza fantasmas.
En el santuario tras las lamparillas
sonrió la Magdalena.

Кто-то дерзкий, непокорный
 Позавидовал улыбке.
 Вспучил бельма вечер черный,
 И луна — как в белой зыбке.

Alguien, imprudente, indómito
 envidió aquella sonrisa..
 La negra tarde hinchó las cataratas,
 y la luna-como en una blanco balancín.

Разыгралась тройка-вьюга,
 Брызжет пот, холодный, тёрпкий,
 И плакучая лещуга
 Лезет к ветру на закорки

Se desencadenó la troika-nevasca
 moja el sudor, frío, áspero,
 y la gimiente hierba lacustre
 trepa al viento sobre los hombros..

Смерть в потемках точит бритву...
 Вон уж плачет Магдалина.
 Помяни мою молитву
 Тот, кто ходит по долинам.
 1915 (ПуP, página 64)

La muerte en la oscuridad afila la navaja...
 He aquí que llora la Magdalena
 Que recuerde mi oración
 aquel que camina por los valles

Туча кружево в роще связала,
 Закурился пахучий туман.
 Еду грязной дорогой с вокзала
 Вдалеке от родимых полян.

La nube en la arboleda ataba la puntilla,
 humeaba la olorosa niebla.
 Vengo por el sucio camino desde la estación
 alejado de mis natales praderas.

Лес застыл без печали и шума,
 Виснет темь, как платок, за сосной.
 Сердце гложет плакучая дума...
 Ой, не весел ты, край мой родной.

El bosque congelado sin ruido ni tristeza,
 La oscuridad cuelga, como un pañuelo, tras el pino.
 Al corazón le corroe un lloroso pensamiento...
 ¡Ay, !, ¡No estás alegre, mi querido rincón!

Пригорюнились девушки-ели,
 И поет мой ямщик на-умяк:
 «Я умру на тюремной постели,
 Похоронят меня умяк ».

Se entristecieron las señoras- comieron,
 y canta mi cochero humildemente:
 “Yo moriré, en la cama de la prisión,
 me enterrarán con negligencia”

1915 (ПуP, pagina 66)

1916

Закружилась пряжа снежистого льна,
 Панихидный вихорь плачет у окна.
 Замело дорогу вьюжным рукавом,
 С этой панихидой век свой весь живем.
 Пойте и рыдайте, ветры, на тропу,
 Нечем нам на помин попу.
 Слушай мое сердце, бедный человек,
 Нам за гробом грусти не слышать вовек.

Se puso a dar vueltas la hilaza de lino,
 el torbellino funerario llora junto a la ventana.
 Cubrió el camino con una ventiscosa manga,
 con este funeral vivimos todo nuestro siglo.
 Cantad y sollozad, vientos, por el camino.
 no hay por qué pagarle una misa al pope.
 Escucha mi corazón, pobre hombre,
 nunca podremos sentir tristeza tras el ataúd.

Как помрем-без пенья, под ветряный звон
 Понесут нас в церковь на мирской канон.

Quando muramos-sin cánticos, bajo el
 resoplido del viento
 nos llevaran a la iglesia a un canon laico.

Некому поплакать, некому кадить,
Есть ли им охота даром приходить.
Только ветер резвый, озорник такой,
Запоет разлуку вместо упокой.

1916 (ПуP, página 80)

Весна на радость не похожа,
И не от солнца желт песок.
Твоя обветренная кожа
Лучила гречневый пушок.

У голубого водополя
На шишкоперой лебеде
Мы поклялись, что будем двое
И не расстанемся нигде.

Кадила темь, и вечер тощий
Свивался в огненной резьбе,
Я проводил тебя до рощи,
К твоей родительской избе.

И долго, долго в дреме зыбкой

Я оторвать не мог лица,
Когда ты с ласковой улыбкой
Махал мне шапкую с крыльца.

1916 (ПуP, página 81)

Гаснут красные крылья заката,
Тихо дремлют в тумане плетни.
Не тоскуй, моя белая хата,
Что опять мы одни и одни.
Чистит месяц в соломенной крыше
Обоймённые синью рога.

Не пошел я за ней и не вышел
Провожать за глухие стога..
Знаю, годы тревогу заглушат.
Эта боль, как и годы, пройдет.
И уста, и невинную душу

1916 (ПуP, página 82)

За горами, за желтыми долами
Протянулась тропа деревень.
Вижу лес и вечернее польмя,
И обвитый крапивой плетень.

No hay nadie para llorar, no hay nadie para incensar,
¿Tienen ganas de venir para nada?.
Tan solo el aire vivaracho, tan travieso,
cantará una despedida en lugar de un réquiem.

La primavera no irradiaba la alegría
y la arena no era dorada por el sol.
Era tu piel golpeada por el viento
la que emanaba una triguera pelusilla.

En el azul abrevadero,
junto a un armuelle silvestre, nudoso y emplumado
nos juramos permanecer siempre unidos
y no separarnos hacia ninguna parte.

La oscuridad incensaba, y la enjuta noche
se enroscaba, en una fulgurante espiral
y yo te acompañé hasta el bosque
hacia tu hogar familiar.

Y durante mucho, mucho tiempo, en mi vacilante
somniaencia
no pude apartar la cara,
cuando tú, con cariñosa sonrisa,
desde el porche, agitando la gorra, te despediste de mí.

Se apagan las rojas alas del ocaso,
duermen tranquilamente los setos en la niebla.
No te laments, mi blanca choza,
de que de nuevo nos encontremos solos.
La luna limpia en la era
la cornamenta teñida de azul.

Yo no me fui a por ella y no salí
a acompañarla a los silenciosos pajares...
Sé que los años apagarán la alarma.
Este dolor, al igual que los años, pasará.
Y los labios, y el alma inocente

Tras las montañas, tras los valles amarillos
se extendían los senderos de las aldeas.
Veo un bosque y las llamas nocturnas
y la zarza entrelazada con las ortigas.

Там с утра над церковными главами
Голубеет небесный песок,
И звенит придорожными травами
От озер водяной ветерок

Allí desde la mañana con los ministros de la iglesia
azulea la arena celestial,
y resuena desde los lagos el húmedo vientecillo
con las plantas del borde de los caminos.

Не за песни весны над равниною
Дорога мне зеленая ширь -
Полюбил я тоской журавлиною
На высокой горе монастырь.

Tras las canciones primaverales sobre la llanura
el camino no fue para mí una verde planicie
yo amé con la tristeza de una grulla
al monasterio de lo alto de la montaña.

Каждый вечер, как синь затуманится,
Как повиснет заря на мосту,
Ты идешь, моя бедная странница,
Поклониться любви и кресту.

Cada noche, cuando el azul se nubla,
cuando en el puente el alba se agarra,
tu vas, mi pobre página,
a arrodillarte con amor ante la cruz.

Кроток дух монастырского жителя,
Жадно слушаешь ты ектенью,
Помолись перед ликом Спасителя
За погибшую душу мою.

De los mansos espíritus de un monje
ávidamente tú escuchas la oración,
reza ante la imagen del Salvador
por mi alma que perece.

1916 (ПуP, página 84)

Месяц рогом облако бодает,
В голубой купается пыли.
В эту ночь никто не отгадает,
Отчего кричали журавли.
В эту ночь к зеленому затону
Прибегла она из тростника.
Золотые космы по хитону
Разметала белая рука.
Прибегла, в ручей взглянула пряткий,
Опустилась с болью на пенек.
И в глазах завяли маргаритки,
Как болотный гаснет огонек.
На рассвете с вьющимся туманом
Уплыла и скрылась вдали...
И кивал ей месяц за курганом
В голубой купался пыли.

La luna con el cuerno cornea a la nube
se baña en el polvoriento azul.
En esta noche nadie adivina,
porqué chillaban las grullas.
En esta noche a las verdosas aguas muertas
llegó desde el cañaverál.
Una mano blanca extendía
cabellos dorados por la túnica.
Llegó, miró al arroyo con viveza,
se cayó dolorosamente sobre un tronco.
Y en los ojos se marchitaron las margaritas
como se apaga el fueguezuelo pantanoso.
Y al alba con la niebla trepadora
se fue nadando y desapareció a lo lejos...
Y la saludó la luna, tras el montículo
se bañaba en el polvoriento azul.

1916 (ПуP, página 86)

В зеленой церкви за горой,
Где вербы четки уронили,
Я поминаю просфорой
Молодой весны младые были.
А ты, склонившаяся ниц,
Передо мной стоишь незримо,
Шелка опущенных ресниц
Колышут крылья херувима.

En la verde iglesia tras la montaña,
donde los sauces soltaron el rosario,
yo recuerdo que con la hostia
joven de la primavera había jóvenes.
Y tú, postrado.
ante mí, permaneces invisible.
Las sedas de las caídas pestañas
balancean las alas del querubín.

Не омрачен твой белый рок
 Твоей застывшею порою,
 Все тот же розовый платок
 Затянут смуглою рукою.
 Все тот же вздох жмет
 Твои надломленные плечи
 О том, кто за морем живет
 И кто от родины далече.
 И все тягуче память дня
 Перед пристойным ликом жизни
 О, помолись и за меня,
 За бесприютного в отчизне.

No se oscurece tu blanco destino
 con tu congelada temporada,
 todo al igual que tu rosado mantón
 aprietan con tu mano morena.
 Todo al igual que el suspiro también aprieta levemente
 tus hombros fracturados
 sobre aquel vive al otro lado del mar
 y quien está más lejos de la patria.
 Y toda la viscosa memoria del día
 ante la cara decente de la vida,
 ¡Oh! ruega también por mí,
 por el desamparado en la patria.

Junio de 1916 (PyP, página 88)

Даль подернулась туманом,
 Чешет тучи лунный гребень.
 Красный вечер за куканом
 Расстелил кудрявый бредень.

La lejanía se cubría de niebla
 Rasca las nubes la cresta de la luna.
 La tarde roja con un hilo de pesca
 desplegó una rizada traíña.

Под окном от скользких вѣтел
 Перепѣльи звоны ветра.
 Тихий сумрак, ангел теплый,
 Напоен нездешним светом.

Bajo la ventana desde resbaladizos sauces
 los piares codorniceros del viento.
 Silenciosa penumbra, un ángel cálido
 empañado con luz ajena.

Сон избы легко и ровно
 Хлебным духом сеет притчи.
 На сухой соломе в дровнях
 Слаще мѣда пот мужичий.

El sueño de la izba ligera y justamente
 siembra con un espíritu migajoso las parábolas.
 Sobre la paja seca en los trineos
 un sudor hombruno más dulce que la miel.

Чей-то мягкий лих за лесом,
 Пахнет вишнями и мохом...
 Друг, товарищ и ровесник,
 Помолись коровьим вздохам.

Más allá del bosque la suave alegría maliciosa de alguien
 huele a cerezas y a musgo...
 Amigo y compañero de mi edad,
 reza con mugidos vacunos

Junio de 1916 (PyP, página 89)

За темной прядью перелесиц,
 В неколебимой синеве,
 Ягненок кудрявый – месяц
 Гуляет в голубой траве.

Tras una oscura hilera de boscosidades
 en un inquebrantable azulado,
 un rizado corderito-la luna
 pasea por el prado azul.

В затихшем озере с осокой
 Бодаются его рога, –
 И кажется с тропы далекой –
 Вода качает берега.

En el tranquilo prado juncoso
 topetean sus cuernos,-
 y parece que desde un lejana senda-
 el agua bate las orillas.

А степь под пологом зеленым
 Кадит черемуховый дым

Y a la estepa bajo un verde cortinaje
 la incienso el humo de un cerezo aliso

И за долинами по склонам
Свивает полымя гнад ним.

y tras las laderas de los valles
enrosca una llama sobre ella.

О сторона ковыльной пуши,
Ты сердцу ровностью близка,
Но и в твоей таится гуще
Солончаковая тоска.

¡Oh! país de selva de estipa espumosa
estás próximo al corazón de la igualdad,
pero en ti profundamente se esconde
una salífera tristeza.

И ты, как я, в печальной требе,
Забыв, кто друг тебе и враг,
О розовом тоскуешь небе
И голубиных облаках.

Y tú como yo en una triste ceremonia
habiendo olvidado, quién es para ti amigo y enemigo,
añoras el cielo rosado
y las celestes nubes.

Но и тебе из синей шири
Пугливо кажет темнота
И кандалы твоей Сибири,
И горб Уральского хребта.

Pero y para ti, desde la azul lejanía
tímidamente se muestra la oscuridad
y los grilletes de tu Siberia
y las jorobas de los montes urales.

1916 (PyP, página 89)

Слушай, поганое сердце,
Сердце собачье мое.
Я на тебя, как на вора,
Спрятал в руках лезвие.
Рано ли, поздно всажу я
В ребра холодную сталь.
Нет, не могу я стремиться
В вечную сгнившую даль.
Пусть поглупее болтают,
Что их загрызла мета;
Если и есть что на свете —
Это одна пустота.

Escucha corazón venenoso,
mi perruno corazón.
Yo te escondí, como a un ladrón
una cuchilla en las manos.
Tarde o temprano clavaré
en las costillas acero frío.
No, yo no puedo esforzarme
en un eterno horizonte decadente.
Que digan tontamente,
que el hierro los desgarró;
Si hay algo en el mundo-
es tan solo la vaciedad.

3 de junio de 1916 (PyP, página 90)

День ушел, убавилась черта,
Я опять подвинулся к уходу.
Легким взмахом белого перста
Тайны лет я разрезаю воду.

El día pasó, el diablo empequeñece,
yo de nuevo me moví hacia la salida.
Con un ligero braceo de un dedo blanco
yo corto el agua del misterio de los años.

В голубой струе моей судьбы
Накипи холодной бьется пена,
И кладет печать немого плена
Складку новую у сморщенной губы.

En la corriente azul de mi destino
del frío burbujeo late la espuma,
y deposita el sello de un mudo cautiverio
el fruncido labio tiene una nueva arruga

С каждым днем я становлюсь чужим
И себе, и жизнь кому велела .
Где-то в поле чистом, у межи,

Con cada día yo me levantaba extraño
y para mi mismo, y para el que la vida prescribiera.
En alguna parte en el limpio campo, en el borde,

Оторвал я тень свою от тела.

arrancaba yo mi sombra del cuerpo.

Неодетая она ушла,
Взяв мои изогнутые плечи.
Где-нибудь она теперь далече
И другого нежно обняла.

Ella salió desnuda,
cogiendo mis curvados hombros.
Ahora ella se encuentra lejos
y abrazó a otro cariñosamente.

Может быть, склоняясь к нему,
Про меня она совсем забыла
И, вперившись в призрачную тьму,
Складки губ и рта переменила.

Pude ser que, agachándose sobre él
ella casi se olvidó bastante de mí
y mirando de cerca en la oscuridad fantasmal
mudó los pliegues de los labios y de la boca.

Но живет по звуку прежних лет,
Что, как эхо, бродит за горами.
Я целую синими губами
Черной тенью тиснутый портрет

Pero vive con el sonido de los años anteriores,
que como un eco, vaga tras las montañas.
Y beso con los labios azules
como una negra sombra el estrujado retrato.

1916 (ПуP, página 91)

Опять раскинулся узорно
Над белым полем багрянец,
И заливается задорно
Нижегородский бубенец.

De nuevo se extendió como un bordado
el púrpura sobre un campo blanco,
y se expande provocadoramente
un cascabel suburbano.

Под затуманенною дымкой
Ты кажешь девичью красу,
И треплет ветер под косыночкой
Рыжеволосую косу.

Bajo una borrosa neblina
tú muestras la belleza de una doncella,
y el viento aletea bajo una pañoleta
una trenza pelirroja

Дуга, раскалываясь, пляшет,
То выныряя, то пропав,
Не заморозит, не обманет
Твой разукрашенный рукав.

Un arco, encandeciéndose, danza,
ya emergiendo, ya desapareciendo,
no encantaré, no empararé
tu engalanada manguera

Уже давно мне стала сниться
Полей малиновая ширь,
Тебе - высокая светлица,
А мне - далекий монастырь.

Hace ya tiempo que me hizo soñar
la vastedad carmesí de los campos,
A ti-la-la alta buhardilla,
a mí-el lejano monasterio.

Там синь и полымя воздушней
И легкодымней пелена.
Я буду ласковый послушник,
А ты - разгульная жена.

Allí el azul y el velo en llamas
ligeramente flotante y humeante.
Yo seré un cariñoso novicio,
Y tú una libertina mujer.

И знаю я, мы оба станем
Грустить в упругой тишине:
Я по тебе - в глухом тумане,
А ты заплачешь обо мне.

Y yo sé que ambos nos pondremos
tristes en una triste calma:
Yo por ti. en una densa niebla,
y tú lloraras por mí.

Но, и поняв, я не приемлю
 Ни тихих ласк, ни глубины.
 Глаза, увидевшие землю,
 В иную землю влюблены.

Pero habiéndolo entendido, yo no acepto
 ni as suaves caricias, ni la profundidad.
 Los ojos, habiendo observado la tierra
 se han enamorado de una tierra diferente.

1816 (PyP, página 92)

Мечта (Из книги «Стихи о любви»)

Ensueño. (Del libro “Poesias sobre el amor”)

1

В темной роще на зеленых елях
 Золотятся листья вялых ив.
 Выхожу я на высокий берег,
 Где покойно плещется залив.
 Две луны, рога свои качая,
 Замутили желтым дымом зыбь.
 Гладь озер с травой не различая,
 Тихо плачет на болоте выпь.
 В этом голосе обкошенного луга
 Слышу я знакомый сердцу зов.
 Ты зовешь меня, моя подруга,
 Погрустить у сонных берегов.
 Много лет я не был здесь и много
 Встреч веселых видел и разлук,
 Но всегда хранил в себе я строго
 Нежный сгиб твоих туманных рук.

En la oscura arboleda en los verdes abetos
 se doran las hojas de los sauces marchitos.
 Salgo hacia las altas orillas,
 donde tranquilamente salpica la ensenada.
 Dos lunas, con los cuernos temblando,
 enturbiaron con humo verde la marejada.
 El espejo de los lagos confundiendo con las hierbas,
 el alcaraván llora silenciosamente sobre el pantano.
 En esta voz del prado segado
 yo escucho la conocida llamada al corazón.
 Tú me invitas, amiga mía,
 a entristecer en las riberas somnolientas.
 Yo durante muchos años no estuve aquí y presencié
 muchos alegres encuentros y despedidas,
 pero siempre fuertemente conservé en mí
 la cariñosa blandura de tus nebulosas manos.

2

Тихий отрок, чувствующий кротко,
 Голубей целующий в уста, —
 Тонкий стан с медлительной походкой
 Я любил в тебе, моя мечта.
 Я бродил по городам и селам,
 Я искал тебя, где ты живешь,
 И со смехом, резвым и веселым,
 Часто ты меня манила в рожь.
 За оградой монастырской кроюсь,
 Я вошел однажды в белый храм:
 Синию водою солнце моюсь,
 Свой орарь* мне кинуло к ногам.
 Я стоял, как инок, в блеске алом,
 Вдруг сдавила горло тишина...
 Ты вошла под черным покрывалом
 И, поникнув, стала у окна.

Tranquila juventud, que siente dulcemente,
 los besos en la boca de la paloma,-
 talle fino con paso lento
 yo te quise ensueño mío.
 Yo vagué por las ciudades y las aldeas,
 yo te busqué, allí donde vives,
 y con una sonrisa, alegre y animada,
 muchas veces tú me atraes al centeno.
 acortando tras la valla del monasterio,
 yo entré una vez en el templo blanco:
 lavándose al sol con un agua azul,
 mi estola me llegaba hasta las piernas.
 Yo permanecí de pie, como un monje, en un brillo bermejo,
 y de repente el silencio apretujó la garganta...
 Tú entraste bajo un velo negro
 y al salir, permaneciste junto a una ventana.

3

С паперти под колокол гудящий
 Ты сходила в благовоньи свеч.
 И не мог я, ласково дрожащий,
 Не коснуться рук твоих и плеч.
 Я хотел сказать тебе так много,
 Что томило душу с ранних пор,

Desde el porche, bajo un zumbante campanario,
 tú ibas a los perfumes de las velas
 y yo no podía evitar, temblando cariñosamente,
 tocar tus hombros y tus manos.
 Y quería decirte tanto,
 que atormentaba el alma desde los primeros días

Но дымилась тихая дорога
 В незакатном полыме озер.
 Ты взглянула тихо на долины,
 Где в траве ползла кудряво мгла...
 И упали редкие седины
 С твоего увядшего чела...
 Чуть бледнели складки от одежды,
 И, казалось в русле темных вод, —
 Уходя, жевал мои надежды
 Твой беззубый, шамкающий рот.
 4

Но недолго душу холод мучил.
 Как крыло, прильнув к ее ногам,
 Новый короб чувства я навьючил
 И пошел по новым берегам.
 Безо шва стянулась в сердце рана,
 Страсть погасла, и любовь прошла.
 Но опять пришла ты из тумана
 И была красива и светла.
 Ты шепнула, заслонясь рукою:
 «Посмотри же, как я молода.
 Это жизнь тебя пугала мною,
 Я же вся как воздух и вода».
 В голосах обкошенного луга
 Слышу я знакомый сердцу зов.
 Ты зовешь меня, моя подруга,
 Погрустить у сонных берегов.

1916 (PyP, página 93)

Синее небо, цветная дуга,
 Тихо степные бегут берега,
 Тянется дым, у малиновых сел
 Свадьба ворон облегла частокол.

Снова я вижу знакомый обрыв
 С красною глиной и сучьями ив,
 Грезит над озером рыжий овес,
 Пахнет ромашкой и медом от ос.

Край мой! Любимая Русь и Мордва!
 Притчею мглы ты, как прежде, жива.

Нежно под трепетом ангельских крыл
 Звонят кресты безымянных могил.

Многих ты, родина, ликом своим
 Жгла и томила по шахтам сырым.
 Много мечтает их, сильных и злых
 Выкусить ягоды персей твоих.

pero se ahumaba el silencioso camino
 en la inextinguible llama de los lagos
 Tú miraste tranquilamente a los valles
 donde en la hierba se deslizaba frondosamente la neblina..
 y cayeron unas raras cañas
 desde tus marchitadas cejas...
 Se arrugaron un poco los pliegues de la ropa,
 y parecía que en el lecho de las sombrías aguas
 yéndose, masticó mis esperanzas
 tu desdentada, masculladora boca.

Pero el frío atormentó al alma por poco tiempo.
 Como un ala, que se pega a sus piernas,
 yo cargué con un nuevo montón de sentimientos
 y me fui por nuevas riberas.
 La herida cicatrizaba sin sutura en el corazón,
 Se apagó la pasión y pasó el amor.
 pero de nuevo tú llegaste desde la niebla
 y eras hermosa y brillante.
 Tú susurraste, tapándote con la mano:
 “Mira pues, qué joven soy.
 Esto te perjudicaba la vida conmigo,
 pues yo soy toda como el aire y el agua”
 Entre las voces del prado segado
 oigo una conocida llamada al corazón.
 Tú me invitas, amiga mía,
 a entristecer en las somnolientas riberas.

Cielo azul, arc de colores,
 las orillas de la estepa corren en silencio,
 se extiende el humo por las aldeas de carmín,
 la empalizada rodeó la boda de los cuervos

De nuevo veo el conocido precipicio
 con la arcilla roja y con las ramas de los sauces,
 sueña sobre el lago la avena rojiza,
 Huele a manzanilla y a miel de avispa.

¡Rincón mío! ¡Queridas Rus y Mordovia!
 Tú como un proverbio de las tinieblas
 como siempre estás viva
 Cariñosamente bajo el temblor de las alas angélicas
 resuenan las cruces de las tumbas sin nombres.

Tú, patria, a muchos, con tu cara
 abrasaste y abrumaste por los húmedos pozos.
 Muchos de ellos, fuertes y malos, sueñan,
 morder las uvas de tus pechos.

Только я верю: не выжить тому,
Кто разлюбил твой острог и тюрьму...
Вечная правда и гомон лесов
Радуют душу под звон кандалов.

Tan solo, yo creo que no sobrevivirá aquel
dejó de amar a tu presidio y a tu cárcel...
La verdad eterna el algarabía de los bosques
contentan el alma bajo el tintineo de los grilletes.

1916 (ПуP, página 97)

О красном вечере задумалась дорога,
Кусты рябин туманней глубины.
Изба-старуха челюстью порога
Жует пахучий мякиш тишины.

Sobre la roja tarde, meditó el camino,
los arbustos de las serbales de la nebulosa profundidad.
La vieja izba con la mandíbula del umbral
mastica las olorosas migas del silencio.

Осенний холод ласково и кротко
Крадется мглой к овсяному двору;
Сквозь синь желтоволосый отрок
Лучит глаза на галочью игру.

El frío otoñal cariño y dulcemente
se acerca con la calima al campo de avena;
A través del azul de cristal el rubio adolescente
irradia los ojos en el brillo de la chova.

Обняв трубу, сверкает по повети
Зола зеленая из розовой печи.
Кого-то нет, и тонкогубый ветер
О ком-то шепчет, сгнувшем в ночи.

Habiendo abrazado la chimenea, brilla en el granero
la verde ceniza del rosado horno.
No hay nadie y el ligero viento
susurra sobre alguien, que se ha esfumado en la noche.

Кому-то пятками уже не мять по рошам
Щербленный лист и золото травы.
Тягучий вздох, ныряя звоном тощим,
Целует клюв нахохленной совы.

A alguien ya no chafar con los talones por el bosque
la desdentada hoja y el oro de las hierbas.
Un pesado suspiro, zambulléndose con un flaco sonido
besa el pico del enfurruñado buitre.

Всё гуще хмарь, в хлеву покой и дрема,
Дорога белая узорит скользкий ров...
И нежно охает ячменная солома,
Свисая с губ кивающих коров.

Una espesa neblina, en el establo sopor y tranquilidad
el blanco camino recubre una resbaladiza zanja...
y tiernamente gime la paja de cebada,
colgando de los labios de las cabeceantes vacas.

1916 (ПуP, página 98)

О товарищах веселых,
О полях посеребрённых
Загрустила, словно голубь,
Радость лет уединенных.

Sobre los alegres camaradas,
sobre los campos plateados
se entristeció, como una paloma
la alegría de los años remotos.

Ловит память тонким клювом
Первый снег и первопутук.
В санках озера над лугом
Запоздалый окрик уток.

Agarra la memoria con pico fino
el camino cubierto por las primeras nieves.
En los trineos del lago sobre el lago
el tardío grito de los patos.

Под окном от о скользких елей
Тень протягивает руки.
Тихих вод парагуш квельый
Курит люльку на излуке .
Легким дымом и дальним пожням
Шлет поклон день ласк и вишен.

Bajo la ventana desde los resbaladizos abetos
la sombra extiende las manos.
El ligero humillo de las aguas tranquilas
fuma la pipa en el meandro.
Con un humo ligero y a unas lejanas praderas
el día envía saludos de las caricias y de las guindas

Запах трав от бабьей кожи
На губах моих я слышу.

El olor de las hierbas a piel de mujer
yo lo siento en mis labios.

Мир вам, рощи, луг и липы,
Лиия медовый ладан!
Все приявшему с улыбкой
Ничего от вас не надо.

¡El mundo para vosotros, arboledas, valles y limas,
es el incienso meloso del Día de Ramos.
Para el que lo recibe todo con una sonrisa
no necesita nada de vosotros.

1916 (PyP, página 98)

Прощай, родная пуца,
Прости, златой родник.
Плывут и рвутся тучи
О солнечный сошник.

Adios bosque natal,
perdona, dorada primavera.
las nubes vuelan y se alegran
sobre el soleado arado.

Сияй ты, день погожий,
А я хочу грустить.
За голенищем ножик
Мне больше не носить.

Brilla tú, día sereno,
Y yo quiero entristecerme.
A por las botas altas
la navaja no tengo que llevarla más.

Под брюхом жеребенка
В глухую ночь не спать
И звонкой радостью
on la ruidosa alegría
Лесов не оглашать.

Bajo el vientre del potro
no se puede dormir en la sorda noche
y resonar c

de los bosques.

И не избегнуть бури,
Не миновать утрат,
Чтоб прозвенеть в лазури
Кольцом незримых врат.
1916 (PyP, página 99)

Y no escapar de las tormentas
no evitar las pérdidas,
para resonar en los azules
con el corro de los hermanos invisibles.

Покраснела рябина,
Посинела вода.
Месяц, всадник унылый,
Уронил повода.

Se enrojeció la llanura,
el agua se puso azul.
La luna, el triste jinete,
dejo caer las riendas.

Снова выплыл из рощи
Синим лебедем мрак..
Чудотворные мощи
Он принес на крылах.

De nuevo salió nadando de las arboledas
como un cisne azul la oscuridad.
Milagrosas reliquias
trajo en las alas.

Край ты, край мой, родимый,
Вечный пахарь и вой,
Словно Вольга под ивой,
Ты поник головой.

Tú rincón, mi rincón, natal,
eterno labrador y aullido,
como el Volga bajo el sauce,
tú agachaste la cabeza,

Встань, пришло исцеленье,
Навестил тебя Спас.

Levántate, llegó la salvación,
te visitó el Salvador.

Лебединое пенье
Нежит радугу глаз.

El canto del cisne
acaricia el arco iris de los ojos.

Дня закатного жертва
Искупила весь грех.
Новой свежестью ветра
Пахнет зреющий снег.

El sacrificio del día del ocaso
redimió todo pecado.
Con la nueva frescura del viento
perfuma la nieve madura

Но незримые дрожжи
Все теплей и теплей...
Помяну тебя в дождик
Я, Есенин Сергей.
1916 (ПуP, página 100)

Pero invisibles temblores
más y más calientes
Te recordaré en la lluvia
Yo, Sergio Esenin

Твой глас, как дым в избе.
Смиранным сердцем молюсь тебе.

Tu voz es invisible como el humo en la izba.
Con un humilde corazón te suplico.

Овсяным ликом питаю дух
Помощник жизни и тихий друг.

Con harina de avena alimento el espíritu,
Asistente de la vida y silencioso amigo.

Рудую солнца посеян свет,
Для вечной правды названья нет.

Con un mineral solar se siembra la luz,
no hay un nombre para la verdad eterna

Считает время песок мечты,
Но новых зерен прибавил ты.

El tiempo tiene en cuenta la arena del sueño,
Pero tu añadiste nuevos granos.

В незримых пашнях растут слова, En campos labrados invisibles crecen las palabras
Смешалась с думой ковыль- трава. se mezclaba con el pensamiento en el césped de estipa plumosa

На крепких сгибах воздетых рук En los fuertes pliegues de las manos alzadas
Возводит церкви строитель звук церкви. se levanta el sonido edificante de la iglesia.

Есть радость в душах - топтать твой цвет, Hay alegría en las almas-pisotear tu color
На первом снеге свой видеть след. Con las primeras nieves hay que ver su huella.

Но краше кротость и стихший пыл Pero más hermosa es la dulzura y el callado fervor.
Склонивших веки пред звоном крыл. Los siglos rechazados ante el sonido de las alas.

1916 (ПуP, página 101)

Там, где вечно дремлет тайна,
Есть нездешние поля.
Только гость я, гость случайный
На горах твоих, земля.

Allá. donde para siempre duerme el misterio
hay campos ajenos.
Yo soy tan solo un huésped, un huésped casual
en tus montañas, tierra.

Широки леса и воды,

Vastos bosques y aguas,

Крепок взмах воздушных крыл. Но века твои и годы Затуманил бег светил.	fuerte aleteo de aéreas alas Pero tus siglos y tus años los nubló la carrera de los astros
Не тобой я поцелован, Не с тобой мой связан рок. Новый путь мне уготован От захода на восток.	No he sido por ti besado, no está contigo mi vinculado destino. Un nuevo camino me ha sido dispuesto desde poniente hasta levante.
Суждено мне изначально Возлететь в немую тьму. Ничего я в час прощальный Не оставлю никому.	Desde el principio estaba destinado a despegar hacia una muda oscuridad. Yo no dejaré nada a nadie a la hora de la despedida.
Но за мир твой, с выси звездной, В тот покой, где спит гроза, В две луны зажгу над бездной Незакатные глаза.	Pero para tu paz, desde las alturas celestes en aquel reposo, donde duerme la tempestad en dos lunas encenderé sobre el abismo unos imperceptibles ojos.

1016 (Pyp, página 102)

Тучи с ожереба... Ржут, как сто кобыл. Плещет надо мною Пламя красных крыл.	Las nubes del parto de un potrillo relinchan, como cien yegüas. Flamea sobre mí la llama de alas rojas
Небо словно вымя, Звезды как сосцы. Пухнет божье имя В животе овцы.	El cielo como una teta, las estrellas como pezones. Se hincha el nombre de Dios en la panza de las ovejas.
Верю: завтра рано, Чуть забрезжит свет, Новый под туманом Вспыхнет Назарет.	Creo: mañana pronto, en cuanto que amanezca la luz, bajo la niebla resplandecerá el nuevo Nazaret.
Новое восславят Рождество поля, И, как пес, пролает За горой заря.	Los campos celebrarán la nueva Navidad, y como un perro, ladrará el alba tras la montaña.
Только знаю: будет Страшный вопль и крик, Отрекутся люди Славить новый лик.	Yo tan solo sé que habrá un terrible chillido y un grito, Las gentes se negarán a aclamar a un nuevo rostro
Скрежетом булата Вздыбят пасть земли... И со щек заката	Con un relincho de acero encabritan las bocazas de la tierra... y desde las mejillas del ocaso

Спрыгнут скулы-дни. saltan los pómulos-días

Побегут, как лани,
В степь иных сторон,
Где вздымает длани
Новый Симеон. Correran, como ciervos
a la estepa de otras partes,
donde agita las palmas
el nuevo Simeón.

1916 (PyP, página 103)

То не тучи бродят за овином
И не холод.
Замесила божья мать сыну
Колоб. Ya las nubes no vagan tras el gavillero
ni el frío.
La madre de dios amasa un panecillo
para el hijo.

Всякой снадобью она поила жито
В масле.
Испекла и положила тихо
в ясли. Con cada poción ella abrebaba los cereales
en aceite.
Horneó y lo metió silenciosamente
en el pesebre.

Заигрался в радости младенец,
Пал в дрёму.
Уронил он колоб золочёный
На солому. Se puso a jugar con alegría el niño
cayó en el sopor.
Él dejó caer el dorado panecillo
en la paja.

Покатился колоб за ворота
Рожью.
Замутили слёзы душу голубую
Божью Rodó el panecillo tras la puerta
con el centeno.
Las lágrimas a dios
le enturbiaron el alma azul.

Говорила божья мать сыну
Советы :
"Ты не плачь, мой лебедёночек,
Не сетуй. La madre de dios le dio al hijo
unos consejos:
"Tú no llores, cisnito mío,
no te lamentos.

На земле все люди человеки -
Чада.
Хоть одну им малую забаву
Надо. En la tierra todas las gentes, todos los hombres
son hijos (*de dios*).
Aunque ellos tan solo necesitan
un poco de distracción.

Жутко им меж тёмных
Перелесиц,
Назвала я этот колоб -
Месяц". Terriblemente a ellos en medio de oscuras
boscosidades,
yo a este panecillo lo llamaba-
luna"

1916 (PyP, página 104)

1917

Голубень

В прозрачном холоде заголубели доли
Отчетлив стук подкованных копыт
Трава поблекшая в расстеленные полы
Собирает медь с обветренных ракиг.
-

С пустых лощин ползет дугою тощей
-
Сырой туман, курчаво свившись в мох,
-
И вечер, свежившись над речкою, полощет
Водою белой пальцы синих ног

Осенним холодом расцвечены надежды
Бредет мой конь, как тихая судьба
И ловит край махающей одежды
Его чуть мокрая буланая губа

В дорогу дальнюю, не к битве, не к покою,
Влекут меня незримые следы,
Погаснет день, мелькнув пятой златою
И в короб лет улягутся труды.

x x x

Сыпучей ржавчиной краснеют по дороге
Холмы плешивые и слегшийся песок
И пляшет сумрак в галочьей тревоге,
Согнув луну в пастушеский рожок.

Молочный дым качает ветром села
Но ветра нет, есть только легкий звон.
-
И дремлет Русь в тоске своей веселой,
Вцепивши руки в желтый крутосклон.

Манит ночлег, недалеко до хаты
Укропом вялым пахнет огород.
На грядки серые капусты волноватой
Рожок луны по капле масло льет

x x x

Azules

Con el frío transparente azulean los valles,
El golpe seco de las herraduras,
La hierba marchita en los extensos prados
El viento deposita las hojas cobrizas
de los sauces otoñales

Desde las vacías cañadas se desliza
como un arco difuminado
una neblina gris que con el musgo
se enrolla ensortijadamente
y que con la tarde, flotando sobre el riachuelo, escarda
cual espuma blanca, los dedos azules de los pies.

Con los fríos otoñales, brotan las esperanzas
Delira mi caballo con su buena suerte,
y sus humedecidos belfos.
atrapan los bordes de la agitada vestimenta.

Por el largo camino, ni para bién, ni para mal
me conducen unas invisibles pisadas
Se extingue el día y se lleva el cinco de oros,
y en la caja de los tiempos se calman todas las penas.

Como herrumbe movediza enrojecen por el camino
las calvas colinas y las movedizas arenas,
y danzan las tinieblas como chovas asustadas
metiendo a la luna en el botijo de un pastor

Un humo lechoso, mece cual viento a la aldea
pero el viento no sopla sino tan solo
se oye un ligero rumor
y la Rus dormita en su alegría
clavando las manos en un escarpe amarillo.

Seduca el mesón junto a la casucha,
A hinojos marchitos huele la huerta
En los bancales, grises repollos, el relumbrante
cuerno de la luna vierte gotas de aceite

Тянусь к теплу, вдыхаю мягкость хлеба
И с хруптом мысленно кусаю огурцы,
За ровной гладью вздрогнувшее небо
Выводит облако из стойла под уздцы.

Me acerco al calor, aspiro la blandura del pan
y mentalmente, entre crujidos muerdo los pepinos
sueño que en la amplia llanura, un cielo estremecido
da luz a una nube bajo las bridas de un establo

x x x

Ночлег, ночлег, мне издавна знакома
Твоя попутная разымчивость в крови,
Хозяйка спит, а свежая солома
Примята ляжками вдовеющей любви.

Mesón, mesón, conozco desde hace tiempo
tu continua alucinación en la sangre.
La dueña duerme, y la paja fresca
es aplastada por los muslos de un viudo amor

Уже светает, краской тараканьей
Обведена божница по углу,
Но мелкий дождь своей молитвой ранней
Еще стучит по мутному стеклу.

Aún reluce como una cucaracha rojiza
la rodeada tumba del rincón
Pero una suave lluvia con su plegaria temprana
ya golpea el empañado cristal

x x x

Опять передо мною голубое поле,
Качают лужи солнца рдяный лик.
Иные в сердце радости и боли,
И новый говор липнет на язык.

De nuevo ante mí, el campo azulado,
Balancea la charca, la cara enrojecida del sol.
Otros con el corazón lleno de angustia y de alegría,
y un nuevo susurro se pega a la lengua..

Водой зыбкой стынет синь во взорах,
Бредет мой конь, откинув удила,
И горстью смуглою листвы последний ворох
Кидает ветер вслед из подола.

Con las aguas movedizas se congela el azul del paisaje,
Delira mi caballo desbocado
Y con un puño tostado, al último montón de hojarasca
lo lanza el viento tras la colina

1917 (PyP, página 105)

«Ночь и поле, и крик петухов»

Ночь и поле, и крик петухов...
С златной тучки глядит Саваоф.
Хлесткий ветер в равнинную синь
Катит яблоки с тощих осин.

Вот она, невеселая рябь
С журавлиной тоской сентября!
Смолкшим колоколом над прудом
Опрокинулся отчий дом.

Здесь все так же, как было тогда,
Те же реки и те же стада.
Только ивы над красным бугром
Обветшалым трясут подолом.

“La luna y el campo y el cacareo de los gallos”

La luna y el campo y el cacareo de los campos...
Bajo la nubecilla dorada resplandece Savaof
Una fuerte ventisca sobre la azulada llanura
hace rodar las manzanas desde los enjutos álamos

Allí está el triste escarceo
¡Con la angustia de la grulla de Septiembre!
con el callado campanario sobre el estanque
se adormeció mi casa paterna.

Aquí todo está como siempre,
Los mismos ríos y los mismos establos.
Tan solo los sauces sobre el montecillo rojizo
tiritan cual andrajosa falda.

Кто-то сгиб, кто-то канул во тьму,
Уж кому-то не петь на холму.
Мирно грезит родимый очаг
О погибших во мраке плечах.

Alguien se encoge, alguien se hunde en las tinieblas
Para nadie canta la culebra en la colina
Sueña en paz el fogón familiar
con los brazos perdidos en la oscuridad

Тихо-тихо в божничном углу,
Месяц месит кутью на полу...
Но тревожит лишь помином тишь
Из запечья пугливая мышь.

Silenciosamente en su rincón sagrado
la luna amasa en el suelo el pastel de miel...
Pero apenas se perturba, por las súplicas
del asustado ratón, la templanza de la cocción..

1917 (PyP, página 108)

Снег, словно мед ноздреватый,
Лег под прямой частокол.
Лижет теленок горбатый
Вечера красный подол.

La nieve, como esponjosa miel,
yacía bajo la recta empalizada.
Lame el jorobado becerro
la falda bermeja de la tarde.

Тихо. От хлебного духа
Снится кому-то апрель.
Кашляет бабка-старуха,
Грудью склоняясь на кудель.

En silencio. Al olor del pan
abril se ensueña con alguien..
Tose la anciana abuelita
inclinando el pecho sobre el cerro de lino.

Рыжеволосый внучонок
Щупает в книжке листы.
Стан его гибок и тонок,
Руки белей бересты.

El pelirrojo nietecillo
palpa las hojas del librito.
Su talle fino y esbelto,
las manos más blancas que el abedul.

Выпала бабке удача,
Только одно невдомек:
Плохо решает задачи
Выпитый ветром умок.

Tuvo suerte la abuelita,,
tan solo no alcanzaba a comprender:
porqué resuelve tan mal los problemas
una mente embriagada por el viento

С глазу ль, с немилого ль взора
Часто она под удой
Поит его с наговором
Преполовенской водой.

A escondidas, con una despectiva mirada
ella muchas veces al ordeñar
le da de beber maliciosamente
con el agua de Pentecostés

И за глухие поклоны
С лика упавших седин
Пишет им числа с иконы
Божий слуга — Дамаскин.

Y tras sordas reverencias,
con un semblante con largas canas
les escribe los Números desde su imagen,
Damasquin el santo de Dios - (*obispo ruso 1737-1795*)

1917 (PyP, página 109)

Колокольчик сереброзвонный,
Ты поешь? Иль сердцу снится?
Свет от розовой иконы
На золотых моих ресницах.

Campanilla que sueñas como la plata
¿Estás cantando? ¿O te ensueñas con el corazón?
Desde la rosada imagen, la luz
llega a mis doradas pestañas.

Пусть не я тот нежный отрок
В голубином крыльев плеске,
Сон мой радостен и кроток
О нездешнем перелеске.

Aunque yo no soy aquel cariñoso adolescente
en el azul chapoteo de las alas,
mi sueño es corto y alegre
sobre un matorral lejano.

Мне не нужен вздох могилы,
Слову с тайной не обняться.
Научи, чтоб можно было
Никогда не просыпаться.

No necesito el suspiro de la tumba
ni abrazarme secretamente a la palabra.
enséñame, para que sea posible
que ya nunca me despierte.

1917 (PyP, página 110)

Разбуди меня завтра рано,
О моя терпеливая мать!
Я пойду за дорожным курганом
Дорогого гостя встречать.

Despiértame mañana temprano,
¡Oh, paciente madre mía!
Y me iré tras un montículo del camino
a encontrarme con un querido huésped.

Я сегодня увидел в пуще
След широких колес на лугу.
Треплет ветер под облачной кущей
Золотую его дугу.

Yo hoy he visto en el bosque
la huella de anchas ruedas en la pradera.
vibra el viento bajo la nublada arboleda
su arco dorado.

На рассвете он завтра промчится,
Шапку-месяц пригнув под кустом,
И игриво взмахнет кобылица
Над равниною красным хвостом.

Mañana al amanecer él galopará rápidamente,
chafando bajo un arbusto el sombrero lunar,
y coqueteando la yegüita aleteará con su rabo rojizo
sobre el campo llano.

Разбуди меня завтра рано,
Засвети в нашей горнице свет.
Говорят, что я скоро стану
Знаменитый русский поэт.

Despiértame pronto mañana,
enciende la luz en nuestro aposento.
Dicen que yo me convertiré
en un conocido poeta ruso.

Воспою я тебя и гостя,
Нашу печь, петуха и кров...
И на песни мои прольется
Молоко твоих рыжих коров.

Te cantaré yo a ti y a los invitados,
y nuestra estufa, gallo y nuestro techo...
Y en mis canciones se derramará
la leche de tus rojizas vacas

1 febrero 1917 (PyP, página 110)

ТОВАРИЩ

Compañero.

Он был сыном простого рабочего,
И повесть о нем очень короткая.
Только и было в нем, что волосы, как ночь,
-
Да глаза голубые, кроткие.

Отец его с утра до вечера
Гнул спину, чтоб прокормить крошку;
Но ему делать было нечего,
И были у него товарищи: Христос да кошка.

Кошка была старая, глухая,
Ни мышей, ни мух не слышала,
А Христос сидел на руках у Матери
И смотрел с иконы на голубей под крышею.

Жил Мартин, и никто о нем не ведал.
Грустно стучали дни, словно дождь по железу.
-
И только иногда за скудным обедом
Учил его отец распевать марсельезу.

«Вырастешь, — говорил он, — поймешь.. .
Разгадаешь, отчего мы так нищи! »
И глухо дрожал его щербатый нож
Над черствой горбушкой насыщенной пищи.

El era hijo de un sencillo obrero,
y la historia sobre él es muy corta
Tan solo había en el, que los cabellos,
negros como la noche
y que los ojos eran azules, estrechos.

Su padre desde la mañana a la noche
doblaba la espalda para llenar la jarra;
pero para él no había nada que hacer,
y él tenía camaradas: Cristo y la gata.

Era una gata vieja, sorda,
no oía ni a los ratones ni a las moscas,
y Cristo estaba sentado en los brazos de la madre
y desde la imagen miraba a las palomas bajo el tejado.

Martín vivía y nadie sabía de él,
Tristemente golpeaban los días,
como la lluvia sobre el hierro,
y tan solo de vez en cuando tras una frugal comida
el padre le enseñaba a cantar la marsellesa

“Crece-rás , -él le decía, -y comprenderás...
¡Adivinarás, por qué nosotros somos tan pobres!”
Y silenciosamente vibraba su desafilado cuchillo
sobre el duro cuscurro del vital alimento.

Но вот под тесовым
Окном —
Два ветра взмахнули
Крылом;

То с вешнею полымью
Вод
Взметнулся российский
Народ.. .

Ревут валы,
Поет гроза!
Из синей мглы
Горят глаза.

За взмахом взмах,
Над трупом труп;
Ломает страх
Свой крепкий зуб.

Pero he aquí que bajo
la ventana de maderas
dos vientos batieron
con el ala;

Entonces desde el charco de aguas
con el hielo primaveral
ascendía precipitadamente
el pueblo ruso

¡Rugen las olas,
canta la tempestad!
De las azules brumas
arden los ojos.

Aletada tras aletada,
cadáver sobre cadáver;
rompe el pavor
su sólido diente.

Все взлет и взлет,
Все крик и крик!
В бездонный рот
Бежит родник.. .

¡Todo es vuelo y vuelo,
Todo esgrito y grito!
por la boca sin fondo
fluye el manantial...

И вот кому-то пробил
Последний, грустный час..
Но верьте, он не сбóбел
Пред силой вражьих глаз!

Y he aquí que a alguno le vapuleó
la triste, última hora...
¡Pero creed, él no se asustó
ante la fuerza de los ojos enemigos!

Душа его, как прежде,
Бесстрашна и крепка,
И тянется к надежде
Бескровная рука.

Su alma, como siempre
intrépida y vigorosa
se arrastra hacia la esperanza
la exangüe mano.

Он незадаром прожил,
Недаром мямл цветы;
Но не на вас похожи
Угасшие мечты.. .

Él no vivió en vano
no sin razón chafaba las flores;
pero no se os parecen
los sueños apagados...

Нечаянно, негаданно
С родимого крыльца
Донесся до Мартина
Последний крик отца.

Imprevistamente, inesperadamente
desde el soportal de nuestra casa
llega hasta Martin
el último grito del padre

С потухшими глазами,
С пугливой синью губ,
Упал он на колени,
Обняв холодный труп.

Con ojos apagados,
con un miedoso labio azulado,
él cayó de rodillas.
abrazando al frío cuerpo.

Но вот приподнял брови,
Протер рукой глаза,
Вбежал обратно в хату
И стал под образа.

Pero he aquí que levantó los brazos
se frotó los ojos con la mano
subió corriendo a la jata (barraca)
y se puso bajo la imagen.

«Исус, Исус, ты слышишь?
Ты видишь? Я один.
Тебя зовет и кличет
Товарищ твой Мартин!

“¿ Jesús, Jesús, tú escuchas?
¿Tú ves? Yo estoy solo
te llama y te grita
tu camarada Martin!

Отец лежит убитый,
Но он не пал, как трус.
Я слышу, он зовет нас,
О верный мой Исус.

El padre yace muerto,
Pero él no cayó, como un cobarde.
Yo oigo, él nos llama,
Oh mi fiel Jesús.

Зовет он нас на помощь,
Где бьется русский люд,
Велит стоять за волю,
За равенство и труд!.. »

Nos llama para ayuda,
donde combate el pueblo ruso,
manda mantenerse de pie por la libertad
por la igualdad y por el trabajo”.

И, ласково приемля
Речей невинных звук,
Сошел Иисус на землю
С неколебимых рук.

Y, acogiendo con cariño
el sonido de las palabras inocentes
bajó Jesús a la tierra
con manos seguras.

Идут рука с рукою,
А ночь черна, черна! . .
И пыжится бедою
Седая тишина.

¡Van mano con mano,
y la noche es negra, negra!
Y pugna con la desgracia
la calma canosa.

Мечты цветут надеждой
Про вечный, вольный рок.
Обоим нежит вежды
Февральский ветерок.

Los sueños florecen con la esperanza
por un destino perpetuo, libre,
a ambos les acaricia los párpados
el vientecillo de febrero.

Но вдруг огни сверкнули.. .
Залаял медный груз.
И пал, сраженный пулей,
Младенец Иисус.

Pero de repente los fuegos resplandecieron
se puso a ladrar la carga cobriza
y cayó, batido por las balas
el niño Jesús

Слушайте:
Больше нет воскресенья!
Тело Его предали погребенью:
Он лежит
На Марсовом
Поле.

¡Escuchad.
Ya no habrá más resurrección!
Su Cuerpo lo pusieron en la sepultura:
Él yace
en el campo
de Marte

А там, где осталась Мать,
Ему не бывать
Боле,
Сидит у окошка
Старая кошка,
Ловит лапой луну.. .

Y allá, donde se quedó la Madre,
donde Él no la encontró
ya más,
está sentada en la ventanilla
la vieja gata,
coge la luna con las garras...

Ползает Мартин по полу:
«Соколы вы мои, соколы,
В плену вы,
В плену!»
Голос его все глуше, глуше,
Кто-то давит его, кто-то душит,
Палит огнем.

Se arrastra Martin por el campo:
“Vosotros mis halcones, halcones,
vosotros estáis cautivos,
cautivos!”
Su voz es cada vez más apagada, más apagada,
alguien le oprime, alguien le ahoga
le abrasa con el fuego.

Но спокойно звенит
За окном,
То погаснув, то вспыхнув
Снова,
Железное
Слово:
«Рре-эс-пуу-ублика!»

Pero tranquilamente resuena
tras la ventana,
ahora apagándose, ahora inflamándose
de nuevo,
la ferrosa
palabra:
“¡Rre-e-puu-ublica!”

Marzo 1917 Petrogrado (PyP, página 111)

О Русь, взмахни крылами,
Поставь иную крепь!
С иными именами
Встает иная степь.

¡Oh Rus, agita las alas,
pon otra empalizada ¡
Con otros nombres
surge otra estepa.

По голубой долине,
Меж телок и коров,
Идет в золотой ряднине
Твой Алексей Кольцов.

Por el valle azul,
entre vacas y terneros,
va en dorada arpillera
tu Alejo Kolltsov.

В руках — краюха хлеба,
Уста — вишневый сок.
И вызвездило небо
Пастушеский рожок.

Y en las manos-un cuscurro de pan,
en la boca-un zumo de guindas.
Y una trompetilla de pastor
llenó el cielo de estrellas

За ним, с снегов и ветра,
Из монастырских врат,
Идет, одетый светом,
Его середний брат.

Tras él, con las nieves y con el viento,
desde las puertas del monasterio
viene, refulgente,
su hermano mediano

От Вытегры до Шуи
Он изобразил весь край
И выбрал кличку — Ключев,
Смиранный Миколай.

Desde Vitieri hasta Shuy
él deambuló por todo el distrito
y eligió el apodo-Kliuiev,
el resignado Micolai.

Монашья мудр и ласков,
Он весь в резьбе молвы,
И тихо сходит пасха
С бескудрой головы.

Monacal, sabio y cariñoso,
completamente enroscado en los cotilleos,
y silenciosamente llega la pascua,
desde una cabeza sin rizos.

А там, за взгорьем смолым,
Иду, тропу тая,
Кудрявый и веселый,
Такой разбойный я.

Y allí, tras la resinosa loma,
voy yo, tan golfo,
rizado y contento
sin mostrar el sendero..

Долга, крута дорога,
Несчетны склоны гор;
Но даже с тайной бога
Веду я тайно спор.

Un larga vuelta del camino,
innumerables cuevas montañosas;
pero hasta con el secreto divino
mantengo una secreta conversación.

Сшибаю камнем месяц
И на немую дрожь
Бросаю, в небо свесясь,
Из голенища нож.

Derribo con piedras a la luna
y con un incontable estremecimiento
lanzo, colgándome sobre el cielo,
desde la bota una navaja.

За мной незримым роем
Идет кольцо других,
И далеко по селам
Звенит их бойкий стих.

Tras de mí, como un enjambre invisible,
van otros en grupo
y lejos por las aldeas
resuena su viva poesía.

Из трав мы вяжем книги,
Слова трясем с двух пол.
И сродник наш, Чапыгин,
Певуч, как снег и дол.

Сокройся, сгинь ты, племя
Смердящих снов и дум!
На каменное темя
Несем мы звездный шум.

Довольно гнить и ноять,
И славить взлетом гнусь —
Уж смысла, стерла деготь
Воспрянувшая Русь.

Уж повела крылами
Ее немая крепь!
С иными именами
Встает иная степь.

1917 (ПуP, página 116)

ОТЧАРЬ

1

Тучи — как озера,
Месяц — рыжий гусь.
Пляшет перед взором
Буйственная Русь.

Дрогнул лес зеленый,
Закипел родник.
Здравствуй, обновленный
Отчарь¹ мой, мужик!

Голубые воды —
Твой покой и свет,
Гибельной свободы
В этом мире нет.

Пой, зови и требуй
Скрытые берега;
Не сорвется с неба
Звездная дуга!

Не обронит вечер
Красного ведра;
Могутные плечи —
Что гранит-гора.

Con las hierbas tejemos libros,
zarandeamos las palabras desde los dos polos.
Y nuestro pariente, Chapuiguin,
que canta, como la nieve y el valle.

¡Escóndete, desaparece, ,
de los pestilentes pensamientos y maquinaciones!
En el occipucio de piedra
llevamos un zumbido estelar.

Basta ya de pudrirse, de reclamar a gritos,
y de glorificar al vuelo lo abominable-
que lave, que limpie la brea
la Rus que se despierta.

¡Que se lleve con las alas,
su silenciosa carcasa
Y que con otras palabras
Se alce una nueva estepa

OTCHAR (Héroe de un poema de Esenin)

1

Las nubes- como un lago
La luna-un ganso rojo.
Danza ante la mirada
la Rus alborotada.

Se estremeció el verde bosque.
bullía el manantial.
¡Hola, mujik (*aldeano*)
mi remozado Otchar!

Las aguas azules-
tu tranquilidad y tu luz,
en este mundo no existe
la funesta libertad..

Canta, llama y reclama
las escondidas orillas;
que no se descuelgue del cielo
el arco estrellado

La tarde sostiene
la roja cántara;
Unos brazos potentes vigorosos-
como una montaña de granito

Под облачным древом
Верхом на луне
Февральской метелью
Ревешь ты во мне.

Небесные дщери
Куделят⁴ кремник;
Учил тебя вере
Седой огневик.

Он дал тебе пику,
Грозный ятаг
И силой Аники
Отметил твой шаг.

Заря — как волчиха
С ослабленным ртом;
Но гонишь ты лихо
Двуперстным крестом.

Протянешь ли руку
Иль склонишь ты лик,
Кладешь ей краюху
На желтый язык.

И чуется зверю
Под радугой слов:
Алмазные двери
И звездный покров.

О чудотворец!
Широкоскулый и красноротый,
Приявший в корузные руки
Младенца нежного,—
Укачай мою душу
На пальцах ног своих!

Я сын твой,
Выросший, как ветла
При дороге,
Научился смотреть в тебя,
Как в озеро.
Ты несказанен и мудр

По сединам твоим
Узнаю что былснег .
На полях
И поемах

Como un árbol nublado
por encima de la luna
con la ventisca de febrero
tú zumbas dentro de mí.

Las doncellas celestes
desgarran el kremlin (*la fortaleza*),
te enseñó la fe
un canoso soldado.

Él te dio una lanza,
un peligroso yatagán (*sable de doble filo*)
y con fuerza Anaka (*el diablo*)
marcó tu paso..

El alba-como una loba
con una boca raída;
pero tú valientemente la auventas
con dos dedos en cruz.

Si alargas la mano
o agachas la cara,
le meterás un corrusco
en la verde lengua.

Y se percibe a la fiera
bajo un arco iris de palabras:
puertas de diamantes
y un manto estrellado.

¡Oh mago!
de anchos pomos y de boca roja,
que habiendo cogido con las manos vacías
a un cariñoso niño,-
duerme el alma mía
en los dedos de mis pies!

Yo soy tu hijo,
que ha crecido, como un sauce,
junto al camino.
aprendí a mirarte,
Como a un lago.
Tú eres sabio e inefable.

Por tus canas
sé, que hubo nieve
en los campos
y poemas.

По глазам голубым
Славлю
Красное
Лето

Por tus ojos azules
bendigo
el rojo
verano.

4

Ах, сегодня весна,—
Ты взыграл, как поток!
Гладит волны челнок,
И поет тишина.

¡Ah, hoy es primavera,-
tú te agitaste, como un torrente!
la barquita acaricia las olas
y canta la calma.

Слышен волховский звон
И Буслаев разгул,
Закружились под гул
Волга, Каспий и Дон.

Se escucha un mágico sonido
y desenfreno de Buslaiev,
bajo el sordo sonido se pusieron a dar vueltas
el Volga, el Caspio y el Don

Синегубый Урал
Выставляет клыки,
Но кадят Соловки
В его синий оскал.

El Ural de los labios azules
saca los colmillos,
Pero las Solovki (*islas*) inciensan
en su rictus azul.

Всех зовешь ты на пир,
Тепля клич, как свечу,
Прижимаешь к плечу
Нецелованный мир

A todos los invitas al banquete,
encendiendo el grito, como una vela.,
aprietas contra el pecho
el mundo no besado.

Свят и мирен твой дар,
Синь и песня в речах,
И горит на плечах
Необъемлемый шар!..

Tu santo y pacífico regalo,
la canción y el azul en los discursos,
y arde en los pechos
¡el inmenso globo!....

5

Закинь его в небо,
Поставь на столпы!
Там лунного хлеба
Златятся снопы.

¡Lánzalo hacia el cielo,
pónlo en las columnas!
Allí del pan lunar
se doran las gavillas.

Там голод и жажда
В корнях не поют,
Но зреет однаждыный
Свет ангельских юрт.

Allí la sed y el hambre
no cantan en las raíces,
pero madura una vez
la luz de las yurtas angélicas.

Там с вызвоном блюда
Прохлада куста,
И рыжий Иуда
Целует Христа.

Allí los platos refulgentes
la frescura del arbusto,
y el rojo Judas
besa a Cristo

Но звон поцелуя
 Деньгой не гремит,
 И цепь Акатуя —
 Тропа перед скит.

Pero el sonido del beso
 no retumba resuena como la denga (antigua moneda de cobre)
 y la cadena de Acatui- (*fiesta primaveral de los yakutos*)
 un sendero ante la ermita

Там дряхлое время,
 Бродя по лугам,
 Все русское племя
 Сзывает к столам.

Allí un tiempo caduco
 vagando por los prados,
 toda tribu rusa
 convida a las mesas

И, славя отвагу
 И гордый твой дух,
 Сычёною¹⁴ брагой
 Обносит их круг

Y, glorificando la valentía
 y tu orgulloso espíritu,
 como una cerveza dulcificada con miel
 atrae a sus grupo

19-20 junio 1917 Konstantinovo (PyP, página 118)

Гляню в поле, гляню в небо -
 И в полях и в небе рай.
 Снова тонет в копнах хлеба
 Незапаханный мой край.

Miro al campo, miro al cielo-
 y en los campos y en el cielo el paraíso.
 De nuevo se hunde en las hacinas
 mi yermo terreno.

Снова в рощах непасенных
 Неизбывные стада,
 И струится с гор зеленых
 Златоструйная вода.

De nuevo en los bosques sin colmenas
 los inevitables rebaños,
 y derraman desde las verdes montañas
 los dorados chorros de agua

О, я верю - знать, за муки
 Над пропащим мужиком
 Кто-то ласковые руки
 Проливает молоком

Oh, yo creo saber, que tras los tormentos
 sobre el perecido mujik
 alguien moja con leche
 las acariciadoras manos

15 agosto 1917 (PyP, página 122)

Не напрасно дули ветры,
 Не напрасно шла гроза.
 Кто-то тайный тихим светом
 Напоил мои глаза.

No en vano soplaban los vientos,
 no en vano pasaba la tormenta.
 Alguien secretamente con una suave luz
 embriagó mis ojos.

С чьей-то ласковости вешней
 Отгрустил я в синей мгле
 О прекрасной, но нездешней,
 Неразгаданной земле.

Con algún cariño primaveral
 yo dejé de estar triste en la niebla azul
 sobre la hermosa, pero ajena,
 indescifrable tierra.

Не гнетет немая млечность
 Не тревожит звездный страх.
 Плюбил я мир и вечность
 Как родительский очаг.

No oprime la silenciosa lacticidad
 No angustia el miedo estelar
 Yo amé al mundo y a la eternidad
 Como a mi hogar paterno

Все в них благостно и свято,
Все тревожное светло.
Плещет рдяный мак заката
На озерное стекло

Todo en ellos es santo y benéfico,
todo lo alarmante se hizo luz.
Chapotea la roja amapola en el ocaso
en el lacustre cristal

И невольно в море хлеба
Рвется образ с языка:
Отелившееся небо
Лижет красного телка.

Y sin querer en el mar de pan
se altera el sentido de las palabras:
el cielo habiendo parido
lame a la rojiza ternera

1917 (ПуP, página 123)

Под красным вязом крыльцо и двор,
Луна над крышей как злат бугор.

Bajo el rojo olmo el patio y el zaguan,
la luna sobre el tejado como un montículo dorado.

На синих окнах накапан лик:
Бредет по туче седой Старик.

En las azules ventanas se derrama la faz :
delira por la nube el Anciano canoso

Он смуглой горстью меж тихих древ
Бросает звезды — озимый сев.

Él con el puño moreno entre los árboles silenciosos
lanza las estrellas-semesteras de otoño

Взрастает нива, и зерна душ
Со звоном неба спадают в глушь.

Cultiva el trigal, y los granos de las almas
con el estruendo del cielo caen en la espesura.

Я помню время, оно, как звук,
Стучало клювом в древесный сук.

Yo recuerdo aquel tiempo, que como un sonido,
golpeaba con el pico las ramas del árbol

Я был во злаке, но костный ум
Уж верил в поле и водный шум.

Yo estuve en el trigal, pero mente huesuda
creía en el campo y en el murmullo del agua

В меже под елью, где облак-тын ,
Мне снились реки золотых долин.

En medio bajo el abeto, donde un seto nublado
me ensoñaron ríos de dorados valles

И слышал дух мой про край холмов,
Где есть рожденье в посеве слов.

Yo escuchaba a mi espíritu por la parte de las colinas
donde se producen brotes en el sembrado de palabras

1917 (ПуP, página 124)

ПРОПАВШИЙ МЕСЯЦ

LA LUNA DESAPARECIDA

Облак, как мышь,
подбежал и взмахнул
В небо огромным хвостом.
Словно яйцо,
расколовшись, скользнул
Месяц за дальним холмом.

La nube, como un ratón
se acercó corriendo y agitándose
en el cielo con su inmenso rabo.
Como un huevo,
que se casca, se escurrió
la luna tras una lejana colina.

Солнышко утром в колодезь озер
Глянуло -
месяца нет...
Свесило ноги оно на бугор,
Кликнуло -
месяца нет.

Клич тот услышал с реки рыболов,
Вздумал старик подшутить.
Отраженье от солнышка
С утренних вод
Стал он руками ловить

Выловил.
Крепко скрутил бечевою,
Уши коленом примял.
Вылез и тихо на луч золотой
Солнечных век
привязал.

Солнышко к богу глаза подняло
И сказало:
"Тяжек мой труд!"
И вдруг солнышку
что-то веки свело,
Оглянулося - месяц как тут.

Как белка на ветке, у солнца в глазах
Запрыгала радость...
Но вдруг...
Луч оборвался,
и по скользким холмам
Отраженье скатилось в луг.

Солнышко испугалось...
А старый дед,
Смеясь, грохотал, как гром.
И голубем синим
вечерний свет
Махал ему в рот крылом.

1917 (PyP, página 125)

О край дождей и непогоды,
Кочующая тишина,
Ковригой хлебной под сводом
Надломлена твоя луна!

За перепаханною нивой
Малиновая лебеда.

El solecito mañanero miró
en el pozo del lago-
¡No hay luna;
dejó caer los pies sobre el montículo,
gritó-
¡No hay luna;

Aquel grito se oyó desde el río de pescadores,
a un viejo se le ocurrió bromear
Él empezó a pescar con las manos
desde las aguas de la mañana
él reflejo del solecito

Lo pescó.
lo ató fuertemente con la sirga,
le aplastó las orejas con la rodilla.
Salió reptando y silenciosamente
o amarró al rayo dorado
de los párpados solares..

El solecito alzó los ojos hacia dios
y dijo:
"¡Es duro mi trabajo!"
Y de repente al solecito
algo le contrajo los párpados,
volvió la cabeza-he aquí la luna.

Como ardilla en una rama, con el sol en los ojos
saltó la alegría ...
Pero de repente
el rayo se rompió
y por las resbaladizas colinas
el reflejo se deslizó hacia la pradera.

El solecito se asustó...
y el viejo abuelo,
sonriendo, retumbó, como un trueno.
Y como una azul paloma
la luz de la mañana
le aleteó con las alas en la boca.

¡Oh terruño de lluvias y de mal tiempo,
el silencio que emigra,
con la hogaza de pan bajo la bóveda celeste
tu quebrantada luna!

Tras el campo totalmente arado
una mata de frambuesas

На ветке облака, как слива,
Златится спелая звезда.

En una rama de la nube, como una ciruela
se dora una estrella madura

Опять дорогой верстовою,
Наперекор твоей беде,
Бреду и чую яровое
По голубеющей воде.

De nuevo por un camino de una versta
a pesar de tu desgracia
camino lentamente y olfateo la primavera
por el agua que azulea.

Клубит и пляшет дым болотный...
Но и в кошме певучей тьмы
Неизречённостью животной
Напоены твои холмы.

Borbotea y danza el humo del pantano
pero también en el fieltro de la melodiosa oscuridad
con la inexpresividad animal
se embriagan tus colinas.

1917(ПуP, página 126)

Проплясал, проплакал дождь весенний,
Замерла гроза.
Скучно мне с тобой, Сергей Есенин,
Подымять глаза...

Danzó, lloró la lluvia de primavera.
quedó petrificada la tempestad.
A mí me aburre , Sergio Esenin,
alzar contigo los ojos...

Скучно слушать под небесным деревом
Взмах незримых крыл:
Не разбудишь ты своим напевом
Дедовских могил!

Aburre escuchar bajo un árbol celeste
el aleteo de unas alas invisibles:
¡Tú no despertarás tu melodía
las tumbas de los abuelos!

Привязало, осаднило слово
Даль твоих времен.
Не в ветрах, а, зная, в томах тяжелых
Прозвенит твой сон.

La palabra ataba, asediaba,
la lejanía de tus tiempos.
No en los vientos, sino, a saber, en pesados tomazos
resonará tu sueño.

Кто-то сядет, кто-то выгнет плечи,
Вытянет персты.
Близок твой кому-то красный вечер,
Да не нужен ты.

Alguien se sentará, alguien torcerá encogerá los hombros,
estirá los dedos.
La tarde roja que está junto a ti es para alguien
pero tú no la necesitas.

Всколыхнет он Брюсова и Блока,
Встормошит других.
Но все так же день войдет с востока,
Так же вспыхнет миг.

Ella conmoverá agitará a Briusov y a Blok,
sacudirá a otros
pero también desde el Oriente amanecerá,
también estallará el instante.

Не изменят лик земли напевы,
Не стряхнут листа...
Навсегда твои пригвождены ко древу
Красные уста

Los aires no cambiarán la faz de la tierra,
no sacudirán las hojas...
Para siempre tus rojos labios
están clavados a un árbol.

Навсегда простер глухие длани
Звездный твой Пилат.
Или, Или, лама савахфани,
Отпусти в закат. *

Para siempre extendió las sordas palmas de las manos
tu estelar Pilatos
Dios mío, Dios mío, porque me has abandonado,
abandónalo al ocaso.

* "Боже мой. Боже мой, для чего Ты меня оставил?"
(древнеевр.) - в Евангелии (Матф. 27. 46) -
предсмертные слова распятого Христа.

1917 (PyP, página 127)

Небо ли такое белое

Или солью выцвела вода?
Ты поешь, и песня оголтелая
Бреговые вяжет повода.

¿Será que el cielo está tan blanco
o es que con la sal el agua se ha descolorido?
Tú cantas, y la canción desenfundada
bordará los litorales

Синим жерновом развеваны и смолоты
Водяные зерна на муку.
Голубой простор и золото
Опясали твою тоску.

Como una azul piedra molar desparramados y molidos
los granos de agua en la harina.
El espacio celeste y el oro
ciñeron tu tristeza.

Не встревожен ласкою угрюмою
Загорелый взмах твоей руки.
Все равно - Архангельском иль Умбою
Проплывать тебе на Соловки.

No está inquieta con la sombría caricia
la bronceada brazada de tu mano.
De todos modos-por Arjanguelsk o por Umba
has de nadar navegar hasta las Solovki

Все равно под стоптанною палубой
Видишь ты погорбившийся скит.
Подпеваешь тебе жалоба
Об изгибах тамошних раки.

De todos modos bajo la desgastada cubierta
tú veras una ermita encorvada.
Te hará coro el lamento
sobre las sinuosidades de los sauces del lugar

Так и хочется под песню свеситься
Над водою, спихивая день...
Но спокойно светит вместо месяца
Отразившийся на облаке тюлень.
1917 (PyP, página 128)

Y así si se quiere, inclinarse bajo la canción
sobre el agua, dejando caer el día....
Pero tranquilamente resplandece en lugar de la luna
reflejándose en la nube, una foca.

Свищет ветер под крутым забором,

Прячется в траву.
Знаю я, что пьяницей и воров
Век свой доживу.
Тонет день за красными холмами,
Кличет на межу.
Не один я в этом свете шляюсь,
Не один брожу.
Размахнулось поле русских пашен
-
То трава, то снег,
Все равно, литвин я иль чувашин,
Крест мой как у всех.
Верю я, как ликам чудотворным,
В мой потайный час.

Sopla el viento bajo una retorcida tapia
se esconde en la hierba.
Yo sé que como borracho y ratero
viviré toda mi vida.
El día se pierde tras las rojas colinas,
grita en la linde.
No deambulo solo por este mundo
no vago solo.
De repente alza la mano un campo del los
labrados rusos
sea hierba, sea nieve.
no importa, que yo sea lituano o chuvache
mi cruz es como la de todos.
Yo creo, al igual en las imágenes milagrosas
en mi hora secreta.

Он придет бродягой подзаборным,
 Нерушимый Спас.
 Но быть может, в синих ключьях дыма
 Тайноводных рек
 Я пройду его с улыбкой пьяной мимо,
 Не узнав навек.
 Не блеснет слеза в моих ресницах,
 Не вспугнет мечту.
 Только радость синей голубицей
 Канет в темноту.
 И опять, как раньше, с дикой злостью
 Запоет тоска...
 Пусть хоть ветер на моем погосте
 Пляшет трепака.

1929 (Рур, página 129)

Llegará como un errante vagabundo,
 el inviolable Salvador.
 Pero puede ser que en los azules andrajos del humo
 de los ríos de aguas sagradas
 yo le pasaré de largo con una sonrisa de borracho
 No habiendolo conocido para siempre.
 No brillará ni una lágrima en mis pestañas.
 no ahuyentará un sueño.
 Tan solo la alegría con un arándano azul
 goteará en la oscuridad
 Pero de nuevo, como antes, con salvaje malicia
 se pondrá a cantar la tristeza...
 que el viento en mi cementerio
 baile la trepak (*danza popular*)

ПРИШЕСТВИЕ

А. Белому

1

Господи, я верую!..
 Но введи в свой рай
 Дождевыми стрелами
 Мой пронзенный край.

За горой нехоженой,
 В синеве долин,
 Снова мне, о Боже мой,
 Предстает твой сын.

По тебе молюся я
 Из мужичьих мест;
 Из прозревшей России
 Он несет свой крест.

Но пред тайной острова
 Безначальных слов
 Нет за ним апостолов,
 Нет учеников.

EL ADVENIMIENTO

A A. Bielom

1

¡Dios mío, yo creo!.....
 Pero llévame a mi paraíso
 mi terruño
 atravesado con lluviosas flechas.

Tras la montaña no frecuentada,
 en el azul de los valles,
 De nuevo a mí, ¡Oh, Dios mío!
 se me aparece tu hijo.

Yo rezo por ti,
 desde lugares aldeanos;
 desde la Rusia que recobra la vista
 el lleva su cruz.

Pero delante de la isla misteriosa
 sin primeras palabras
 no hay apóstoles tras él
 no hay discípulos.

2

О Русь, Приснодева,
Поправшая смерть!
Из звездного чрева
Сошла ты на твердь.

На яслях овечьих
Осынила дол
За то, что в предтечах
Был пахарь и вол.

Возри же на нивы,
На сжатый овес,—
Под снежною ивой
Упал твой Христос!

Опять Его вои
Стегают плетями
И бьют головою
О выступы тьмы...

¡Oh Rus, siempre virgen,
que ha pisoteado la muerte!
desde el regazo celeste
tú bajaste a la tierra.

En los pesebres de ovejas
prohijó a un valle
para que entre los precursores
hubiera un labriego y un buey.

¡Fijad la mirada en los trigales
en la vena segada,-
bajo un sauce nevado
cayó tu Cristo!

De nuevo sus gritos
fustigan como látigos
y le golpean con la cabeza
contra las cornisas de las tinieblas

3

Но к вихрю бездны
Он нем и глух.
С шеста созвездья
Поет петух.

О други, где вы?
Уж близок срок.
Темно ты, чрево,
И крест высок.

Вот гор воитель
Ощупал мглу.
Христа рачитель
Сидит в углу.

«Я видел: с Ним он
Нам сеял мрак!»
«Нет, я не Симон...
Простой рыбак».

Вздохнула плесень,
И снег потух...
То третью песню
Пропел петух.

Pero al torbellino del abismo
él es mudo y sordo.
desde una pértiga de la constelación
canta el gallo.

¿Oh amigos, dónde estais?
El plazo está próximo.
Tú estás oscuro, vientre,
y la cruz es alta.

He aquí al guerrero de las montañas
que desplumó la neblina.
El devoto de Cristo
se sienta en el rincón.

“Yo lo vi: él estaba con él
él nos sembró la oscuridad”
“ No yo no soy Simón...
soy un simple pescador”

Suspiró el moho,
y la nieve desapareció...
y la tercera canción
el la gallo cantó.

4

Ей, Господи,
Царю мой!
Дьяволы на руках
Укачали землю.

Снова пришествию Его
Поднят крест.
Снова раздирается небо

Тишина полей и разума
Точит копья.

Лестница к саду твоему
Без приступок.

Как взойду, как поднимусь по ней
С кровью на отцах и братьях?

-

Тянет меня земля,
Оцепили пески.
На реках твоих
Сохну.

¡Eh, Dios mío,
mi Señor!
Loa diablos acunaron
la tierra en sus brazos.

De nuevo su advenimiento
la cruz levantada.
De nuevo el cielo se desgarró.

El silencio de los campos y la razón
afila las lanzas.

La escalera a tu jardín
está sin escalones.

¿Cómo ascenderé, cómo subiré por ella
con la sangre que ha untado a los padres
y a los hermanos?

La tierra tira de mí,
me cercaron las arenas.
En tus ríos
me consumiré.

5

Симоне Пётр...
Где ты? Приди.
Вздрыгнули вёглы:
«Там, впереди!»

Симоне Пётр...
Где ты? Зову!
Шепчется кто-то:
«Кричи в синеви!»

Крикнул — и громко
Вздыбился мрак⁷.
Вышел с котомкой
Рыжий рыбак.

«Друг... Ты откуда?»
«Шел за тобой...»
«Кто ты?» — «Иуда!» —
Шамкнул прибор.

Simón Pedro...
¿Dónde estás? Ven.
Tiritaron los sauces:
“¡Allá, adelante!”

Simón Pedro...
¿Dónde estás? ¡Llamo!
Alguien susurra:
“¡Grita al cielo celeste!”

Gritó- en alta voz
se encabritó la oscuridad.
De la alforja salió
un rojizo pescador.

“¿Amigo...de dónde vienes?”
“Vine a por ti...”
“¿Quién eres?”- “¡Judas!”-
barboteo el oleaje.

Рухнули гнезда
Облачных риз.
Ласточки-звезды
Канули вниз.

Se desplomaron los nidos
de las casullas nubosas.
Golondrinas-estrellas
cayeron como gotas hacia abajo.

6

О Саваофе!
Покровом твоим рек и озер
Прикрой сына!

¡Oh Savaov!
con tu manto de ríos y lagos
cubre al hijo!

Под ивой бьют Его вои
И голгофят снега твои.

Bajo el sauce le golpean los aullidos
y tus nieves golgotean.

О ланиту дождей
Преломи
Лезвие заката...

Contra el carrillo de las lluvias
romped
manta del ocaso....

Трубами вьюг
Возвести языки...
Но не в суд или во осуждение.

Con las trompas de la ventisca
elevad las voces...
Pero no en juicio o en condena.

7

Явись над Елеоном
И правде наших мест!
Горстями золотых затонов
Мы окропим твой крест.

¡Compareced sobre el Eleon (monte de los olivos)
y la verdad de nuestros lugares!
Con puñados de doradas enseñadas
asperjamos tu cruz.

Холмы поют о чуде,
Про рай звенит песок.
О верю, верю — будет
Телиться твой восток!

Las colinas cantan sobre el milagro,
por el paraíso se dora la arena
¡Oh, creo, creo-
tu oriente parirá!

В моря овса и гречи
Он кинет нам телка...
Но долог срок до встречи,
А гибель так близка!

Y a los mares de avena y trigo
el nos arrojará chorreando
¡Pero tan está lejano el plazo hasta el encuentro
y la ruina está tan cerca!

Уйми ты ржанье бури
И топ громов уйми!
Пролей ведро лазури
На ветхое деньми!

¡Aplaca los relinchos de la tempestad
y el ruido de los truenos!
¡Vierte un cubo de azul
sobre los viejos tiempos!

И дай дочерпать волю
Медведицей и сном,
Чтоб вытекшей душою
Удобрить чернозем...

Y termina con la libertad
de las osas y con el sueño,.
que con el alma que se derrama
fertilizar las tierras negras.

Octubre 1917 (PyP, página 130)

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

LA TRANSFIGURACIÓN

РазумникуИванову

A Razumnik Ivanov

1

1

Облаки лают,
Ревет златозубая высь...
Пою и взываю:
Господи, отелись!

Ladran las nubes,
rugen las alturas de dientes de oro... (*Agni el dios indio
de las tormentas con dientes dorados*) Grito y canto:
¡Dios mío, parid!

Перед воротами в рай
Я стучусь:
Звездами спеленай
Телицу-Русь.

Yo llamo
a las puertas del paraíso :
envuelve con las estrellas
a la Rusia-novilla.

За тучи тянется моя рука,
Бурею шумит песнь.
Небесного молока
Даждь мне днесь.

Mi mano se estira tras las nubes,
el cantar se alborota con la tempestad.
La leche celeste
dánosla hoy.

Грозно гремит твой гром,
Чудится плеск крыл.
Новый Содом
Сжигает Егудиил.

Retumba tu trueno amenazante
aparece el chapoteo de las alas
A la nueva Sodoma
la incendia Egudiil. (*Arcángel*)

Но твердо, не глядя назад,
По ниве вод
Новый из красных врат
Выходит Лот.

Pero firmemente, sin mirar atrás,
por el campo de las aguas
sale de entre las puertas rojas
el nuevo Lot

2

Не потому ль в березовых
Кустах поет сверчок
О том, как ликом розовым
Окапал рожь восток;

No será por esto que
en los abedulares canta el grillo
sobre cómo con una faz rosada
el oriente sembraba el centeno

О том, как богородица,
Накинув синий плат,
У облачной околицы
Скликает в рай телят.

Sobre cómo nuestra señora,
habiendo cubriendo con la manta azul azul
la valla nebulosa
llamó a gritos a los terneros al paraíso

С утра над осенницею
Я слышу зов трубы.
Теленькает синицею
Он про глагол судьбы.

Desde la mañana con el otoño que despunta
yo escucho la llamada de la trompeta..
Berrea como una lechuza.
sobre el oráculo del destino

О, веруй, небо вспенится,
Как лай, сверкнет волна.
Над рощею оцелится
Златым щенком луна.

Иной травой и чащею
Отенит мир вода.
Малиновкой журчащею
Слетит в кусты звезда.

И выползет из колоса,
Как рой, пшеничный злак,
Чтобы пчелиным голосом
Озлатонивить мрак...

3

Ей, россияне!
Ловцы вселенной,
Неводом зари зачерпнувшие небо, -
Трубите в трубы.

Под плугом бури
Ревет земля.
Рушит скалы златоклыкий
Омеж.

Новый сеятель
Бредет по полям,
Новые зерна
Бросает в борозды.

Светлый гость в колымаге к вам
Едет
По тучам бежит
Кобылица.

Шляя на кобыле -
Синь.
Бубенцы на шлее -
Звезды.

4

Стихни, ветер,
Не лай, водяное стекло.
С небес через красные сети
Дождит молоко.

Мудростью пухнет слово,
Вязью колосся поля.
Над тучами, как корова,

Oh, creelo, el cielo se cubrirá de espuma,
como un ladrido, resplandecerá una ola.
Sobre el bosque parirá la luna
un dorado cachorro.

Con otra hierba y fragosidad
oscurecerá el agua la tierra.
Con un murmullo de Malinovski
la estrella bajará volando hasta los matorrales.

Y se arrastrará desde las espigas
como un enjambre, de cereales de trigo.,
para que con voz de abejas
dorar la oscuridad

¡Eh, rusos!
pescadores del universo,
que habiendo vaciado el cielo con la red del alba
tocad las trompetas,

Bajo el arado de la tormenta
ruge la tierra.
Destroza las rocas la reja (del arado)
de cuchillas de oro.

El nuevo sembrador
delira por los campos.
Echa en el surco
los nuevos granos

El reluciente huésped
va en una carreta hacia vosotros..
Por las nubes corre
la yegua

Sobre la yegua una retranca-
color azul.
Cascabeles en la retranca-
Estrellas.

Poesias, viento,
no ladres, cristal de agua.
Desde los cielos a través de redes rojas
llueve leche.

Con sabiduría se infla la palabra,
tejo las espigas del campo.
Sobre las nubes, como una vaca,

Хвост задрала заря.

Вижу тебя из окошка,
Зиждитель щедрый,
Ризою над землею
Свесивший небеса.

Ныне
Солнце, как кошка,
С небесной вербы
Лапкою золотою
Трогает мои волоса.

5
Зреет час преображенья,
Он сойдет, наш светлый гость,
Из распятого терпенья
Вынуть выржавленный гвоздь.

От утра и от полудня
Под поющий в небе гром,
Словно ведра, наши будни
Он наполнит молоком.

И от вечера до ночи,
Незакатный славя край,
Будет звездами пророчить
Среброзлачный урожай.

А когда над Волгой месяц
Склонит лик испить воды,
Он, в ладью златую свесясь,
Уплывет в свои сады.

И из лона голубого,
Широко взмахнув веслом,
Как яйцо, нам сбросит слово
С проклевавшимся птенцом

Noviembre 1917 PyP, página 135)

О мать божья,
Спади звездой
На бездорожье,
В овраг глухой.

Пролей, как масло,
Власа луны
В мужичьи ясли
Моей страны.

el alba levanta la cola

Te veo desde la ventanilla,
generoso creador.
dejando caer como una túnica
los cielos sobre la tierra

Ahora
el sol, como un gato,
desde un cubo estelar
con una pata dorada
remueve mis cabellos

Está madura la hora de la Transfiguración,
él bajará, nuestro resplandeciente huésped,
desde la paciencia crucificada
para sacar un herrumbroso clavo

Desde la mañana y desde el mediodía
bajo un trueno que canta en el cielo,
como un cubo, nuestros días corrientes
el llena con leche.

Desde la mañana hasta la noche,
glorificando al terruño sin ocaso,
profetizará con las estrellas
una gran cosecha de cereales

Y cuando la luna sobre el Volga
agacha la cara para apurar el agua,
él, dejándose caer en la barca dorada
se aleja navegando hacia sus jardines

Y desde el regazo azul,
braceando ampliamente con el remo
como un huevo, picoteado por un polluelo,
nos lanzará la palabra..

Oh madre de dios,
baja con la estrella
a los caminos intransitables,
al sordo barranco.

Vierte, como aceite,
los cabellos de la luna
en los establos campesinos
de mi país.

Срок ночи долог.
В них спит твой сын.
Спусти, как полог,
Зарю на синь.

Es largo el curso de la noche.
En ella duerme tu hijo.
Baja, como una cortina,
el alba sobre el azul celeste.

Окинь улыбкой
Мирскую весь
И солнце зыбкой
К кустам привесь.

Cubre, con una sonrisa
al mundo entero
Y cuelga el sol como una cuna
a los arbustos

И да възграет
В ней, славя день,
Земного рая
Святой младень.

Y sí, se agita
en ella, glorificando el día',
del paraíso terreno
el santo niño.

1917 (ПуP, página 139)

Нивы сжаты, рощи голы,
От воды туман и сырость.
Колесом за сини горы
Солнце тихое скатилось.

Los trigales segados, los bosques desnudos.
del agua niebla y humedad.
Como una rueda tras las montañas azules
baja rodando el sol silencioso

Дремлет взрытая дорога.
Ей сегодня примечталось,
Что совсем-совсем немного
Ждать зимы седой осталось.

Dormita, la senda escavada.
Hoy le vino en un sueño
que muy-muy poco
quedaba esperar del neblinoso invierno.

Ах, и сам я в чаще звонкой
Увидал вчера в тумане:
Рыжий месяц жеребенком
Запрягался в наши сани.

Ah, y yo mismo en la sonora fragosidad:
ayer ví en la niebla:
que la luna roja estaba.
enganchada a nuestro potrillo

1917 (ПуP, página 141)

О верю, верю, счастье есть!
Еще и солнце не погасло.
Заря молитвенником красным
Пророчит благодатную весть.
О верю, верю, счастье есть.

¡Oh creo, creo, la felicidad existe!
Aún no se apagó el sol.
El alba como un rojo breviario
predecirá la muy agradable noticia
Oh, creo, creo, existe la felicidad

Звени, звени, золотая Русь
Волнуйся, неуемный ветер!
Блажен, кто радостью отметил
Твою пастушескую грусть.
Звени, звени, золотая Русь.

¡Resuena, tintinea, Rus dorada,
agítate, infatigable viento!
Bienaventurado, el que percibió con alegría
tu pastoral tristeza
Resuena, resuena, dorada Rus.

Люблю я ропот буйных вод
И на волне звезды сиянье.
Благословенное страданье,
Благословляющий народ.
Люблю я ропот буйных вод.

Me gusta el murmullo de las aguas furiosas
Y el brillo de las estrellas en la ola
bendito sufrimiento,
bendito pueblo.
Me gusta el murmullo de las aguas furiosas.

1917 (ПуP, página 143)

О муза, друг мой гибкий,
Ревнивица моя.
Опять под дождик сыпкий
Мы вышли на поля.

Oh musa, mi flexible amiga,
celosa mía.
De nuevo bajo la inquieta llovizna movediza
salimos al campo

Опять весенним гулом
Приветствует нас дол,
Младенцем завернула
Заря луну в подол.

De nuevo con un sordo sonido de primavera
nos saluda el valle
Como a un niño envolvió
el alba a la luna en un dobladillo.

Теперь бы песню ветра
И нежное баю —
За то, что ты окрепла,
За то, что праздник светлый
Влила ты в грудь мою.

Y ahora digo cariñosamente
la canción del viento
para que, tú cojas fuerzas
para que la resplandeciente fiesta
tú la viertas en mi pecho

Теперь бы брызнуть в небо
Вишневым соком стих
За отческую щедрость
Наставников твоих.

Ahora a brotar en el cielo
con el zumo de guindas de las poesías
por la paternal generosidad
de tus preceptores

О мед воспоминаний!
О звон далеких лип!
Звездой нам пел в тумане
Разумниковский лик.

¡Oh miel de los recuerdos!
¡Oh murmullo de los lejanos tilos!
Como una estrella nos cantó en la niebla
un razonable semblante

Тогда в веселом шуме
Игривых дум и сил
Апостол нежный Ключев
Нас на руках носил.

Entonces a un alegre estrépito
de festivas fuerzas y pensamientos
el tierno apóstol Kliuev
nos llevó en las manos

Теперь мы стали зрелей
И весом тяжелей...
Но не заглушит трелью
Тот праздник соловей.

Ahora nosotros nos hicimos más maduros
y con más peso...
Pero no se apagará el trino
de aquella fiesta de ruiseñores.

И этот дождик шалый
Его не смоеет в нас,
Чтоб звон твоей лампы
Под ветром не погас.

Y esta traviesa llovizna
no nos lo quita
para que el murmullo de tus mariposas
no se extinga bajo el viento.

1917 (PyP, página 143)

1918

Песни, песни, о чем вы кричите?

Иль вам нечего больше дать?
Голубого покоя нити
Я учусь в мои кудри вплетать.

Canciones, canciones, ¿de qué gritais?
¿O es que ya no queda nada más que daros?
Del celeste sosiego de los finos tallos
yo aprendí a entrelazar mis rizos

Я хочу быть тихим и строгим.
Я молчанью у звезд учусь.
Хорошо ивняком при дороге
Сторожить задремавшую Русь.

Quiero ser fuerte y silencioso
Callando, aprendo en las estrellas,
cual sauce junto al camino,
a bien resguardar a esta Rusia adormecida.

Хорошо в эту лунную осень
Бродить по траве одному
И собирать на дороге колосья
В обнищалую душу-суму.

En este lunar otoño
bien vagar, solo, por la pradera
y recoger las espigas por el camino
en la pobre alforja del alma

Но равнинная синь не лечит.
Песни, песни, иль вас не стряхнуть?..
Золотистой метелкой вечер
Расчищает мой ровный путь.

Pero no reconforta la azulada llanura.
Canciones, canciones, ¿o es que nada os conmueve?
La tarde con su dorada escoba
barre mi llano camino.

И так радостен мне над пущей
Замирающий в ветре крик:
«Будь же холоден ты, живущий,
Как осеннее золото лип».

Y el grito sobre el bosque, que tanto me gusta
entrecortado por el viento:
“Refréscate ser humano,
como el otoñal oro de los tilos”

1918 (PyP, página 145)

Пушистый звон и руга,

И камень под крестом.
Стегает злая выюга
Расщелканным кнутом.

Campanilleo esponjoso y colecta parroquial de alimentos.
y una piedra bajo la cruz
Una perversa ventisca azota
como un látigo gastado

Шаманит лес-кудесник
Про черную судьбу.
Лежишь ты, мой ровесник,
В нетесаном гробу.

Hechiza el brujo del bosque
sobre ni un peaton ni un jinete el negro destino
Tú yaces, mi compañero
sobre una no labrada tumba.

Пусть снова финский ножик
Кровавит свой клинок,
Тебя не потревожит
Ни пеший, ни ездок.

Aunque de nuevo el cuchillo finés
ensangrienta tu lápida,
a ti no te perturbará
ni un peatón ni un jinete.

И только с перелесиц
Сквозь облачный тулуп
Слезу обронит месяц
На мой завялый труп

Y solo desde los calveros
a través de la nebulosa zamarra
la luna deja caer una lágrima
sobre mi secado cuerpo.

1918 (PyP, página 146)

Заметает пурга

Белый путь,
Хочет в мягких снегах
Потонуть.

La nevasca borra
el blanco camino,
que quiere en las blandas nieves
desaparecer.

Ветер резвый уснул
На пути;
Ни проехать в лесу,
Ни пройти.

El petulante viento se ha dormido
por el camino;
ni viaja hacia el bosque,
ni se pasea.

Забегала коляда
На село,
В руки белые взяла
Помело.

El canto de un villancico
visitaba a la aldea,
y con sus blancas manos
cogía una escoba.

Гей вы, нелюди-люди,
Народ,
Выходите с дороги
Вперед!

¡Eh, vosotros, buenos y malos,
gentes todas,
salid del camino,
adelante!

Испугалась пурга
На снегах,
Побежала скорей
На луга.

Se asustó la ventisca
sobre las nieves,
corrió rápidamente
hacia la pradera

Ветер тоже спросонок
Вскочил
Да и шапку с кудрей
Уронил.

El viento también medio dormido,
dio un salto,
¡sí! y la gorra con los rizos
dejó caer.

Утром ворон к березыньке
Стук...
И повесил ту шапку
На сук.

Por la mañana el cuervo hacia los abedules
un golpe....
y colgó aquella gorra
de una rama

1918 (PyP, página 146)

INONIA

Пророку Иеремии

1

Не утрашуся гибели,
Ни копий, ни стрел дождей,—
Так говорит по Библии
Пророк Есенин Сергей.

Время мое приспело,
Не страшен мне лязг кнута.
Тело, Христово тело,
Выплываю из рта.

Не хочу воспринять спасения
Через муки его и крест:
Я иное постиг учение
Прободающих вечность звезд.

Я иное узрел пришествие —
Где не пляшет над правдой смерть.
Как овцу от поганой шерсти, я
Остригу голубую твердь.

Подыму свои руки к месяцу,
Раскушу его, как орех.
Не хочу я небес без лестницы,
Не хочу, чтобы падал снег.

Не хочу, чтоб умело хмуриться
На озерах зари лицо.
Я сегодня снесся, как курица,
Золотым словесным яйцом.

Я сегодня рукой упругою
Готов повернуть весь мир...
Грозовой расплескались вьюгою
От плечей моих восемь крыл.

INONIA

Al profeta Jeremías

No tener miedo de la muerte,
ni de las lanzas, ni las lluvias de flechas
Así habla en la Biblia
el profeta Serguei Esenin

Llegó mi hora
No me es extraño el rechinar del látigo.
El cuerpo, el cuerpo de Cristo,
lo escupo con la boca.

No quiero acoger la salvación.
mediante su tormento y su cruz:
Yo obtuve otra muestra
de la eternidad de las estrellas que penetran en la eternidad.

Yo divisé otro advenimiento-
donde la muerte no danza sobre la verdad.
Como a la lana cardada a la oveja
yo trasquilaré el azul firmamento.

Alzo mis manos hacia la luna,
La parto como a una nuez.
Yo no quiero un cielo sin escaleras.
Yo no quiero que caiga la nieve

No quiero, que mi ceño pudiera fruncirse
en los lagos de la aurora.
Hoy me he puesto , como una gallina
como un huevo dorado y parlante

Hoy con una mano elástica
estoy dispuesto a darle la vuelta a todo el mundo...
Con la tormentosa ventisca se derramaban
mis ocho alas desde mis las espaldas.

Лай колоколов над Русью грозный — El amenazante ladrido de las campanas sobre Rusia-
 Это плачут стены Кремля. es lo que lloran las murallas del Kremlin.
 Ныне на пики звездные Ahora en los picos estrellados
 Вздыхливаю тебя, земля! yo te alzo, ¡tierra!

Протянусь до незримого города, Me extenderé hasta la ciudad invisible,
 Млечный прокушу покров. morderé el manto galáctico.
 Даже Богу я выщиплю бороду incluso a Dios le desplumaré la barba
 Осколом моих зубов. con el rictus de mis dientes

Ухвачу его за гриву белую Lo agarraré por su blanca melena
 И скажу ему голосом вьюг: y le diré con la voz de las nevascas:
 Я иным тебя, Господи, сделаю, Yo Señor te haré diferente
 Чтобы зрел мой словесный луг! para que maduren las palabras de mi prado.

Проклинаю я дыхание Китежа Maldigo los suspiros de Китеж
 И все лощины его дорог. Y todas las cuestas de sus caminos
 Я хочу, чтоб на бездонном вытяже Yo quisiera que en la chimenea sin fondo
 Мы воздвигли себе чертог. nos construyéramos un aposento.

Языком вылижу на иконах я Con la lengua lamo en los iconos
 Лики мучеников и святых. las caras de los mártires y de los santos.
 Обещаю вам град Инонию, Os prometo Inonia, la ciudad
 Где живет Божество живых! donde vive el Señor de los vivientes

Плачь и рыдай, Московия! ¡Ríe y llora. Moscovia!
 Новый пришел Индикоплов. Llegó otro Indicopleust.
 Все молитвы в твоём часослове я Todas las oraciones de tu Libro de las Horas
 Прокляю моим клювом слов. las pego con mi pico de palabras

Уведу твой народ от упования, Conduciré a tu pueblo desde la esperanza
 Дам ему веру и мощь, Le daré la fe y el poder,
 Чтобы плугом он в зори ранние para que con el arado en los tempranos amaneceres
 Распахивал с солнцем ночь. abra la noche con el sol

Чтобы поле его словесное Para que su campo verbal
 Выращало ульями злак, fecundara como colmenas los trigales,
 Чтобы зерна под крышей небесною Para que los granos bajo el techo celeste
 Озлащали, как пчелы, мрак. doraran como abejas la oscuridad

Проклинаю тебя я, Радонеж, ¡Yo te maldigo, Radonej,
 Твои пятки и все следы! tus plantas y todas sus huellas!

Ты огня золотого залежи
Разрыхлял киркою воды.

Tú labraste los baldíos de fuego dorado
con un pico de agua.

Стая туч твоих, по-волчьи лающих,
Словно стая злоющих волков,
Всех зовущих и всех дерзающих
Прободала копьем клыков.

La bandada de tus nubes, que ladran como lobos
como una jauría de lobos furiosos
A todos que claman y a todos los que osan
los punzaba con una lanza de caninos

Твое солнце когтистыми лапами
Прокогтялось в душу, как нож.
На реках вавилонских мы плакали,
И кровавый мочил нас дождь

Tu sol con largas garras
se arañaba en el alma como un cuchillo.
Lloramos en los ríos babilónicos
y la sangrienta lluvia nos remojó..

Ныне ж бури воловьим голосом
Я кричу, сняв с Христа штаны:
Мойте руки свои и волосы
Из лоханки второй луны.

Y ahora yo mujo como un toro
habiéndole sacado a Cristo los pantalones:
mójate las manos y los cabellos
con la cubeta de la segunda luna

Говорю вам — вы все погибнете,
Всех задушит вас веры мох.
По-иному над нашей выгибью
Вспух незримой коровой Бог.

Yo te digo que todo lo perderás,
El musgo de la verdad a todos os asfixiará
De otra manera sobre nuestra hinchazón
Dios se hinchó como una vaca invisible

И напрасно в пещеры селятся
Те, кому ненавистен рев.
Все равно — он иным отелится
Солнцем в наш русский кров.

Y en vano en las cavernas se alojan
aquellos que aborrecen el mugido.
No importa-el parirá ,
con otro sol bajo nuestro techo ruso.

Все равно — он спалит телением,
Что ковало реке берега.
Разгвоздят мировое кипение
Золотые его рога.

No importa-el abrasará con el parto,
que forjaba las orillas al río
Machacan la ebullición del mundo
sus dorados cuernos.

Новый сойдет Олипий
Начертать его новый лик.
Говорю вам — весь воздух выпью
И кометой вытяну язык.

Descenderá el nuevo Olipio
para trazar su nuevo semblante
Os digo-aspiraré todo el aire
Y estiro la lengua como un cometa.

До Египта раскорячу ноги,
Раскую с вас подковы мук...
В оба полюса снежнорогие
Вопьюся клещами рук.

Abriré las piernas hasta Egipto,
te desherraré las herraduras de los tormentos
y ambos cuernos de nieve
me los clavaré con las tenazas de las manos

Коленом придавлю экватор
И, под бури и вихря плач,
Пополам нашу землю-матерь
Разломлю, как золотой калач.

Con la rodilla aplastaré el ecuador
y el llanto bajo los punzones y torbellinos,
romperé por la mitad nuestra madre-tierra
como a un dorado kalach (*bollo roscado*)

И в провал, отененный бездною,
Чтобы мир весь слышал тот треск,
Я главу свою власозвездную
Просуну, как солнечный блеск.

Y en el foso , oscuro hasta el abismo
para que el mundo entero escuchara aquel crujido,
yo a mi cabeza transconstelar
meteré, como un resplandor solar.

И четыре солнца из облачья,
Как четыре бочки с горы,
Золотые рассыпав обручи,
Скатысь, всколыхнут миры.

Y cuatro soles surgidos de las nubes,
como cuatro toneles descendiendo desde la montaña
desparramando aros dorados,
estremecen los universos.

3

И тебе говорю, Америка,
Отколотая половина земли,
Страшись по морям безверия
Железные пускать корабли!

Y a ti te digo, América,
la mitad separada de la tierra,
espántate por los mares del ateísmo,
¡A botar barcos, ferroviarios!

Не отягивай чугунной радугой
Нив и гранитом — рек.
Только водью свободной Ладоги
Просверлит бытие человек!

¡No sobrecargad con un arco iris de fundición
los trigales, ni con granito los ríos;
Tan solo con el agua del liberal Ladoga
el hombre horadará la existencia humana

Не вбивай руками синими
В пустошь потолок небес:
Не построить шляпками гвоздинами
Сияние далеких звезд.

No hurgueis con las manos azules
en el baldío del techo celeste
No crear con sombreros de claveles
el resplandor de las lejanas estrellas

Не залить огневого брожения
Лавой стальной руды.
Нового вознесения
Я оставлю на земле следы.

No apagar el fuego efervescente
con una capa la lava de mineral de hierro
De la Nueva Ascensión
yo dejaré huellas en la tierra.

Пятками с облаков свесюсь,
Прокопытю тучи, как лось;
Колесами солнце и месяц
Надену на земную ось.

Colgaré desde las nubes con los talones,
con las pezuñas de las nubes, como el alce;
Como ruedan la luna y el sol
me pondré sobre el eje de la tierra

Говорю тебе — не пой молебствия
Проволочным твоим лучам.

Yo te digo-no cantes el Tedeum
a tus rayos de alambre.

Не осветят они пришествия,
Бегущего овцой по горам!

que no iluminaran el advenimiento
del Divino cordero por las montañas.

Сыщется в тебе стрелок еще
Пустить в его грудь стрелу.
Словно полымя, с белой шерсти его
Брызнет теплая кровь во мглу.

Aún se encontrará en ti un arco
Para lanzar a su pecho una flecha
que como una llama, con su blanco vellón
salpica sangre caliente en la bruma.

Звездами золотые копытца
Скатытся, взбороздив ночь.
И опять замелькает спицами
Над чулком ее черным дождь.

Las doradas pezuñas como estrellas
resbalan surcando la noche
y de nuevo refulge como agujas
sobre una media su oscura noche

Возгремлю я тогда колесами
Солнца и луны, как гром;
Как пожар, размечу волосья
И лицо закрою крылом.

Entonces yo resonaré con estruendo como las ruedas
el sol y la luna como un trueno
Como un incendio meceré los cabellos
y con un ala me taparé la cara

За уши встряхну я горы,
Копьями вытяну ковыль.
Все тыны твои, все заборы
Горстью смету, как пыль.

Sacudiré las montañas por las orejas.
Con lanzas arrastraré una yegua
Todas tus empalizadas, todos tus cercados
con tristeza las barreré como polvo.

И вспашу я черные щеки
Нив твоих новой сохой;
Золотой пролетит сорокой
Урожай над твоей страной.

Y araré las negras mejillas
de tus trigales con un nuevo arado;
Como una urraca de oro
la cosecha sobrevuela sobre tu país

Новый он сбросит жителям
Крыл колосистых звон.
И, как жерди златые, вытянет
Солнце лучи на дол.

El lanzará a los habitantes, un nuevo tañido
de espigadas alas.
Y como varas doradas, tirará
de los rayos de sol hacia el valle

Новые вырастут сосны
На ладонях твоих полей.
И, как белки, желтые вёсны
Будут прыгать по сучьям дней.

Crecerán los pinos nuevos
en las palmas de tus campos
y como ardillas, las amarillas primaveras
saltarán sobre las ramas de los días.

Синие забрезжат реки,
Просверлив все преграды глыб.
И заря, И заря, опуская веки,
Будет звездных ловить в них рыб.

Azules amaneceres de los rios
perforando todas las barreras de los témpanos.
Y el alba dejando caer los siglos
pescará en ellos los peces estelares

Говорю тебе — будет время,
Отплещут уста громов

Y yo te digo que llegará un tiempo,
en que dejarán de salpicar las bocas de los truenos;

Прободят голубое темя
Колосья твоих хлебов.

perforaran el cráneo celeste
las espigas de tus trigos

И над миром с незримой лестницы,
Оглашая поля и луг,
Проклевавшись из сердца месяца,
Кукарекнув, взлетит петух.

Y bajo el mundo, desde una escalera invisible
inundando los campos y los valles,
agujereando a picotazos desde el corazón de la luna,
lanzando un quiquiriquí, echa a volar el gallo

4

По тучам иду, как по ниве, я,
Свесься головою вниз.
Слышу плеск голубого ливня
И светил тонкокловых свист.

Yo voy por las nubes, como por los trigales
inclinando la cabeza hacia abajo.
oigo el chapoteo del chaparrón azul
y resplandeció el silbido de los pájaros de pico fino

В синих отражаюсь затонах
Далеких моих озер.
Вижу тебя, Инония,
С золотыми шапками гор.

Me reflejo en las azules enseñadas
de mis lagos lejanos.
Te veo Inonia
con los dorados gorros de las montañas

Вижу нивы твои и хаты,
На крылечке старушку мать;
Пальцами луч заката
Старается она поймать.

Veo tus trigales y tus jatas (*barracas de Ucrania*),
en el ala a tu anciana madre;
ella intenta atrapar con los dedos
el último rayo del ocaso

Прищепит его у окошка,
Схватит на своем горбе,—
А солнышко, словно кошка,
Тянет клубок к себе.

Lo coge junto a la ventanilla
lo ase por la joroba
y el lucero como un gato
arrastra el ovillo hacia sí.

И тихо под шепот речки,
Прибрежному эху в подол,
Каплями незримой свечки
Капает песня с гор:

Y en silencio bajo el susurro del riachuelo,
al ribereño eco en la ladera,
con las gotas de una vela invisible
rueda una canción desde las montañas

«Слава в вышних Богу
И на земле мир!
Месяц синим рогом
Тучи прободил.

“¡Gloria a Dios en las alturas
y paz en el mundo!”
La luna con cuernos azules
corneó las nubes.

Кто-то вывел гуся
Из яйца звезды —
Светлого Иисуса
Проклевать следы.

Alguien sacó a al ganso
del huevo de la estrella-
que picotea las huellas
del luminoso Jesús.

Кто-то с новой верой,
Без креста и мук,
Натянул на небе
Радугу, как лук.

Alguien con una Fe nueva,
sin cruz y sin martirio
puso en el cielo
como marco, un arco iris.

Радуйся, Сионе,
Проливай свой свет!
Новый в небосклоне
Вызрел Назарет.

¡Alégrate Sión
desparrama tu luz!
un nuevo horizonte
maduró en Nazaret

Новый на кобыле
Едет к миру Спас.
Наша вера — в силе.
Наша правда — в нас!»

Sobre la yegua
cabalga hacia el mundo un nuevo Salvador.
Nuestra Fé está en la fuerza
Nuestra verdad está en nosotros”

Enero 1918 (PyP, página 148)

ИОРДАНСКАЯ ГАЛУБИЦА

LA PALOMA DEL JORDÁN

1

Земля моя, золотая!
Осенний светлый храм!
Гусей крикливых стая
Несется к облакам.

¡Mi tierra dorada!
¡Luminoso templo otoñal!
Una bandada de chillones gansos
subirá hacia las nubes,

То душ преображенных
Несчислимая рать
С озер поднявшись сонных,
Летит в небесный сад.

Entonces un incontable ejército
de almas transfiguradas,
alzándose desde los lagos adormecidos
volará hasta el jardín celeste.

А впереди их лебедь.
В глазах, как роща, грусть.
Не ты ль так плачешь в небе,
Отчавившая Русь?

Y ante ellos un cisne.
En los ojos, como un bosque, tristeza,
¿Y tú lloras así en el cielo
desatracada Rus?

Лети, лети, не бейся,
Всему есть час и брег.
Ветра стекают в песню,
А песня канет в век.

Años, años, no tengais miedo
Para todo hay orilla y hora.
Los vientos resbalan en la canción,
y la canción se hunde en la eternidad.

2

Небо — как колокол,
Месяц — язык,
Мать моя родина,
Я — большевик.

El cielo es como la campana,
la luna es la lengua,
mi madre la patria,
y yo soy bolchevique.

Ради вселенского
Братства людей
Радуюсь песней я
Смерти твоей.

Por la amistad
universal de los pueblos
yo me alegro
de tu muerte

Крепкий и сильный,
На гибель твою,
В колокол синий
Я месяцем бью.

Fuerte y firme,
en tu ruina,
en la campana azul
yo me pego con la luna

Братья-миряне,
Вам моя песнь.
Слышу в тумане я
Светлую весть.

Hermanos-seglares,
para vosotros es mi canción..
Yo escucho en la niebla
la Buena Nueva (*la luminosa anunciación*).

3

Вот она, вот голубица,
Севшая ветру на длань,
Снова зарею клубится
Мой луговой Иордань.

Héla aquí, aquí está la paloma,
sentada al viento en la palma de la mano,
de nuevo con el alba se eleva por las nubes
mi Jordán de los prados.

Славлю тебя, голубая,
Звездами вбитая высь.
Снова до отчего рая
Руки мои поднялись.

Os glorifico, alturas celestes
clavadas entre las estrellas.
De nuevo hasta el paraíso del Padre
mis manos se elevan.

Вижу вас, злачные нивы,
С стадом буланых коней.
С дудкой пастушеской в ивах
Бродит апостол Андрей.

Os veo fértiles campos,
con una manada de bayos caballos.
Por los alces con un silbato de pastor
vaga el apóstol Andrés.

И, полная боли и гнева,
Там, на окраине села,
Мати Пречистая Дева
Розгой стегает осла.

Y llena de dolor y de ira,
allá, a las afueras de la aldea,
la Madre Inmaculada Concepción
con una vara azota al burro.

4

Братья мои, люди, люди!
Все мы, все когда-нибудь
В тех благих селеньях будем,
Где протоптан Млечный Путь.

¡Mis hermanos, gentes, gentes;
Todos nosotros, todos alguna vez
estaremos en aquellos buenas lugares,
donde se forma la Vía Láctea

Не жалейте же ушедших,
Уходящих каждый час,—
Там на ландышах расцветших
Лучше, чем в полях у нас.

No temáis, los que os vais,
los que salís cada hora,-
allá, en los coloreados lirios de los valles
mejor que en nuestros campos.

Страж любви — судьба-мздоимец
Счастье пестует не век.

El guardián del amor- destino-concusionario,
no ejerce para siempre.

Кто сегодня был любимец —
Завтра нищий человек.

El que hoy ha sido amante-
mañana será un pordiosero.

5

О новый, новый, новый,
Прорезавший тучи день!
Отроком солнцеголовым
Сядь ты ко мне под плетень.

¡Oh, nuevo, nuevo, nuevo,
día que atraviesa las nubes;
Como un calvo adolescente
siéntate conmigo bajo el seto,

Дай мне твои волосы
Гребнем луны расчесать.
Этим обычаем — гостя
Мы научились встречать.

Dame tus cabellos
para peinarlos con las crestas de la luna.
Con esta costumbre- aprendimos
a recibir al huésped.

Древняя тень Маврикии
Родственна нашим холмам, златые
Дождиком в нивы
Нас посетил Авраам.

La vieja sombra de Mauricio
cercana a nuestras colinas
Con la llovizna en los dorados trigales
nos visitó Abraham.

Сядь ты ко мне на крылечко,
Тихо склонись ко плечу.
Синюю звездочку свечкой
Я пред тобой засвечу.

Siéntate conmigo sobre el zaguán,
Suavemente inclínate sobre el pecho.
como la candela de una estrellita de ensueño
yo brillaré ante ti.

Буду тебе я молиться,
Славить твою Иордань...
Вот она, вот голубица,
Севшая ветру на длань.

Yo te rezaré,
glorificaré tu Jordán...
Héla, héla aquí la paloma
sentada al viento en la palma de la mano.

20-23 junio 1918 (ПуP, página 156)

И небо и земля все те же,
Все в те же воды я гляжусь,
Но вздох твой ледовитый реже,
Ложноклассическая Русь.

Y el cielo y la tierra son en todo lo mismo,
todo lo mismo que en las aguas en que me miro,
pero tu glacial suspiro es diferente,
La Rus falsamente clásica.

Не огражу мой тихий кров
От радости над умираньем,
Но жаль мне, жаль отдать страданью
Езекиильский глас ветров.

No protejo a mi pacífica sangre
de la alegría ante la agonía,
pero me apena, me apena, entregar al sufrimiento
la voz de los vientos de Ezequiel

Шуми, шуми, реви сильней,
Свирепствуй, океан мятежный,
И в солнца золотые мрежи
Сгоняй сребристых окуней

Retumba, retumba, brama más fuerte,
desenfrénate, rebelde océano,
y en los doradas redes del sol
arroja percas plateadas.

1918 ПуP, página 159

Зелёная причёска,
Девическая грудь,
О тонкая берёзка,
Что загляделась в пруд?

Verde peinado,
pecho de doncella
Oh, fino abedul,
¿Qué te has mirado en el pecho?

Что шепчет тебе ветер?
О чем звенит песок?
Иль хочешь в косы-ветви
Ты лунный гребешок?

¿Qué te susurra el viento?
¿Sobre qué resuena la arena?
¿O quieres tú, en la punta de las hojas,
un peine lunar?

Открой, открой мне тайну
Твоих древесных дум,
Я полюбил печальный
Твой предосенний шум.

Ábreme, ábreme el secreto
de tus arbóreos pensamientos,
yo amé con tristeza
tu griterío preotoñal

И мне в ответ берёзка:
"О любопытный друг,
Сегодня ночью звездной
Здесь слезы лил пастух.

Y el abedul me contestó:
"¿Oh mi amigo querido!
Hoy en la noche estrellada
el pastor vertió sus lágrimas aquí"

Луна стелила тени,
Сияли зеленыя.
За голые колени
Он обнимал меня.

La luna estiraba las sombras,
resplandecían las verduras
por las desnudas rodillas
él me abrazó.

И так, вдохнувши глубоко,
Сказал под звон ветвей:
"Прощай, моя голубка,
До новых журавлей".

Y así, suspirando profundamente,
me dijo, bajo el rumor de las hojas
"Adiós, mi paloma,
hasta las próximas grullas"

15 Agosto 1918 (PyP, página 160)

О пашни, пашни, пашни,
Коломенская грусть,
На сердце день вчерашний,
А в сердце светит Русь.

¡Oh campos,, campos, campos;
tristeza de Kolomna,
el día de ayer en el corazón
Rus brilla en el corazón.

Как птицы, свищут версты
Из-под копыт коня.
И брызжет солнце горстью
Свой дождик на меня.

Como los pájaros, las verstas (leguas) silban
por debajo de los cascos del caballo
y el sol me salpica su llovizna
a manotadas.

О край разливов грозных
И тихих вешних сил,
Здесь по заре и звездам
Я школу проходил.

¡Oh, paraje de terribles inundaciones;
y de tranquilos vigores primaverales,
aquí por el alba y por las estrellas
yo pasé para la escuela.

И мыслил и читал я
По библии ветров,
И пас со мной Исаяя
Моих золотых коров.

1918 (ПуР, página 161)

Серебристая дорога,
Ты зовешь меня куда?
Свечкой чисточетверговой
Над тобой горит звезда.

Грусть ты или радость теплишь?
Иль к безумью правишь бег?
Помоги мне сердцем вешним
Долюбить твой жесткий снег.

Дай ты мне зарю на дровни,
Ветку вербы на узду.
Может быть, к вратам господним
Сам себя я приведу

1918 (ПуР, página 161)

Отвори мне, страж заоблачный,
Голубые двери дня.
Белый ангел этой полночью
Моего увел коня.

Богу лишнего не надобно,
Конь мой — мощь моя и крепь.
Слышу я, как ржет он жалобно,
Закусив золотую цепь.

Вижу, как он бьется, мечется,
Теребя тугой аркан,
И летит с него, как с месяца,
Шерсть буланая в туман.

1918 (ПуР, página 162)

КАНТАТА

Спите, любимые братья,
Снова родная земля
Неколебимые рати
Движет под стены Кремля.

Новые в мире зачатья,
Зарево красных зарниц...
Спите, любимые братья,
В свете нетленных гробниц.

Y yo medité y leí
la Biblia de los vientos,
y conmigo cayó Isaias
de mis vacas doradas

Camino de plata,
¿a dónde me llamas?
con una vela del Jueves Santo,
sobre ti brilla una estrella.

¿Tienes encendidas la tristeza o la alegría?
¿o diriges tu carrera hacia la locura?
Ayúdame con el corazón de primavera
a amar hasta el final a tu endurecida nieve.

Dame un trineo para la aurora,
y la rama del sauce como riendas.
Puede ser, que yo mismo me traeré
a mis señoriales hermanos

Ábreme, guardián de más allá de las nubes,
las puertas celestes del día.
El ángel blanco llevó mi caballo
para esta medianoche.

Para Dios es superfluo lo innecesario,
Mi caballo-mi empalizada y mi poder.
Yo escucho, como el relincha tristemente,
mordiéndome la cadena dorada

Veo, como se golpea, como se agita
tirando del tenso nudo.
y desde él vuelan, como desde la luna,
las crines en la niebla

CANTATA

Cantad, queridos hermanos,
de nuevo la tierra natal,
bajo los muros del Kremlin mueve
ejércitos invencibles.

Nuevas concepciones en el mundo ,
el resplandor de rojos relámpagos...
dormid, queridos hermanos,
en un universo de tumbas incorruptas.

Солнце златою печатью
 Стражем стоит у ворот...
 Спите, любимые братья,
 Мимо вас движется ратью
 К зорям вселенским народ.

El sol con un sello dorado
 como un guardián de pie junto a las puertas...
 Dormid, queridos hermanos,
 junto a vosotros se mueve un ejército
 hacia las auroras universales de los pueblos

1918 (ПуP, página 163)

Закружилась листва золотая
 В розовой воде на пруду,
 Словно бабочек легкая стая
 С замираньем летит на звезду.

Rondaba el dorado follaje
 sobre el agua rosada del estanque,
 como un pequeño enjambre de mariposas
 que pausadamente vuela hacia una estrella

Я сегодня влюблен в этот вечер,
 Близок сердцу желтеющий дол.
 Отрок-ветер по самые плечи
 Заголил на березке подол.

Hoy yo estoy enamorado de esta tarde,
 el valle amarillento junto al corazón.
 El viento adolescente hasta los mismos hombros
 desnudó la bata del joven abedul

И в душе и в долине прохлада,
 Синий сумрак как стадо овец,
 За калиткою смолкшего сада
 Прозвенит и замрет бубенец.

Y refrescaba en el alma y en el valle
 una azul oscuridad como un rebaño de ovejas
 tras el seto de un silencioso jardín
 tintinearé y se callará un cascabel.

Я еще никогда бережливо
 Так не слушал разумную плоть,
 Хорошо бы, как ветками ива,
 Опрокинуться в розовость вод.

Yo con prudencia nunca había escuchado
 así a una carne tan razonable
 Estaría bien, como con las ramas de un sauce,
 voltear en el rosado de las aguas.

Хорошо бы, на стог улыбаясь,
 Мордой месяца сено жевать...
 Где ты, где, моя тихая радость,
 Все любя, ничего не желать?

¿Estaría bien, sonriendo en el almiar,
 mascar con el hocico de la luna...
 Dónde tú, dónde, mi silenciosa alegría,
 queriéndolo todo, nada deseas?

1918 (ПуP, página 165)

Клюеву

A Kliuiev

Теперь любовь моя не та.
 Ах, знаю я, ты тужишь, тужишь
 О том, что лунная метла
 Стихов не расплескала лужи.

Ahora mi amor ya no es aquel
 ¡Ay!, yo sé que tú estás triste, estás triste
 de que la escoba de la luna
 no derramaba poesías de la balsa.

Грустя и радуясь звезде,
 Спадающей тебе на брови,
 Ты сердце вывесил избе,
 Но в сердце дома не построил.

Sufriendo y alegrándote de la estrella,
 que te colgaba de las cejas,
 tú le ofreciste cantando el corazón a la casa
 pero la casa no la construiste en el corazón.

И тот, кого ты ждал в ночи,
 Прошел, как прежде, мимо крова.
 О друг, кому ж твои ключи
 Ты золотил поющим словом?

Y aquello que tú esperabas por la noche,
 pasó, como antes, junto a la vaca.
 ¿Amigo para quién tú bañaste, tus llaves
 en oro con una palabra cancionera?

Тебе о солнце не пропеть
В окошко не увидеть рая.
Так мельница, крылом махая,
С земли не может улететь.

No te cantaré del sol
desde la ventanilla no se ve el paraíso.
Así el molino, agitándose con las alas aspas
no puede salir volando desde la tierra.

1918 (ПуP, página 165)

Хорошо под осеннюю свежесть
Душу-яблоню ветром стряхать
И смотреть, как над речкою режет
Воду синюю солнца соха.

Es hermoso, bajo la frescura otoñal.
sacudir con el viento el alma del manzano
y observar como sobre el riachuelo, corta
el arado el agua azul del sol.

Хорошо выбивать из тела
Накаляющий песни гвоздь.
И в одежде празднично белой
Ждать, когда постучится гость.

Es hermoso sacar del cuerpo
el clavo caliente de la canción.
y con el vestido de fiesta blanco
esperar al invitado cuando llame a la puerta

Я учусь, я учусь моим сердцем
Цвет черемух в глазах беречь,
Только в скупости чувства греются,
Когда ребра ломает течь.

Yo estudio, yo estudio con mi corazón
que el color de los cerezos hay que guardar en los ojos
Solo en la pobreza se calientan los sentimientos
cuando el goteo rompe las costillas.

Молча ухаёт звездная звонница,
Что ни лист, то свеча заре.
Никого не впущу я в горницу,
Никому не открою дверь.

Calando retumba un campanario estrellado,
Cada hoja es un cirio al amanecer.
No dejaré entrar a nadie en mi cuarto,
a nadie le abriré la puerta.

1918 (ПуP, página 166)

1919

НЕБЕСНЫЙ БАРАБАНИЩИК

TAMBORILERO CELESTE

Л.Н. Старку.

A L.N. Stark.

1

Гей вы, рабы, рабы!
Брюхом к земле прилипли вы.
Нынче луну с воды
Лошади выпили.

¡Hey, vosotros, esclavos, esclavos!
Con la tripa, os pegasteis a la tierra.
Hoy en el agua los caballos
se bebieron la luna.

Листьями звезды льются
В В В реки на наших полях

Como las hojas, en nuestros campos,
las estrellas son atraídas por los ríos

Да здравствует революция
На земле и на небесах;

Души бросаем бомбами,
Сеем пурговый свист.
Что нам слюна иконная
В наши ворота в высь?

Нам ли страшны полководцы
Белого стада горилл?
Взвихренной конницей рвется
К новому берегу мир.

2

Если это солнце
В заговоре с ними,—
Мы его всей ратью
На штыках подыдем.

Если этот месяц
Друг их черной силы,—
Мы его с лазури
Камнями в затылок.

Разметим все тучи,
Все дороги взмесим.
Бубенцом мы землю
К радуге привесим.

Ты звени, звени нам,
Мать земля сырая,
О полях и рощах
Голубого края.

3

Солдаты, солдаты, солдаты —
Сверкающий бич над смерчем.
Кто хочет свободы и братства,
Тому умирать нипочем.

Смыкайтесь же тесной стеною,
Кому ненавистен туман,
Тот солнце корявой рукою
Сорвет на золотой барабан.

Сорвет и пойдет по дорогам
Лить зов над озерами сил -

¡Bienvenida la revolución
en los cielos y en la tierra;

lanzamos las almas como bombas
sembramos el silbido de la ventisca.
¿Qué nos importa la saliva de los iconos
en lo alto de nuestras puertas?

¿Nos son extraños los caudillos
de un blanco rebaño de gorilas?
El mundo estalla como una caballería
en un torbellino hacia una nueva orilla

A este sol
si está confabulado con ellos-
nosotros con todo el ejército
lo alzaremos con las bayonetas

Si esta luna
se hace amiga de su negra fuerza,-
nosotros desde el cielo azul
la echaremos con piedras en el pescuezo

Barreremos todas las nubes,
amasaremos todos los caminos.
Con un cascabel colgaremos
la tierra al arco iris

Cruje tú, crújenos
cruda madre tierra,
sobre los campos y los bosques
rincón celeste

Soldados, soldados, soldados-
Centelleante látigo sobre el torbellino.
Quién por aquello quiere libertades y fraternidades,
para morir por nada.

Apretaos como una pared compacta,
con quién odia la oscuridad,
que con una mano retorcida
llevara a este sol a un dorado tambor

Lo sacaré e irá por los caminos
para lanzar las llamadas sobre los lagos de las fuerzas-

На тени церквей и острогов,
На белое стадо горилл.

en las sombras de las iglesias y de los presidios,
en el blanco rebaño de los gorilas.

В том зове калмык и татарин
Почуют свой чаемый град,
И черное небо хвостами,
Хвостами коров вспламенят.

En aquella llamada un calmuco y un tártaro,
olfatearan su deseada ciudad,
y encienden el cielo negro con los rabos,
con los rabos de las vacas

4

Верьте, победа за нами!
Новый берег недалек.
Волны белыми когтями
Золотой скребут песок.

¡Creedlo, para nosotros la victoria;
La nueva orilla no está lejos
Las blancas olas con las uñas
rasparán la arena dorada

Скоро, скоро вал последний
Миллионом брызнет лун.
Сердце — свечка за обедней
Пасхе массы и коммун.

Pronto, pronto la última oleada
brotará con un millón de lunas.
El corazón es una vela para la misa
para la Pascua de las masas y de las comunas.

Ратью смуглой, ратью дружной
Мы идем сплотить весь мир.
Мы идем, и пылью вьюжной
Тает облако горилл.

Con un ejército moreno, con un ejército unido
vamos a unir a todo el mundo.vamos,
Vamos y con nieve polvo
la nube encubre a los gorilas.

Мы идем, а там, за чащей,
Сквозь белесость и туман
Наш небесный барабанщик
Лупит в солнце-барабан.

Vamos, y allí, tras la espesura,
a través de la blancura y de la niebla
nuestro tamborilero celeste
toca el tambor-solar.

1919 (ПуP, página 167)

О боже, боже, эта глубь —
Твой голубой живот.
Златое солнышко, как пуп,
Глядит в Каспийский рот.

Oh Dios mío, Dios mío, esta hondura-
tu vientre azul celeste.
Un lucero dorado, como un ombligo,
mira la boca del Caspio

Крючками звезд свивая в нить
Лучи, ты ловишь нас
И вершами бросаешь дни
В зрачки озерных глаз.

Con los ganchos de las estrellas enroscando el hilo
del rayo, tú nos coges
y por las tardes lanzas los días
a las pupilas de los ojos lacustres

Но в малый вентерь рыбаля
Не заплывает сом.
Не втащит неводом заря
Меня в твой тихий дом.

Pero en un pequeño retel de pescador
no nada un siluro.
El alba no me arrastra con la red
a tu silenciosa casa.

Сойди на землю без порток,
Взбурли всю хлябь и воду,

Baja sin calzones, a la tierra
y haz bullir toda la tempestad y el agua,

Смолой кипящею восток
Пролей на нашу плоть.

El oriente como hirviente alquitrán
viértelo sobre nuestra carne.

Да опалят уста огня
Людскую страсть и стыд.
Взнеси, как голубя, меня
В твой в синих рощах скит.

Y las bocas del fuego abrasan
la pasión humana y la vergüenza.
Llévame como paloma
a tu ermita en los azules boscajes.

1919 (ПуP, página 170)

пантократор

PANTOCRATOR

1

Славь, мой стих, кто ревет и бесится,
Кто хоронит тоску в плече,
Лошадиную морду месяца
Схватить за узду лучей.

Glorifica, mi poresis, el que ruje y seenfurece
el que esconde su tristeza en la espalda
El morro del caballo de la luna
se agarra a las riendas de los rayos

Тысячи лет те же звезды славятся,
Тем же медом струится плоть.
Не молиться тебе, а лаяться
Научил ты меня, господь.

Miles de años estas mismas estrellas se glorifican.
con la mima miel chorrea la carne.
No a implorarte, sino a insultarte
tú me enseñaste, Señor.

За седины твои кудрявые,
За копейки с золотых осин
Я кричу тебе: "К черту старое!",
Непокорный, разбойный сын.

Por tus rizadas canas
por los kopeks de los dorados abedules
yo te grito:" ¡A la mierda con lo viejo!"
insumiso, hijo bandido.

И за эти щедроты теплые,
Что сочишь ты дождями в муть,
О, какими, какими метлами
Это солнце с небес стряхнуть?

Y por estas cálidas generosidades
que tu rezumas con lluvias en las nubes
¡Oh!, ¿Con qué, con qué escobas
sacudir a este sol desde los cielos?

2

Там, за млечными холмами,
Средь небесных тополей,
Опрокинулся над нами
Среброструйный Водолей.

Allá, tras las lácteas colinas,
entre los álamos celestes,
se desplomó sobre nosotros
el argentífero Acuario..

Он Медведицей с лазури -
Как из бочки черпаком.
В небо вспрыгнувшая буря
Села месяцу верхом.

Ellos como la Osa celeste-
como sacados de un tonel con un cucharón.
En el cielo una saltona tempestad
se ha montado en la luna.

В вихре снится сонм умерших,
Молоко дымящий сад,
Вижу, дед мой тянет вершей
Солнце с полдня на закат

En el torbellino se sueña el sueño de los muertos,
el jardín humeante de leche.
veo a mi abuelo que arrastra el sol con nuna nansa
desde el mediodía hasta el atardecer.

Отче, отче, ты ли внука
Услыхал в сей скорбный срок?
Знать, недаром в сердце мукал
Издыхающий телок.

3

Кружися, кружися, кружися,
Чекань твоих дней серебро!
Я понял, что солнце из выси -
В колодезь золотое ведро.

С земли на незримую сушу
Отчалить и мне суждено.
Я сам положу мою душу
На это горящее дно.

Но знаю - другими очами
Умершие чуют живых.
О, дай нам с земными ключами
Предстать у ворот золотых.

Дай с нашей овсяною волей
Засовы чугунные сбить,
С разбега по ровному полю
Заре на закорки вскочить.

4

Сойди, явись нам, красный конь!
Впрягись в земли оглобли.
Нам горьким стало молоко
Под этой ветхой кровлей.

Пролей, пролей нам над водой
Твое глухое ржанье
И колокольчиком-звездой
Холодное сиянье.

Мы радугу тебе - дугой,
Полярный круг - на сбрую.
О, вывези наш шар земной
На колею иную.

Хвостом земле ты прицепись,
С зари отчался гривой.
За эти тучи, эту высь
Скачи к стране счастливой.

¿Padre, padre, has escuchado a tu nieto
en este triste tiempo?
Saber que no en balde en el corazón se ha
atormentado el mortecino ternero.

¡Gira, gira, gira,
troquela la plata de tus días!
Yo comprendí que el sol desde las alturas
es como un cubo dorado en el pozo

Y estoy destinado a partir desde la tierra
hacia un secarral invisible.
Yo mismo pondré mi alma
en este fondo ardiente.

Pero yo sé- con otros ojos
que los muertos huelen a los vivos
¡Oh! déja que con llaves terrestres
nos presentemos en las puertas doradas

Haz destrozarnos con nuestra voluntad de avena
los cerrojos de hierro.
Tomando carrera por el campo llano
saltar a los hombros del alba

¡Desciende, ven con nosotros, caballo rojo!
Enganchate a las barras de la tierra.
La leche se nos ha vuelto amarga
bajo esta decrepita techumbre

Derrama, derrama, sobre al agua
tu sordo relincho
y como una campanilla-estrella
el frío resplandor

Nosotros para ti con un arco iris te haremos un atelage,
el círculo polar-los arneses.
¡Oh! transporta nuestra esfera terrestre
por otro carril.

Engánchate a la tierra con el rabo,
Desamárrate del alba con las crines.
Por encima de estas nubes, de estas alturas
galopa hacia el país feliz.

И пусть они, те, кто во мгле
Нас пьют лампадой в небе,
Увидят со своих полей,
Что мы к ним в гости едем.

Y que ellos, aquellos que en la bruma
nos beben como una lamparilla en el cielo,
vean desde sus campos,
que vamos de invitados hacia ellos.

Febrero de 1919 (Página 171)

Душа грустит о небесах,
Она нежданных нив жилища.
Люблю, когда на деревьях
Огонь зеленый шевелится.

El alma está triste de los cielos,
ella es vecina de los forasteros trigales.
Me gusta, cuando en los árboles
se agita el verde fuego.

То сучья золотых стволов,
Как свечи, теплятся пред тайной,
И расцветают звезды слов
На их листве первоначальной.

Que retuerce los troncos dorados,
que como candelas, arden ante el misterio,
y hacen brotar estrellas de palabras
en su primitivo follaje

Понятен мне земли глагол,
Но не страшну я муку эту,
Как отразивший в водах дол
Вдруг в небе ставшую комету.

Entiendo las palabras de la tierra,
pero no me libraré de este tormento,
como el valle reflejando en las aguas
al cometa que surge de repente en el cielo.

Так кони не страшнут хвостами
В хребты их пьющую луну...
О, если б прорасти глазами,
Как эти листья, в глубину

Así los caballos no sacudirán con los colas
en las montañas su embriagada luna...
¡Oh, si con los ojos germinaran,
como estas hojas en las profundidades!

1919 (Рур, página 174)

КОБЫЛИ КОРАБЛИ

LAS YEGUAS DEL BARCO

1

Если волк на звезду завыл,
Значит, небо тучами изглодано.
Рваные животы кобыл,
Черные паруса воронов.

Si el lobo ha aullado a la estrella,
quiere decir que el cielo ha sido roído por las nubes.
Las panzas desgarradas de las yeguas,
las negras velas de los cuervos.

Не просунет когтей лазурь
Из пургового кашля-смирада;
Облетает под ржанье бурь
Черепов златохвойный сад

No meterá el azul de las garras
desde la fétida tos de la ventisca;
circunvuela bajo el hedor de las borrascas
de calaveras, el jardín de pinos dorados.

Слышите ль? Слышите звонкий стук?
Это грабли зари по пуцам.
Веслами отрубленных рук
Вы гребетесь в страну грядущего.

¿Oyes? ¿Oyes el resonante golpe?
Son los rastros de la aurora por la selva.
Con remos con las asas cortadas
remas hacia el país del futuro

Плывите, плывите в высь!
Лейте с радуги крик вороний!
Скоро белое дерево сронит
Головы моей желтый лист.

¡Nada, nada hacia arriba!
¡Difunde desde el arco iris el grito del cuervo!
Pronto el árbol blanco dejara caer
la hoja amarilla de mi cabeza.

2

Поле, поле, кого ты зовешь?
Или снится мне сон веселый —
Синей конницей скачет рожь,
Обгоняя леса и села?

¡Campo, campo, a quién llamas tú?
o sueño un alegre sueño-
¿Brinca el centeno como una celeste caballería,
dejando atrás los bosques y las aldeas?

Нет, не рожь! Скачет по? полю стужа,
Окна выбиты, настезь двери.
Даже солнце мерзнет, как лужа,
Которую напрудил мерин.

¡No, el centeno, no! ¿Brinca por el campo el frio helado,
Las ventanas rotas, las puertas de par en par.
incluso el sol se congela, como una charca
que inundó un caballo capón.

Кто это? Русь моя, кто ты? Кто?
Чей черпак в снегов твоих накипь?
На дорогах голодным ртом
Сосут край зари собаки.

¿Quién es esto? ¿Mi Rusia, quién eres tú? ¿Quién?
¿Quién ha metido su cucharón en la espuma de tus nieves?
En los caminos con una boca hambrienta
los perros chupan el final de la aurora

Им не нужно бежать в «туда»,
Здесь, с людьми бы теплей ужиться.
Бог ребенка волчице дал,
Человек съел дитя волчицы.

Ellos no necesitan correr hacia “allá”,
aquí, con las gentes sería más cálido convivir
Dios le dió un niño a la loba,
El hombre comió un niño de la loba

3

О, кого же, кого же петь
В этом бешеном зареве трупов?
Посмотрите: у женщин третий
Вылупляется глаз из пупа.

¿Oh, de quién, de quién pues cantar
en este frenético resplandor de cuerpos?
Mirad: a las mujeres les sale
un tercer ojo del ombligo,

Вон он! Вылез, глядит луной,
Не увидит ли помясистей кости.
Видно, в смех над самим собой
Пел я песнь о чудесной гостье.

¡Helo aquí! Salió arrastrándose, mira como una luna,
¿No vera unos huesos muy más carnosos?
Se ve, riéndome de si mismo,
Canté una canción sobre un huésped prodigioso.

Где же те? Где еще одиннадцать,
Что светильники сисек жгут?
Если хочешь, поэт, жениться,
Так женись на овце в хлеву.

¿Y dónde estan aquellos? ¿Dónde los otros once?
¿Qué queman los candiles de las tetas?
Poeta, si quieres casarte,
cásate entonces con una oveja en el establo.

Причащайся соломой и шерстью,
Тепли песней словесный воск.
Злой октябрь осыпает перстни
С коричневых рук берез.

Comulga con pelo y paja,
calienta con canciones la cera eslovena.
El pérfido octubre cubre los anillos
con las manos castañas de los abedules.

4

Звери, звери, приидите ко мне
 В чашки рук моих злобу выплакать!
 Не пора ль перестать луне
 В небесах облака лакать?

Сестры-суки и братья-кобели,
 Я, как вы, у людей в загоне.
 Не нужны мне кобыл корабли
 И паруса вороньи.

Если голод с разрушенных стен
 Вцепится в мои волоса,—
 Половину ноги моей сам съем,
 Половину отдам вам высасывать.

Никуда не пойду с людьми,
 Лучше вместе издохнуть с вами,
 Чем с любимой поднять земли
 В сумасшедшего ближнего камень.

5

Буду петь, буду петь, буду петь!
 Не обижу ни козы, ни зайца.
 Если можно о чем скорбеть,
 Значит, можно чему улыбаться.

Все мы яблоко радости носим,
 И разбойный нам близок свист.
 Срежет мудрый садовник-осень
 Головы моей желтый лист.

В сад зари лишь одна стезя,
 Сгложет рощи октябрьский ветер.
 Все познать, ничего не взять
 Пришел в этот мир поэт.

Он пришел целовать коров,
 Слушать сердцем овсяный хруст.
 Глубже, глубже, серпы стихов!
 Сыпь черемухой, солнце-куст!

Septiembre 1919 (PyP, página 174)

Fieras, fieras, venid hacia mí
 En las palmas de mis manos llorar la maldad
 ¿No es el tiempo de dejar a la luna
 lamer las nubes en los cielos?

Hermanas-perras y hermanos-yeguas,
 yo, como vosotros, estoy en el último plano entre la gente.
 No necesito barcos de yeguas
 ni velas de cuervo.

Si el hambre desde paredes destruidas
 se agarra a mis cabellos,-
 yo mismo me comeré la mitad de mi pierna,
 la otra mitad te la daré para chuparla.

Con la gente no iré a ninguna parte,
 es mejor morir junto contigo,
 que coger una piedra de la tierra querida
 para lanzarla contra un loco vecino

¡Cantaré, cantaré, cantaré!
 No odiaré ni a las cabras ni a las liebres.
 Si se puede dolerse de algo,
 significa, que se puede alegrarse de algo.

Todos nosotros llevamos la manzana de la alegría,
 y está cerca de nosotros el silbido del bandido.
 Cruje el sabio otoño-jardinero
 la hoja amarilla de mi cabeza.

Al jardín del albat solo hay un camino,
 se tragará bosque el viento de octubre.
 Conocerlo todo, no coger nada
 el poeta llegó a este mundo.

El llegó para besar a las vacas,
 Besar con el corazón el crujido de la avena.
 ¡Más hondo, más hondo, hoces de los versos!
 Arbusto del sol, siembra el cerezo

Ветры, ветры, о снежные ветры,
Заметите мою прошлую жизнь
Я хочу быть отроком светлым
Иль цветком с луговой межи.

Я хочу под гудок пастуший
Умереть для себя и для всех.
Колокольчики звездные в уши
Насыпает вечерний снег.

Хороша бестуманная трель его,
Когда топит он боль в пурге.
Я хотел бы стоять, как дерево,
При дороге на одной ноге.

Я хотел бы под конские храпы
Обниматься с соседским кустом.
Поднимайте ж вы лунные лапы
Мою грусть в небеса ведром.

1919 (ПуP página 179)

Vientos, vientos. ¡Oh! vientos nevoso
observad mi vida pasada
Yo quiero ser un radiante muchacho
o una flor del lindero de un prado

Yo quiero bajo el pitido de un pastor
morir para mí y para todos
estelares campanillas en los oidos
esparce la nieve nocturna.

Es hermoso y claro su gorjeo
cuando enciende dolor en la ventisca
Yo quisiera aguantarme de pié, como un árbol,
junto al camino, con una sola pierna.

Yo quisiera, bajo los relinchos de un caballo
abrazarme al arbusto vecino.
Levantad vosotras garras lunares
mi tristeza con un cubo hasta los cielos

1920

По-осеннему кычет сова
Над раздольем дорожной рани.
Облетает моя голова,
Куст волос золотистый вянет

Полевое, степное «ку-гу»,
Здравствуй, мать голубая осина!
Скоро месяц, купаясь в снегу,
Сядет в редкие кудри сына.

Скоро мне без листвы холодеть,
Звоном звезд насыпая уши.
Без меня будут юноши петь,
Не меня будут старцы слушать

Новый с поля придет поэт,
В новом лес огласится свисте.
По-осеннему сыплет ветер,
По-осеннему шепчут листья.

1920 (ПуP, páina 181)

En otoño grita el buho
sobre las estepas, de la herida del camino.
Cubre mi cabeza,
se marchita la mata de pelo dorado..

El “¡Hu! ¡Hu!” campestre, estepario,
¡Buenos días, madre azulada pobeda!
pronto la luna , bañándose en la nieve,
se sentará sobre los claros rizos del hijo.

Pronto me congelaré sin las hojas,
con el tañido de las estrellas llenando los oidos.
Sin mí los jóvenes cantarán,
los viejos no me escucharán..

Un nuevo poeta llegara del campo,
el bosque resonará con un nuevo silbido.
En otoño se desparrama el viento,
En otoño susurran las hojas.

1921

ПЕСНЬ О ХЛЕБЕ

Вот она, суровая жестокость,
Где весь смысл — страдания людей!
Режет серп тяжелые колосья
Как под горло режут лебедей.

Наше поле издавна знакомо
С августовской дрожью поутру.
Перевязана в снопы солома,
Каждый сноп лежит, как желтый труп.

На телегах, как на катафалках,
Их везут в могильный склеп — овин.
Словно дьякон, на кобылу гаркнув,
Чтит возница погребальный чин.

А потом их бережно, без злости,
Головами стелют по земле
И цепами маленькие кости
Выбирают из худых телес.

Никому и в голову не встанет,
Что солома — это тоже плоть!..
Людоедке-мельнице — зубами
В рот суют те кости обмолоть

И, из мелева заквашивая тесто,
Выпекают груды вкусных яств...
Вот тогда-то входит яд белесый
В жбан желудка яйца злобы класть.

Все побои ржи в припек окрасив,
-
Грубость жнущих сжав в духмяный сок,
-
Он вкушающим соломенное мясо
Отравляет жернова кишок.

И свистят, по всей стране, как осень,
Шарлатан, убийца и злодей...'
Оттого что режет серп колосья,
Как под горло режут лебедей.

1921 (ПуP, página 187)

LA CANCIÓN DEL PAN

¡Héla aquí, la severa crueldad,
dónde todo sentido-el sufrimiento de la gente;
La hoz corta las pesadas espigas
como por el cuello degollan a los cisnes

Desde hace poco se conoce nuestro campo
con la lluvia matinal de agosto.
La paja esta atada en gavillas,
cada gavilla yace, como un cuerpo amarillo.

En las telegas, como en los catafalcos,
los transportan a una sepulcral tumba-granero.
Como a un diácono, gritando a una yegua,
el cochero lo considera un rito funerario.

Y después prudentemente, sin malicia,
los extienden con las cabezas por la tierra
y con mayales los huesecillos
los extraen de las enjutas carnes

¡A nadie se le puede meter en la cabeza,
que la paja-es también madera...
Al caníbal-molino-a moler con los dientes
meten en la boca aquellos huesos

Y fermentando la pasta molida
cuecen montones de sabrosos manjares...
Y en algún momento entra un blanquecino veneno
a meter huevos malditos en un bidón del estómago

Todas las golpizas del centeno habiendo coloreado
la cocción,
la brutalidad de los segadores segando
en un oloroso jugo,
él a los que han gustado la carne pajiza
envenena las piedras molares de los intestinos

Y silban por todo el país, como el otoño
charlatán, asesino, malhechor...
La hoz corta las pesadas espigas,
como por el cuello degollan a los cisnes

Мир таинственный, мир мой древний,
Ты, как ветер, затих и присел.
Вот сдавили за шею деревню
Каменные руки шоссе.

Так испуганно в снежную выбель
Заметалась звенящая жуть...
Здравствуй ты, моя чёрная гибель,
Я навстречу к тебе выхожу!

Город, город, ты в схватке жестокой
Окрестил нас как падаль и мразь.
Стынет поле в тоске волоокой,
Телеграфными столбами давясь.

Жилист мускул у дьявольской выи,
И легка ей чугунная гать.
Ну да что же? Ведь нам не впервые
И расшатываться и пропадать.

Пусть для сердца тягучее колко,
Это песня звериных прав!..
...Так охотники травят волка,
Зажимая в тиски облав.

Зверь припал... и из пасмурных недр
Кто-то спустит сейчас курки...
Вдруг прыжок... и двуного недруга
Раздирают на части клыки.

О, привет тебе, зверь мой любимый!
Ты не даром даёшься ножу!
Как и ты, я, отсюда гонимый,
Средь железных врагов прохожу.

Как и ты, я всегда наготове,
И хоть слышу победный рожок,
Но отпробует вражеской крови
Мой последний, смертельный прыжок.

И пускай я на рыхлую выбель
Упаду и зареюсь в снегу...
Всё же песню отмщенья за гибель
Пропоют мне на том берегу.

1921 (ПуP, página 188)

Сторона ль ты моя, сторона!
Дождевое, осеннее олово.
В черной луже продрогший фонарь
Отражает безгубую голову.

Mundo secreto, mi viejo mundo,
tú, como el viento, te calmaste y te arrodillaste.
He aquí que estrangularon por el cuello a la aldea
las pedregosas manos de la carretera.

Así de asustado en la nevada lechada
se cubría el estridente terror...
¡Que tengas buenos días, muerte negra,
yo salgo a tu encuentro!

Ciudad, ciudad, tu te hallas en un duro combate
nos has bautizado como carroña y canalla.
El campo se congela en una añoranza de ojos grandes
y tranquilos ahorcándose con postes telegráficos

El aullido diabólico tiene un músculo fibroso
y para él es ligero un dique de hierro fundido.
¿Sí, pero y qué? Pues para nosotros no es la primera vez
en arruinarse y en desaparecer.

Pues para el corazón es mordazmente más monótono,
¡es la canción de los feroces derechos!....
Así los cazadores acosan al lobo,
acorralándolo con las mordazas de las redadas.

La fiera cayó...y desde las sombrías profundidades
alguien aprieta el gatillo...
De repente un brinco...y a un bípedo enemigo
le desgarran a trozos los colmillos

¡Oh, te saludo, mi fiera querida;
¡tú, no sin razón, te entregas a la navaja;
Yo, como también tú, estoy perseguido por todas partes,
cruzo a través de férreos enemigos.

Como tú, yo estoy siempre preparado,
y aunque escuche una corneta triunfadora,
sin embargo degustará de sangre enemiga
mi último salto mortal

Y aunque yo sobre el mullido encalado
caiga y me entierre en la nieve...
Sin embargo una canción de venganza por la muerte
me cantarán en aquella orilla

¡Mi rincón, sí mi rincón;
Lluvioso, estaño otoñal
En la charca roja un farol aterido de frío
refleja una cabeza sin labios.

Нет, уж лучше мне не смотреть,
Чтобы вдруг не увидеть хужего.
Я на всю эту ржавую мреть
Буду щурить глаза и суживать.

Так немного теплей и безбольней.
Посмотри: меж скелетов домов,
Словно мельник, несет колокольня
Медные мешки колоколов.

Если голоден ты - будешь сытым.
Коль несчастен - то весел и рад.
Только лишь не гляди открыто,
Мой земной неизвестный брат.

Как подумал я - так и сделал,
Но увы! Все одно и то ж!
Видно, слишком привыкло тело
Ощущать эту стужу и дрожь.

Ну, да что же? Ведь много прочих,
Не один я в миру живой!
А фонарь то мигнет, то захохочет
Безгубой своей головой.

Только сердце под ветхой одеждой
Шепчет мне, посетившему твердь:
"Друг мой, друг мой, прозревшие вежды
Закрывает одна лишь смерть".

1921 (PyP, página 190)

No, es mejor que no mire,
para no ver de golpe de lo peor
Yo en todo este herrumbroso refulgir
entornaré los ojos y me encogeré.

Así un poco más cálido y más sano.
Mirad: en medio de los esqueletos de las casas,
como un molinero, un campanario porta
sacos cobrizos de campanas.

Si tú tienes hambre- te saciarás
Si no eres feliz-entonces estarás alegre y contento
tan solo no mires abiertamente,
mi desconocido amigo terrestre.

Como yo lo pensaba-así lo hice,
¡Pero, huy! ¡Daba lo mismo!
Está claro, el cuerpo se había acostumbrado demasiado
a sentir este frío pelado y a este temblor

¿Pero, y qué? Pues son muchos los demás.
¡Yo no soy el único ser viviente de este mundo!
Y el farol, tan pronto centellea, tan pronto carcajea
con su deslabrada cabeza.

Tan solo el corazón bajo un viejo vestido
me susurra, a mí, visitante del universo:
"Amigo mío, amigo mío, tan solo la muerte cierra
los párpados que comienzan a ver con claridad.

1922

Снова пьют здесь, дерутся и плачут...
Под гармоники желтую грусть.
Проклинают свои неудачи,
Вспоминают московскую Русь.

И я сам, опустясь головою,
Заливаю глаза вином,
Чтоб не видеть в лицо роковое,
Чтоб подумать хоть миг об ином.

Aquí de nuevo beben, se pelean y lloran...
Bajo las armónicas una tristeza amarilla.,
maldicen sus fracasos,
recuerdan la Rusia moscovita.

Y yo mismo, con la cabeza agachada
inundo los ojos con vino,
para no mirar lo fatídico de cara
para pensar aunque sea un momento en otra cosa.

Что-то всеми навек утрачено.
 Май мой синий! Июнь голубой!
 Не с того ль так чадит мертвячиной
 Над пропащею этой гульбой.

Ах, сегодня так весело россам,
 Самогонного спирта - река.
 Гармонист с провалившимся носом
 Им про Волгу поет и про Чека.

Что-то злое во взорах безумных,
 Непокорное в громких речах.
 Жалко им тех дурашливых, юных,
 Что сгубили свою жизнь сгоряча.

Где ж вы те, что ушли далече?
 Ярko ль светят вам наши лучи?
 Гармонист спиртом сифилис лечит,
 Что в киргизских степях получил.

Нет! таких не подмять, не рассеять.
 Бесшабашность им гнилью дана.
 Ты, Рассея моя... Рас... сея...
 Азиатская сторона!

1922 (PyP, página 196)

Сыпь, гармоника! Скука... Скука...
 Гармонист пальцы льет волной.
 Пей со мною, паршивая сука.
 Пей со мной.

Излюбили тебя, измызгали,
 Невтерпёж!
 Что ж ты смотришь так синими брызгами?
 Или в морду хошь?

В огород бы тебя, на чучело,
 Пугать ворон.
 До печенок меня замучила
 Со всех сторон.

Сыпь, гармоника! Сыпь, моя частая!
 Пей, выдра! Пей!
 Мне бы лучше вон ту, сисястую,
 Она глупей.

Algo se ha perdido para siempre para todos.
 ¡Mi mayo azul! ¡Junio celeste!
 No es de aquello que despide tanto tufo cadavérico
 sobre esta marcha perdida en el vacío.

Ah, hoy es un día tan alegre para los rusos,
 de alcohol de aguardiente casero es el río..
 El acordeonista con la hundida nariz
 les canta del Volga y del Checa.

Hay algo de malo en las miradas de los locos,
 de indómito en los ruidosos discursos
 Sienten lástima por aquellos atontados, jóvenes,
 que perdieron su vida en un arrebato.

¿Y dónde estais aquellos que partisteis más lejos?
 ¿Os iluminan con claridad nuestros rayos?
 El acordeonista con el alcohol se cura la sífilis,
 que cogió en las estepas de los kirguises

¡No! a aquellos no los aplasteis, no los disperseis,
 Se les ha dado la temeridad con podedumbre
 ¡Tú , Rusia mía... Rus...sia...
 tierra asiática!

¡Canturrea armónica!...aburrimiento ...aburrimiento...
 El armonista como una ola desparrama los dedos.
 Canta conmigo, perra sarnosa,
 canta conmigo.

Fuiste su predilecto, te mancharon,
 ¡Intolerable!
 ¿Qué es lo que pareces con estos centelleos tan azules?
 ¿O prefieres con el ocico?

Te pondría en el huerto, como espantapájaros
 para asustar a los cuervos
 Me atormentó hasta los hígados
 desde todas las partes

¡Canturrea armónica! ¡Canturrea mi compañera !
 ¡Canta nutria! ¡canta!
 Para mí estaría mejor que fuera aquella, pechugona,
 Que es más estúpida.

Я средь женщин тебя не первую,
Немало вас.
Но с такой вот, как ты, со стервою
Лишь в первый раз.

Чем больнее, тем звонче
То здесь, то там.
Я с собой не покончу.
Иди к чертям.

К вашей своре собачей
Пора простыть.
Дорогая... я плачу..
Прости... Прости

1922 (PyP, página 197)

Пой же, пой. На проклятой гитаре
Пальцы пляшут твои вполукруг.
Захлебнуться бы в этом угаре,
Мой последний, единственный друг.

Не гляди на ее запястья
И с плечей ее льющийся шелк.
Я искал в этой женщине счастья,
А нечаянно гибель нашел.

Я не знал, что любовь - зараза,
Я не знал, что любовь - чума.
Подошла и прищуренным глазом
Хулигана свела с ума.

Пой, мой друг. Навевай мне снова
Нашу прежнюю буйную рань.
Пусть целует она другова,
Молодая, красивая дрянь.

Ах, постой. Я ее не ругаю.
Ах, постой. Я ее не кляню.
Дай тебе про себя я сыграю
Под басовую эту струну.

Льется дней моих розовый купол.
В сердце снов золотых сума.
Много девушек я перещупал,
Много женщин в углу прижимал.

Да! есть горькая правда земли,
Подсмотрел я ребяческим оком:

Y entre bastantes de vosotras las mujeres,
tú no eres la primera.
Pero he aquí que con una que sea tan infame como tú
es la primera vez.

Cuanto más enferma, tanto más ruidosa
tanto por aquí, como por allá
yo conmigo no acabaré.
Véte al diablo

A vuestra manada de perros
hay que perdonarla
Querida...yo lloro...
Perdona...Perdona...

Canta sí, canta. Con la maldita guitarra
tus dedos bailan en semicírculo.
Atragantarse en este tufo,
mi último, único amigo.

No miréis sus muñeca
y desde sus hombros su seda que se vierte.
Yo busqué en esta mujer la felicidad,
y sin querer encontré la muerte

Yo no sabía, que el amor es un contagio
Yo no sabía, que el amor es la peste.
Ella se acercó y con el ojo entornado
enloqueció al gamberro.

Canta, amigo mío. Recuérdame otra vez
nuestra violenta madrugada de ayer.
Que ella bese a otro,
joven, hermosa basura.

Oh, espera, yo a ella no la regaño
Oh, espera, yo a ella no la maldigo.
Deja que yo por mis adentros toque
con bajos esta cuerda

De mis días se vierte una cúpula rosada.
En el corazón un saco de sueños dorados.
Yo palpé a muchas mozas
Yo estreche a muchas mujeres en el rincón.

¡Sí! Hay una amarga verdad en la tierra,
Yo la miré con ojos infantiles:

Лижут в очередь кобели
Истекающую суку соком.

Так чего ж мне ее ревновать.
Так чего ж мне болеть такому.
Наша жизнь - простыня да кровать.
Наша жизнь - поцелуй да в омут.

Пой же, пой! В роковом размахе
Этих рук роковая беда.
Только знаешь, пошли их на хер...
Не умру я, мой друг, никогда.

1922 (ПуP, página 199)

Грубым даётся радость,
Нежным дается печаль.
Мне ничего не надо,
Мне никого не жаль.

Жаль мне себя немного,
Жалко бездомных собак,
Эта прямая дорога
Меня привела в кабак.

Что ж вы ругаетесь, дьяволы?
Иль я не сын страны?
Каждый из нас закладывал
За рюмку свои штаны.

Мутно гляжу на окна,
В сердце тоска и зной.
Катится, в солнце измокнув,
Улица передо мной.

На улице мальчик сопливый.
Воздух поджарен и сух.
Мальчик такой счастливый
И ковыряет в носу.

Ковыряй, ковыряй, мой милый,
Суй туда палец весь,
Только вот с эфтой силой
В душу свою не лезь.

Я уж готов... Я робкий...
Глянь на бутылку рать!
Я собираю пробки -
Душу мою затыкать.
1922 (ПуP, página 200)

Los perros de caza lamen ansiosos con saliva
a la perra que expira.

Entonces ¿Porqué debería tener celos de ella?
Entonces ¿Porqué debería sufrir así?
Nuestra vida, es una sábana y una cama.
Nuestra vida, es un beso en un remolino

¡Canta y canta! En la fatal desgracia
la fatídica agitación de estas manos.
¿Sabes qué? ¡que se vayan al diablo..!
Yo no moriré, amigo mío, nunca.

La alegría se dá con rudeza,
La tristeza se da con cariño.
Yo nada necesito
A mi nadie me da pena

Yo tengo un poco de pena de mí,
me dan pena los perros callejeros.
Este camino recto
me llevó hasta la taberna.

¿De qué reñís, demonios?
¿Es que yo no soy hijo de este país?
Cada uno de nosotros metió
en la copa sus pantalones.

Turbiamente miro por la ventana,
En el corazón tristeza y bochorno.
Resbala, empapándose en el sol,
la calle delante de mí.

En la calle un chico mocososo.
Aire frito y seco.
Un chico tan contento
y que se hurga la nariz

Hurga, hurga, querido mío,
mete ahí el dedo entero,
Pero que tan solo con fuerza bruta
no te metas dentro de tu alma

Así pues, yo estoy preparado... estoy temeroso..
¡Milicia, mira la botella!
Yo recojo taponos-
para taponar el alma.

1923

Эта улица мне знакома,
И знаком этот низенький дом.
Проводов голубая солома
Опрокинулась над окном.

Были годы тяжелых бедствий,
Годы буйных, безумных сил.
Вспомнил я деревенское детство,
Вспомнил я деревенскую синь.

Не искал я ни славы, ни покоя,
Я с тщетой этой славы знаком.
А сейчас, как глаза закрою,
Вижу только родительский дом.

Вижу сад в голубых накрапах,
Тихо август прилег ко плетню.
Держат липы в зеленых лапах
Птичий гомон и щебетню.

Я любил этот дом деревянный,
В бревнах теплилась грозная морщь,
Наша печь как-то дико и странно
Завывала в дождливую ночь.

Голос громкий и всхлипень зычный,
Как о ком-то погибшем, живом.
Что он видел, верблюды кирпичный,
В завывании дождевом?

Видно, видел он дальние страны,
Сон другой и цветущей поры,
Золотые пески Афганистана
И стеклянную хмарь Бухары.

Ах, и я эти страны знаю -
Сам немалый прошел там путь.
Только ближе к родимому краю
Мне б хотелось теперь повернуть.

Но угасла та нежная дрема,
Все истлело в дыму голубом.
Мир тебе - полевая солома,
Мир тебе - деревянный дом!

1923 (PyP, página 201)

Esta calle me es conocida,
y me es conocida esta casa bajita.
La paja celeste de los cables
se volcó sobre la ventana

Pasaron años de fuertes desgracias,
años violentos, de fuerzas insensatas.
Yo recordé mi infancia aldeana,
yo recordé el azul de la aldea

Yo no buscaba ni la gloria ni la tranquilidad,
yo conozco a esta vana gloria.
Y ahora en cuanto que cierro los ojos
tan solo veo la casa paterna.

Veo el jardín en manchitas azules,
tranquilamente agosto se recostó en la valla
sostienen los tilos en las verdes espigas
una algarabía y un gorjeo de pájaros

Yo amaba a esta casa de madera,
en los troncos ardía una arruga amenazadora,
nuestra estufa cruel y extrañamente
aullaba en la noche lluviosa

Una voz fuerte y un sollozo retumbante,
como de de alguien vivo, que se muere.
¿Qué es lo que él vió, un camello de ladrillo,
en lluvioso aullido?

Evidentemente, el vió lejanos países,
otro sueño y de un tiempo florido,
arenas doradas de Afganistán
Y cristalina neblina de Bujara.

¡Ah! y yo conozco estos países-
yo mismo allí recorrí un largo camino.
Tan solo más cerca del rincón familiar
yo quisiera ahora volver

Pero se apagó esta cariñosa modorra, todo
todo acabó en humo azul.
¡El mundo para ti es paja campestre,
el mundo es para ti es casa de madera.

Я усталым таким еще не был
 В эту серую морозь и слизь
 Мне приснилось рязанское небо
 И моя непутевая жизнь.

Много женщин меня любило.
 Да и сам я любил не одну.
 Не от этого ль темная сила
 Приучила меня к вину.

Бесконечные пьяные ночи
 И И в разгуле тоска не впервые!
 Не с того ли глаза мне точит
 Словно синие листья червь?

Не больна мне ничья измена,
 И не радуется легкость побед,
 Тех волос золотое сено
 Превращается в серый цвет,

Превращается в пепел и воды,
 Когда цедит осенняя муть.
 Мне не жаль вас, прошедшие годы,
 Ничего не хочу вернуть.

Я устал себя мучить бесцельно.
 И с улыбкою странной лица
 Полюбил я носить в легком теле
 Тихий свет и покой мертвеца.

И теперь даже стало не тяжело
 Ковылять из притона в притон,
 Как в смирительную рубашку
 Мы природу берем в бетон

И во мне, вот по тем же законам,
 Умиряется бешеный пыл.
 Но и все ж отношусь я с поклоном
 К тем полям, что когда-то любил.

В те края, где я рос под кленом,
 Где резвился на желтой траве,—
 Шлю привет воробьям и воронам
 И рыдающей в ночь сове.

Я кричу им в весенние дали:
 «Птицы милые, в синюю дрожь
 Передайте, что я отскандалил,—
 Пусть хоть ветер теперь начинает
 Под микитки дубасить рожь».
1923 (ПуP, página 203)

Yo aún nunca estuve tan cansado
 en esta gris llovizna y mucosidad
 el cielo de Riazán y mi vida disoluta
 me hicieron soñar.

Muchas mujeres me amaron,
 y yo mismo amé a más de una.
 ¿Y no fue por esto que una tenebrosa fuerza
 me inclinó hacia la bebida?.

¡Interminables noches borrachas
 y en la orgía, la angustia no aparece por primera vez!
 ¿Y no es aquello lo que me pica los ojos
 como el gusano a las hojas azules.?

No me enferma la traición de nadie
 y no alegra la facilidad de las victorias
 El dorado heno de estos cabellos
 se transforma un una luz gris

Se transforma en agua y ceniza,
 cuando se filtra la nébula otoñal
 No me dais pena, años pasados
 no quiero que vuelva nada.

Yo estoy cansado de atormentarme sin razón.
 Y con la sonrisa de una cara extraña
 quise traer al ligero cuerpo
 una luz suave y la tranquilidad de un cadáver.

Y ahora incluso no era penoso
 renquear de guarida en guarida,
 como en una camisa de fuerza
 metemos a la naturaleza en hormigón.

Y dentro de mí, resulta que por las mismas normas,
 se muere un frenético fervor.
 Y a pesar de todo me traslado con el saludo
 a aquellos terrenos, que amé alguna vez.

Y en aquel rincón, donde yo crecí bajo los alces,
 donde retozaba en la hierba amarilla,-
 mando saludos a los gorriones y a los cuervos
 y a la lechuza que solloza por la noche.

Yo les grito en las lejanías primaverales:
 “Queridos pájaros, en el azul temblor
 transmitid, que yo escandalizé,-
 a pesar de que ahora el viento comienza
 a aporrear por la cintura al centeno ”

Заметался пожар голубой,
 Позабылись родимые дали.
 В первый раз я запел про любовь,
 В первый раз отрекаюсь скандалить.

Был я весь - как запущенный сад,
 Был на женщин и зелие падкий.
 Разонравилось пить и плясать
 И терять свою жизнь без оглядки.

Мне бы только смотреть на тебя,
 Видеть глаз злато-карий омут,
 И чтоб, прошлое не любя,
 Ты уйти не смогла к другому.

Поступь нежная, легкий стан,
 Если б знала ты сердцем упорным,
 Как умеет любить хулиган,
 Как умеет он быть покорным.

Я б навеки забыл кабаки
 И стихи бы писать забросил.
 Только б тонко касаться руки
 И волос твоих цветом в осень.

Я б навеки пошел за тобой
 Хоть в свои, хоть в чужие дали...
 В первый раз я запел про любовь,
 В первый раз отрекаюсь скандалить.

1923 (ПуP, página 205)

Ты такая ж простая, как все,
 Как сто тысяч других в России.
 Знаешь ты одинокий рассвет,
 Знаешь холод осени синий.

По-смешному я сердцем влип,
 Я по-глупому мысли занял.
 Твой иконный и строгий лик
 По часовням висел в рязанях.

Я на эти иконы плевал,
 Читил я грубость и крик в повесе,
 А теперь вдруг растут слова
 Самых нежных и кротких песен.

Не хочу я лететь в зенит,
 Слишком многое телу надо.

Se agitó el fuego celeste,
 se olvidaron los nativos horizontes
 Por primera vez yo me puse a cantar del amor,
 Por primera vez me niego a escandalizar.

Todo yo era como un jardín abandonado,
 estuve con las mujeres y me aficioné al vodka.
 Ya no me gusta beber y bailar
 y perder mi vida sin mirar atrás.

Para mí solo con mirarte,
 ver la dorada y castaña hondura de los ojos,
 y para que, no deseando el pasado,
 no puedas partir hacia otro

Querida andadura, talle ligero,
 si tú supieras con un corazón obstinado,
 cómo sabe amar un gamberro,
 cómo sabe ser él sumiso

Yo me olvidaría de las tabernas para siempre
 y dejaría de escribir poesías.
 Con tan solo en otoño. con una flor rozar
 suavemente tus manos y tus cabellos.

Y para siempre te seguiría
 hasta las lejanías, sean tuyas, sean ajenas...
 Por primera vez yo me puse a cantar del amor
 Por primera vez me niego a escandalizar.

Tú eres tan sencilla , como todas,
 como otras cien mil en Rusia
 Tú conoces las solitarias albas.
 Tú conoces el frío azul del otoño.

Ridículamente la lié con el corazón
 He estado elucubrando tontamente.
 El severo rostro de tu retrato,
 ha estado colgado en las capillas de Riazán

Yo escupía sobre estas imágenes
 Me sumé a las juergas del griterío y de la grosería,
 Y ahora de repente me salen las letras
 de las canciones más tiernas y sencillas.

No pretendo llagar hasta la cumbre,
 es demasiado para mi cuerpo,

Что ж так имя твое звенит,
Словно августовская прохлада?

Я не нищий, ни жалок, ни мал
И умею расслышать за пылом:
С детства нравиться я понимал
Кобелям да степным кобылам.

Потому и себя не сберег
Для тебя, для нее и для этой.
Невеселого счастья залог -
Сумасшедшее сердце поэта.

Потому и грущу, осев,
Словно в листья, в глаза косые...
Ты такая ж простая, как все,
Как сто тысяч других в России.
1923 (ПуP, página 206)

Вечер черные брови насопил.
Чьи-то кони стоят у двора.
Не вчера ли я молодость пропил?
Разлюбил ли тебя не вчера?

Не храпи, запоздалая тройка!
Наша жизнь пронеслась без следа.
Может, завтра больничная койка
Упокоит меня навсегда.

Может, завтра совсем по-другому
Я уйду, исцеленный навек,
Слушать песни дождей и черемух,
Чем здоровый живет человек.

Позабуду я мрачные силы,
Что терзали меня, губя.
Облик ласковый! Облик милый!
Лишь одну не забуду тебя.

Пусть я буду любить другую,
Но и с нею, с любимой, с другой,
Расскажу про тебя, дорогую,
Что когда-то я звал дорогой.

Расскажу, как текла былая
Наша жизнь, что былой не была...
Голова ль ты моя удалая,
До чего ж ты меня довела?
1923 (ПуP, página 212)

pues tu nombre resuena
como una tormenta de agosto.

Yo no soy ni mezquino, ni miserable, ni insignificante.
Yo soy capaz de oír con claridad y fervorosamente.
Desde niño, yo ya sabía divertir.
a los perros y a las esteparias yeguas.

Por que yo no me reservé,
ni para ti, ni para ella, ni para esta.
la prenda de la triste felicidad,
el loco corazón del poeta.

Por que habiendo plantado un peral,
como en las hojas, en los ojos oblícuos...
tú eres tan sencilla como todas,
como otras cien mil en Rusia.

La tarde puso las cejas negras en salazón.
Los caballos de alguno siguen en el corral
¿Juventud, no me emborraché yo ayer?
¿No dejé yo de amarte ayer?

¡No resoples, tardía troika!
Nuestra vida, pasó como un relámpago sin huellas.
Puede que mañana una cama hospitalaria
me empaquete para siempre.

Puede ser que mañana de una forma totalmente distinta
yo partiré curado para siempre,
a escuchar las canciones de las lluvias y de los cerezos,
con que un hombre saludable.

Olvidaré las sombrías fuerzas,
que destruyendo me atormentaban.
¡Semblante cariñoso! Aspecto agradable!
Tan solo una cosa, a ti no te olvidaré.

Aunque yo amara a otra,
sin embargo con ella, con la querida, con la otra,
yo querida le contaré de tí
que en algún momento “querida” te llamé.

Contaré, como discurrió nuestra pasada vida,
que lo pasado pasó...
¿Tú mi osada cabeza
hasta dónde me llevaste?

1924

Годы молодые с забубенной славой,
Отравил я сам вас горькою отравой.

Años jóvenes con libertina gloria,
Yo mismos os emponzoñé de amargo veneno.

Я не знаю: мой конец близок ли, далек ли,
Были синие глаза, да теперь поблекли.

Yo no sé: si mi final, está próximo o lejano
Hubo ojos azules, y ahora se marchitaron..

Где ты, радость? Темь и жуть, грустно и обидно.
-
В поле, что ли? В кабаке? Ничего не видно.
--

¿Dónde estás alegría? Ofensiva y tristemente,
la oscuridad y el terror
¿Y que hay en el campo? ¿Y en la taberna?
Nada se ve.

Руки вытяну — и вот слушаю на ощупь:
Едем... кони... сани... снег... проезжаем рощу.
-

Extiendo las manos-y a tientas escucho esto:
Vamos, caballos..trineos..nieve... paseamos por--
el bosque..

«Эй, ямщик, неси вовсю! Чай, рожден не слабый.
Душу вытрясти не жаль по таким ухабам».
-

“¡Hey, cochero, conduce rápido!. Sin duda,
has nacido débil.
Sacude el ánimo, no te preocupes de estos
baches”

А ямщик в ответ одно: «По такой метели
Очень страшно, чтоб в пути лошади вспотели».
-

Y el cochero tan solo contestó:”Con esta ventisca
es muy raro que por el camino suden los
caballos”

«Ты, ямщик, я вижу, трус. Это не с руки нам!»
-
Взял я кнут и ну стегать по лошажьим спинам.

“Tú, cochero, yo veo, yo noto, sacudidas. -----
Esto no está en nuestras manos. ”
Yo tomé el látigo y ¡venga! a azotar el espinazo
de los caballos.

Бью, а кони, как метель, снег разносят в хлопья.
Вдруг толчок... и из саней прямо на сугроб я.

Golpeo, y los caballos, como la ventisca, lanzan
la nieve a copos.
De golpe un traqueteo.. y yo desde el trineo
directamente a un montón de nieve

Встал и вижу: что за черт- вместо бойкой тройки,
Забинтованный лежу на больничной койке

Me levanté y veo: ¡Y qué diablos!-en lugar de
en una troika animada,
yazgo atornillado a una cama hospitalaria.

И вместо лошадей по дороге тряской
-
Бью я жесткую кровать мокрою повязкой.

Y en vez de los caballos por el accidentado
camino
golpeo la dura cama con una venda mojada

На лице часов в усы закрутились стрелки
-
Наклонились надо мной сонные сиделки
-

Bajo la esfera del reloj, las manecillas se
convirtieron en bigotes.
Se amontonaban sobre mí somnolientas
enfermeras

Наклонились и храпят «Эх ты: златоглавый,
-
Отравил ты сам себя горькою отравой,
-

Se amontonaban y resoplaban:” ¡Eh, tú!: de
cabeza dorada,
tú mismo te envenenaste con una amarga
pócima.

Мы не знаем, твой конец близок ли, далек ли,—
-
Синие твои глаза в кабаках промокли».

Nosotras no sabemos si tu final esta próximo o
lejano
Tus ojos azules se calaron en las tabernas

1924 (ПуP, página 213)

Письмо к матери

Carta a la madre

Ты жива еще, моя старушка?
Жив и я. Привет тебе, привет!
Пусть струится над твоей избушкой
Тот вечерний несказанный свет.

¿Vives todavía, mi viejita?
¡Hola! ¡Yo también estoy vivo!
Que fluya sobre tu isbá
aquella inefable luz de la tarde.

Пишут мне, что ты, тая тревогу,
Загрустила шибко обо мне,
Что ты часто ходишь на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.

Me escriben que tú, ocultando la angustia,
te entristeciste mucho de mí.
Que tú vas muchas veces por el camino
con una chaqueta vieja y anticuada.

И тебе в вечернем синем мраке
Часто видится одно и то ж:
Будто кто-то мне в кабацкой драке
Саданул под сердце финский нож.

Y que en la oscuridad de la tarde repetidamente
se te aparece la misma escena:
como si alguien en una pelea tabernaria
me clavara en el corazón una navaja fina.

Ничего, родная! Успокойся.
Это только тягостная бредь.
Не такой уж горький я пропойца,
Чтоб, тебя не видя, умереть.

¡De esto nada, querida! Tranquilízate.
Esto son tan solo penosos delirios.
Yo no soy un borracho tan empedernido, como para
que muera no habiéndote visto.

Я по-прежнему такой же нежный
И мечтаю только лишь о том,
Чтоб скорее от тоски мятежной
Воротиться в низенький наш дом.

Yo continuo siendo tan cariñoso como antes
y tan solo sueño
por una impetuosa añoranza
en volver cuanto antes a nuestra casita.

Я вернусь, когда раскинет ветви
По-весеннему наш белый сад.
Только ты меня уж на рассвете
Не буди, как восемь лет назад.

Yo volveré, cuando desparrame las hojas
en primavera nuestro blanco jardín.
Pero tú al amanecer no me despiertes tal
como hace ocho años.

Не буди того, что отмечалось,
Не волнуй того, что не сбылось, -
Слишком раннюю утрату и усталость
Испытать мне в жизни привелось.

No despiertes lo que ya fue soñado
no agites lo que no ocurrió
Demasiadas fatigas y pérdidas tempranas
tuve que soportar en la vida,

И молиться не учи меня. Не надо!
К старому возврата больше нет.
Ты одна мне помощь и отрада,
Ты одна мне несказанный свет.

Y no me enseñes a rezar. ¡No hace falta!
No has de volver más al pasado
Tú eres mi única ayuda y compañera.
Tú eres mi única inefable luz.

Так забудь же про свою тревогу,
Не грусти так шибко обо мне.
Не ходи так часто на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.

Así pues, olvídate de tu angustia
No te aflijas tanto por mí.
No vayas tanto por el camino
con una chaqueta tan vieja y anticuada.

1924 (ПуP, página 215)

ПУШКИНУ

A PUSHKIN

Мечтая о могучем даре
Того, кто русской стал судьбой,
Стою я на Тверском бульваре,
Стою и говорю с собой.

Pensando en un potente regalo
de aquel, quien llegó a constituir el propio destino de Rusia,
me pongo de pie en el bulevar de Tviorsk
me pongo de pie y hablo conmigo mismo.

Блондинистый, почти белесый,
В легендах ставший как туман,
О Александр! Ты был повеса,
Как я сегодня хулиган.,

Rubio, casi blanquecino,
apareciendo como la niebla en las leyendas
¡Oh, Alejandro! Tú fuiste un señorito calavera,
al igual que yo hoy soy un gamberro

Но эти милые забавы
Не затемнили образ твой,
И в бронзе выкованной славы
Трясешь ты гордой головой.

Pero estos entrañables pasatiempos
no oscurecieron tu obra,,
y en el bronce de tu fraguada gloria
tú sacudes con tu arrogante cabeza

А я стою, как пред причастьем,
И говорю в ответ тебе:
Я умер бы сейчас от счастья,
Сподобленный такой судьбе.

Y yo permanezco, como ante la comunión,
y contestándote te digo:
yo ahora moriría del placer,
que merece este destino

Но, обреченный на гоненье,
Еще я долго буду петь...
Чтоб и мое степное пенье
Сумело бронзой прозвенеть.

Pero, condenado a la persecución,
aún por mucho tiempo cantaré...
para que también mi esteparia canción
supiera como el bronce resonar.

1924 (ПуP, página 217)

Издатель славный! В этой книге
Я новым чувствам предаюсь,
Учусь постигнуть в каждом миге
Коммуной вздыбленную Русь.

¡Famoso editor! En este libro
me entregaré a nuevos gustos,
aprenderé a comprender en cada instante
como Comuna a la encabritada Rus.

Пускай о многом неумело
Шептал бумаге карандаш,
Душа спросонок хрипло пела,
Не понимая праздник наш.

Aunque sobre muchas cosas
le susurró chapucemente el lápiz al papel,
el alma entre sueños cantó roncamente
sin comprender nuestra fiesta.

Но ты видением поэта
Прочтешь не в буквах, а в другом,
Что в той стране, где власть Советов,
Не пишут старым языком.

И, разбирая опыт смелый,
Меня насмешке не предашь,-
Лишь потому так неумело
Шептал бумаге карандаш.
1924 (ПуР, página 218)

Возвращение на Родину

Я посетил родимые места,
Ту сельщину,
Где жил мальчишкой,
Где каланчой с березовой вышкой

Взметнулась олоколья без креста

Как много изменилось там,
В их бедном, неприглядном быте.
Какое множество открытий
За мною следовало по пятам.

Отцовский дом
Не мог я распознать:
Приметный клен уж под окном не машет,
v
И на крылечке не сидит уж мать,
Кормя цыплят крупитчатой кашей.

Стара, должно быть, стала...
Да, стара.
Я с грустью озираюсь на окрестность:
Какая незнакомая мне местность!
Одна, как прежняя, белеется гора,
Да у горы
Высокий серый камень.

Здесь кладбище!
Подгнившие кресты,
Как будто в рукопашной мертвецы,
Застыли с распростертыми руками.

По По Потропке, опершись на подожок,
Идет старик, сметая пыль с бурьяна.

"Прохожий!

Pero tú con la visión de un poeta
habrás leído, no en letras sino de otra forma
que en aquel país, en el Poder de los Soviets,
no escriben en una antigua lengua

Y, analizando una audaz experiencia
no me someterás a la burla .-
tan solo porque tan inhábilmente
le susurró el lápiz al papel

La vuelta a casa

Yo visité mis tierras natales,
aquella aldea,
donde viví de pequeño,
en donde en un parque de bomberos
con una torre de abedul
se levantaba un campanario sin su cruz

Cuánto ha cambiado, todo aquello,
Su pobre y mísera existencia.
Cuántas sorpresas
se me presentaban de golpe.

La casa paterna,
no podía reconocerla:
Aquel arce de bienvenida que había bajo la
ventana, ya no se agita
y mi madre. ya no se sienta en el zaguán
para dar de comer la papilla a los polluelos

Era vieja, debía serlo, lo era...
Sí, vieja.
Yo miro con tristeza a todos lados.
¡Cómo desconozco este lugar!
Tan solo, aún blanquea la montaña.
Sí, en la motaña,
hay una gran roca gris.

¡Y aquí está el cementerio!
Las cruces podridas,
como si en el combate final, los muertos
se hubieran congelado con las manos
abiertas

Por el sendero, apoyándose en un bastoncito
camina un vejete, quitando el polvo a las
plantas.

"¡Caminante!"

Укажи, дружок,
Где тут живет Есенина Татьяна?"

"Татьяна... Гм...
Да вон за той избой.
А ты ей что?
Сродни?
Аль, может, сын пропащий?"

"Да, сын.
Но что, старик, с тобой?
Скажи мне,
Отчего ты так глядишь скорбяще?"

"Добро, мой внук,
Добро, что не узнал ты деда!..
"Ах, дедушка, ужели это ты?"
И полилась печальная беседа
Слезами теплыми на пыльные цветы.

.....
"Тебе, пожалуй, скоро будет тридцать...
А мне уж девяносто...
Скоро в гроб.
Давно пора бы было воротиться".
Он говорит, а сам все морщит лоб.
"Да!.. Время!..
Ты не коммунист?"
"Нет!.."
"А сестры стали комсомолки.
Такая гадость! Просто удавись!
Вчера иконы выбросили с полки,
На церкви комиссар снял крест.
Теперь и богу негде помолиться.
Уж я хожу украдкой нынче в лес,
Молюсь осинам...
Может, пригодится..."

Пойдем домой -
Ты все увидишь сам".
И мы идем, топчя межой кукольной.
Я улыбаюсь пашням и лесам,
А дед с тоской глядит на колокольню.

.....
"Здорово, мать! Здорово!" -
И я опять тяну к глазам платок.
Тут разрыдаться может и корова
Глядя на этот бедный уголок.

На стенке календарный Ленин.
Здесь жизнь сестер,

Dígame, amigo,
¿Dónde vive Essenina Tatiana?"

"Tatiana... Hum...
Sí, allí, tras esta isba.
¿Y tú, qué eres de ella?
¿Eres pariente?
¡Ah!, ¿Tú puedes ser el hijo desaparecido?"

"Sí, el hijo.
¿Y tú viejo, quién eres?
¡Díme!
¿Porqué me miras con tanta tristeza?"

"¡Bien, nieto mío,
Pero bueno, no has reconocido a tu abuelo!"
"¡Ay, abuelo! ¿pero realmente eres tú?"
Y regaron en emocionada conversación,
con calientes lágrimas, las flores polvorientas.

.....
"Tú, quizás, pronto cumplirás los treinta...
Y yo ya he cumplido los noventa...
Pronto estaré en la tumba.
Ya pasaron los tiempos de lucha"
Hablaban con el ceño fruncido
"¡Sí... los tiempos!..
¿Tú no serás comunista?"
"¡No!"
"¡Y las hermanas, se hicieron komsomoles!
¡Qué asco! ¡Es como para estrangularse!
Ayer tiraron las imágenes de las peanas,
y un comisario quitó la cruz de la iglesia.
Hoy ya no se reza a Dios en ninguna parte.
Y ahora voy de hurtadillas por el bosque,
rezándoles a los álamos...
Acaso tengamos que....

Vayámonos a casa-
Tú mismo lo verás todo"
Y nos vamos pisoteando entre muñecas.
Los bosques y los campos me hacen sonreír
Mientras que el abuelo mira con tristeza el
campanario

.....
"¡Hola madre! ¡Hola!"-
Y de nuevo me seco los ojos con el pañuelo
Aquí hasta la vaca puede irrumpir en llantos,,
mirando a este pobre rincón.

En la pared, Lenin en un calendario.
Ésta es la vida de la hermana,

Сестер, а не моя, -
 Но все ж готов упасть я на колени,
 Увидев вас, любимые края.

Пришли соседи...
 Женщина с ребенком.
 Уже никто меня не узнает.
 По-байроновски наша собачонка
 Меня встречала с лаем у ворот.

Ах, милый край!
 Не тот ты стал,
 Не тот.
 Да уж и я, конечно, стал не прежний.

Чем мать и дед грустней и безнадежней,
 Тем веселей сестры смеется рот.

Конечно, мне и Ленин не икона,
 Я знаю мир...
 Люблю мою семью...
 Но отчего-то все-таки с поклоном
 Сажусь на деревянную скамью.

"Ну, говори, сестра!"

И вот сестра разводит,
 Раскрыв, как Библию, пузатый "Капитал",
 О Марксе,
 Энгельсе...
 Ни при какой погоде
 Я этих книг, конечно, не читал.

И мне смешно,
 Как шустрая девчонка
 Меня во всем за шиворот берёт...

 По-байроновски наша собачонка
 Меня встречала с лаем у ворот

Junio de 1924 (PyP, página 219)

La de la hermana, no la de la mía,-
 Pero a pesar de todo, estoy dispuesto a ponerme
 de rodillas,
 después de veros, mis queridos lugares

Y llegaron los vecinos....
 Una mujer con un niño.
 Ya nadie me reconoce.
 Nuestra perra, a la bayroniana
 me recibía con un ladrido.

¡Ay, mi querido rincón!
 Ya no eres lo que eras,
 no lo eres.
 Y yo también, por supuesto, no soy
 el de antes
 Cuánto más tristes y desesperados están
 la madre y el abuelo,
 con más alegría se ríe la boca de la hermana

Por supuesto, para mí, Lenin no es un icono,
 Yo conozco el mundo...
 Yo quiero a mi familia...
 Pero a pesar de todo, por algo, con respeto,
 me siento en el banco de madera.

"¡Pero, cuéntame, hermana!"

Y he aquí, que la hermana trae
 abriendolo, como una Biblia, el grueso
 "Capital", sobre Marx,
 Engels....
 Y ni en ninguna circunstancia,
 yo, por supuesto, no leí estos libros.

Y me hace gracia,
 cómo la vivaracha muchachita
 me coge totalmente por el cuello.

 Nuestro perro, a la bayroniana
 me recibe en la puerta con un ladrillo

Русь советская

La Rus soviética

А. Сахарову

A A.Sajarov

Тот ураган прошел. Нас мало уцелело.
 На переключке дружбы многих нет.
 Я вновь вернулся в край осиротелый,
 В котором не был восемь лет.

Pasó aquel huracán. Poco nos quedó sano y salvo.
 Muchos no responden al reclamo de la amistad
 Yo de nuevo volví huérfano a mi rincón
 en el cual no había estado desde hacía ocho años

Кого позвать мне? С кем мне поделиться

¿Quién me iba a reclamar? ¿Con quién podría
 compartir

-
 Той грустной радостью, что я остался жив? ,

con aquella triste alegría, que aun estaba vivo?

Здесь даже мельница-бревенчатая птица

Aquí incluso un molino-un pájaro en los troncos

С крылом единственным-стоит, глаза смежив.

con una sola ala-que permanece, cerrando los ojos.

Я никому здесь не знаком,

Aquí nadie me conoce,

А те, что помнили, давно забыли.

y aquellos que me recordaban hace tiempo que me
 olvidaron.

-

И там, где был когда-то отчий дом,

Y allí, donde alguna vez estuvo mi casa paterna.

Теперь лежит зола да слой дорожной пыли.

Ahora, se extiende la ceniza y la capa polvorienta de
 un camino.

-

А жизнь кипит.

Y hierve la vida.

Вокруг меня снуют

rondan a mi alrededor

И старые и молодые лица.

caras viejas y caras juveniles.

Но некому мне шляпой поклониться,

Pero no tengo a nadie a quien saludar con el
 sombrero,

-

Ни в чьих глазах не нахожу приют.

Ni en en los ojos de nadie encuentro refugio.

И в голове моей проходят роем думы:

Y a mi cabeza afluye un enjambre de pensamientos:

Что родина?

¿Qué es la patria?

Ужели это сны?

¿Es posible que todo esto sean sueños?

Ведь я почти для всех здесь пилигрим угрюмый

Pues yo soy para casi todos ellos un peregrino
 taciturno,

-

Бог весть с какой далекой стороны.

Dios sabe desde qué alejado lugar.

И это я!

¡Y éste soy yo!

Я, гражданин села,

yo, ciudadano de la aldea.

Которое лишь тем и будет знаменито,

El cual solo será conocido como aquel

Что здесь когда-то баба родила

escandalizador poeta ruso al que aquí

Российского скандального пиита

alguna vez una baba (mujer) parió.

Но голос мысли сердцу говорит:

Pero la voz del pensamiento le dice al corazón:

"Опомнись! Чем же ты обижен?"

“¡Vuelve en ti! ¿Con qué estas ofendido?"

Ведь это только новый свет горит

pues esto tan solo lo ilumina una nueva luz

Другого поколения у хижин.

en las chozas de otra generación

Уже ты стал немного отцветать,

Tú ya te has empezado a marchitar un poco,

Другие юноши поют другие песни.

otros jóvenes cantan otras canciones.

Они, пожалуй, будут интересней -
Уж не село, а вся земля им мать".

Ах, родина! Какой я стал смешной.
На щеки впалые летит сухой румянец.
Язык сограждан стал мне как чужой,
-
В своей стране я словно иностранец.

Вот вижу я:
Воскресные сельчане
У волости, как в церковь, собрались.
Корявыми, невымытыми речами
Они свою обживают "жись".

Уж вечер. Жидкой позолотой
Закат обрызгал серые поля.
И ноги босые, как телки под ворота,
Уткнули по канавам тополя.
-

Хромой красноармеец с ликом сонным,
В воспоминаниях морщина лоб,
Рассказывает важно о Буденном,
О том, как красные отбили Перекоп.

"Уж мы его - и этак и раз-этак,-
Буржуя этого... которого... в Крыму..."
И клены морщатся ушами длинных веток,
И бабы охают в немую полутьму.

С горы идет крестьянский комсомол,
И под гармонику, наяривая рьяно,
Поют агитки Бедного Демьяна,
Веселым криком оглашая дол.

Вот так страна!
Какого ж я рожна
Орал в стихах, что я с народом дружен?
Моя поэзия здесь больше не нужна,
Да и, пожалуй, сам я тоже здесь не нужен.

Ну что ж!
Прости, родной приют.
Чем сослужил тебе, и тем уж я доволен
-
Пускай меня сегодня не поют -
Я пел тогда, когда был край мой болен.

que quizás serán más interesantes-
su madre ya no es la aldea sino toda la tierra.

¡Ay, patria! En que ridículo me convertí.
por las hundidas mejillas vuela un seco rubor,
el habla de los ciudadanos se me apareció como
ajena
Y en mi propio país yo era como un extranjero.

He aquí que yo veo:
aldeanos dominicales que se reunieron
tanto en el volost (distrito zarista) como en la iglesia..
Con ásperos y sucios discursos,
ellos discutían sobre su "vida"

Ya llegó la tarde. Un ocaso acuoso y dorado
rociaba los grises campos.
Y los abedules, hundieron en la zanjas
los pies descalzos, como las terneras bajo los
portones.

Un paticojo soldado rojo con semblante amodorrado,
frunciendo la frente con los recuerdos
cuenta majestuosamente sobre Boden,
sobre cómo los rojos tomaron Perekop

"Entonces la hemos- y que si patatin, que si patatan-
que el burgués.. del cuál... en Crimea"
y los arces fruncen largas ramas con las orejas
y las babas gimen en una silenciosa penumbra.

Desde las montañas deciendo un campesino consomol
y con la armónica, tocando apasionadamente,
cantan los agitadores de Biedni Diemian
con un alegre clamor inundando el valle.

¡Así es el país!
¿Así pues de qué palo soy yo
gritaba en los versos, que yo soy amigo de la gente?
Mi poesía ya no es necesaria aquí,
sí, y, quizás, yo mismo tampoco soy aquí necesario.

¡Pero, entonces qué!
Perdona, refugio paternal.
con lo que te he podido servir, y con lo que yo estoy
contento.
Aunque hoy no me canten-
yo canté entonces, cuando enfermó mi rincón..

Приемлю все.
 Как есть все принимаю.
 Готов идти по выбитым следам.
 Отдам всю душу октябрю и маю,
 Но только лиры милой не отдам.

Я не отдам ее в чужие руки,
 Ни матери, ни другу, ни жене.
 Лишь только мне она свои вверяла звуки
 И песни нежные лишь только пела мне.
 a mí.

Цветите, юные! И здоровейте телом!
 У вас иная жизнь, у вас другой напев.
 А я пойду один к неведомым пределам,
 Душой бунтующей навеки присмирив.

Но и тогда,
 Когда во всей планете
 Пройдет вражда племен,
 Исчезнет ложь и грусть,-

Я буду воспевать
 Всем существом в поэте
 Шестую часть земли
 С названьем кратким "Русь".

1924 (ПуP, página 223)

НИЗКИЙ ДОМ С ГОЛУБЫМИ СТАВНЯМИ... LA CASITA CON POSTIGOS AZULES...

Низкий дом с голубыми ставнями,
 Не забыть мне тебя никогда,-
 Слишком были такими недавними
 Отзвучавшие в сумрак года.

До сегодня еще мне снится
 Наше поле, луга и лес,
 Принакрытые сереньким ситцем
 Этих северных бедных небес.

Восхищаться уж я не умею
 И пропасть не хотел бы в глуши,
 Но, наверно, навеки имею
 Нежность грустную русской души.

Полюбил я седых журавлей
 С их курлыканьем в тощие дали,
 Потому что в просторах полей
 Они сытных хлебов не видали.

Todo lo acepto
 Lo entiendo tal como es.
 Estoy dispuesto a ir por huellas ya pisadas.
 Entregaré toda el alma al mayo y al octubre,
 Pero tan solo mi querida lira no la entregaré

No la pondré en manos ajenas,
 ni a la madre, ni al amigo, ni a la mujer
 Tan solo ella me confiaba sus sonos
 y las cariñosas canciones ella tan solo me las cantaba

¡Jóvenes, floreced! ¡Y fortaleced el cuerpo!
 Vosotros tenéis otra vida, y tenéis otro canturreo.
 Y yo me iré solo a confines desconocidos,
 con el alma rebelde apaciguándose por siempre

Pero y entonces,
 cuando en todo el planeta
 pasará la hostilidad entre las tribus ,
 desaparecerán la angustia y la mentira.

Yo cantaré
 con toda la esencia que hay en el poeta
 a la sexta parte del mundo
 con la denominación abreviada de "Rus"

Casita con postigos azules
 nunca me olvidaré de ti,-
 los años que enmudecieron en la oscuridad
 me eran tan recientes.

Hasta hoy aún me ensueñan
 nuestros campos, valles y bosques
 medio cubiertos por el percal grisáceo
 de estos pobres cielos nortehos

Aún no he conseguido maravillarme
 y no quisiera perderme en la espesura,
 pero, realmente tengo para siempre
 la ternura de la afigida alma rusa.

Me enamoré de las canosas grullas
 con sus gruñidos en las áridas lejanías
 por que en los vastos espacios de los campos
 no veían succulentos trigales.

Только видели березь да цветь,
Да ракитник, кривой и безлистый,
Да разбойные слышали свисты,
От которых легко умереть.

Как бы я и хотел не любить,
Все равно не могу научиться,
И под этим дешевеньким ситцем
Ты мила мне, родимая выть.

Потому так и днями недавними
Уж не юные веют года...
Низкий дом с голубыми ставнями,
Не забыть мне тебя никогда.

1924 (ПуP, página 227)

Сукин сын

Снова выплыли годы из мрака
И шумят, как ромашковый луг.
Мне припомнилась нынче собака,
Что была моей юности друг.

Нынче юность моя отшумела,
Как подгнивший под окнами клен,
Но припомнил я девушку в белом,
Для которой был пес почтальон.

Не у всякого есть свой близкий,
Но она мне как песня была,
Потому что мои записки
Из ошейника пса не брала.

Никогда она их не читала,
И мой почерк ей был незнаком,
Но о чем-то подолгу мечтала
У калины за желтым прудом.

Я страдал... Я хотел ответа...
Не дождался... уехал... И вот
Через годы... известным поэтом
Снова здесь, у родимых ворот.

Та собака давно околела,
Но в ту ж масть, что с отливом в синь,
С лаем ливисто ошалелым
Меня встрел молодой ее сын.

Tan solo veían abedules y flores,
y una salcera, torcida y sin hojas
y escucharon corsarios silbidos
de los cuales es fácil morir.

Cómo yo quisiera no amar,
nunca lo consigo
y bajo este percal barato
te quiero, aullido de mi país.

Porque estos años tan recientes
ya no son años de juventud
Casita con postigos azules
yo nunca te olvidaré

Hijo de perra

De nuevo los años emergieron de la oscuridad
y resuenan susurran, como un prado de camomila.,
En este momento me acordaba de un perro
que era mi amigo de juventud.

Ahora mi juventud se ha aplacado,
como un arce que se ha podrido bajo las ventanas,
pero yo recuerdo a una señora de blanco
para la cual fui un perro, un perro cartero.

No todo el mundo tiene su íntimo acompañante,
pero ella era para mí como una canción,
porque mis notas
no las tomaba del collar de la perra

A veces ella no los leía,
y mi letra no le era conocida,
pero durante un buen rato sobre algo soñaba
en los sauquillos tras el estanque amarillo

Yo sufría... Yo quería una respuesta...
no esperaba... me iba,, Y he aquí que
a través de los años... como poeta famoso
de nuevo estoy aquí, junto a las puertas natales.

Aquella perra la palmó hace tiempo,
pero con el mismo pelaje, con el mismo viso azulado,
con el ladrido chiflado
me encontré con su joven hijo

Мать честная! И как же схожи!
Снова выплыла боль души.
С этой болью я будто моложе,
И хоть снова записки пиши.

¡Bendita madre! ¡Y como se parece!
De nuevo emergió el dolor en el alma.
Con este dolor yo me siento como si fuera más joven
así que de nuevo a escribir borradores.

Рад послушать я песню былую,
Но не лай ты! Не лай! Не лай!
Хочешь, пес, я тебя поцелую
За пробуженный в сердце май?

Estoy contento de escuchar la antigua canción.
¡Pero no ladres, tú!, ¡No ladres! ¡No ladres!
¿Si quieres perra, yo te besaré
tras el despertar de mayo en el corazón?

Поцелую, прижмусь к тебе телом
И, как друга, введу тебя в дом...
Да, мне нравилась девушка в белом,
Но теперь я люблю в голубом.

Te besaré, contra ti me apretare con el cuerpo
y como amiga te llevaré a la casa...
Sí, me gustaba la señora de blanco.
pero ahora yo la amo de azul.

1924 (PyP, página 228)

Отговорила роща золотая
Березовым, веселым языком,
И журавли, печально пролетая,
Уж не жалеют больше ни о ком.

El bosque dorado ha dejado de susurrar
con la alegre lengua del abedul,
y las grullas, tristemente revolteando
ya no se lamentan, no se lamentan de nada más

Кого жалеть? Ведь каждый в мире странник -
Пройдет, зайдет и вновь покинет дом.
О всех ушедших грезит конопляник
С широким месяцем над голубым прудом.

¿A quién compadecer? Pues en el mundo cada uno es
un peregrino- pasa, entra y de nuevo abandona la casa.
El cañamar sueña sobre todos los que parten
con una ancha luna sobre el estanque azul

Стою один среди равнины голой,
А журавлей относит ветром в даль,
Я полон дум о юности веселой,
-
Но ничего в прошедшем мне не жаль.

Me quedo desnudo solo entre las llanuras
y con el viento que transporta lejos a las grullas
Yo estoy lleno de pensamientos sobre la alegre
juventud,
pero no me entristezco de nada de lo pasado

Не жаль мне лет, растраченных напрасно,
-
Не жаль души сиреневую цветь.
В саду горит костер рябины красной,
Но никого не может он согреть.

No me apeno de los años, desaprovechados
inútilmente
Ni me da pena la eflorescencia lila del alma.
En el prado arde una hoguera de rojo serbal,
pero que no puede calentar a nadie

Не обгорят рябиновые кисти,
От желтизны не пропадет трава,
Как дерево роняет тихо листья,
-
Так я роняю грустные слова

No se queman los racimos de serbal
desde la amarillez no cae la hierba,
De la misma manera que el árbol deja caer
suavemente las hojas,
así yo dejo caer tristes palabras.

И если время, ветром разметая,
Сгребет их все в один ненужный ком...
Скажите так... что роща золотая
Отговорила милым языком.

Y si el tiempo barriendo con el viento,
los amontona en una inútil bola...
Decid así...que el dorado bosque
dejó de susurrar con cariñosa lengua

1924 (PyP, página 230)

На кавказе

Издревле русский наш Парнас
Тянуло к незнакомым странам,
И больше всех лишь ты, Кавказ,
Звенел загадочным туманом.

Здесь Пушкин в чувственном огне
Слагал душой своей опальной:
«Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной».

И Лермонтов, тоску лечя,
Нам рассказал про Азамата,
Как он за лошадь Казбича
Давал сестру вместо злата.

За грусть и жёлчь в своем лице
Кипенья желтых рек достоин,
Он, как поэт и офицер,
Был пулей друга успокоен.

И Грибоедов здесь зарыт,
Как наша дань персидской хмари,
В подножии большой горы
Он спит под плач зурны и тари.

А ныне я в твою безглядь
Пришел, не ведая причины:
Родной ли прах здесь обрыдать
Иль подсмотреть свой час кончины!

Мне все равно! Я полон дум
О них, ушедших и великих.
Их исцелял гортанный шум
Твоих долин и речек диких.

Они бежали от врагов
И от друзей сюда бежали,
Чтоб только слышать звон шагов
Да видеть с гор глухие дали.

En el Cáucaso

Desde hace un tiempo inmemorial nuestro Parnaso
se expandía hacia países ignotos
y por encima de todos ellos, solo tú, el Cáucaso,
retumbabas como una niebla imprevisible misteriosa.

Aquí Pushkin en un fuego sensual
compuso con su infortunada alma
“No cantes tú, guapa, junto a mí
canciones de la triste Georgia.

Y Lermontov, curando su pena,
nos contó sobre Ajmata,
cómo él por el caballo Kazbicha
le dio en su lugar oro a su hermana

Por la tristeza y la hiel en su cara
fue merecedor de la espuma de los ríos amarillos
él como poeta y oficial,
no se asustó con las balas de un amigo

Y Griboiedov aquí encerrado,
como nuestro tributo de la neblina persa,
al pie de una alta montaña
él duerme bajo el llanto de la surna y de la caja

Y yo ahora a tus montículos
llegué, sin adivinar las causas :
deplorar aquí)los restos familiares
u observar casualmente la hora de su muerte

¡A mí me da lo mismo! Yo estoy cautivo de pensamientos
sobre ellos, los grandes y los que se van.
A ellos los curó el gutural sonido
de tus valles y de tus salvajes riachuelos..

Ellos huían de los enemigos
y de los amigos huyeron hacia aquí,
para tan solo oír el sonido de los pasos
y ver desde las montañas las profundas lejanías.

И я от тех же зол и бед
 Бежал, навек простясь с богемой,
 Зане созрел во мне поэт
 С большой эпической темой.

Y yo huí de las mismas cenizas y desdichas,
 despidiéndome para siempre de la vida bohemia,
 así que maduró en mí el poeta
 con un gran tema épico.

Мне мил стихов российский жар.
 Есть Маяковский, есть и кроме,
 Но он, их главный штабс-маляр,
 Поет о пробках в Моссельпроме.

Es para mí querido el calor ruso de las poesías
 está Mayakovski, están otros,
 pero él es su principal pintor de brocha gorda
 canta sobre los tapones en Mosellprom

И Клюев, ладожский дьячок,
 Его стихи как телогрейка,
 Но я их вслух вчера прочел —
 И в клетке сдохла канарейка.

Y Kliuiev el sacristán del Ladoga,
 sus poesías son como un chaquetón guanteado,
 pero yo las leí en voz alta-
 y en la jaula se murió el canario,

Других уж нечего считать,
 Они под хладным солнцем зреют.
 Бумаги даже замарать
 И то, как надо, не умеют.

Así pues de otros no hay nada que contar,
 ellos maduran bajo el frío sol,
 incluso emborronar papeles
 y lo que hace falta no lo saben hacer.

Прости, Кавказ, что я о них
 Тебе промолвил ненароком,
 Ты научи мой русских стих
 Кизиловым струиться соком

Perdona, Cáucaso, que acerca de ellos
 te hablé sin querer ,
 tú enseña a chorrear con zumo de Kisilov
 lo mio de las poesías rusas.

Чтоб, воротясь опять в Москву,
 Я мог прекраснейшей поэмой
 Забыть ненужную тоску
 И не дружить вовек с богемой.

Para que volviéndome de nuevo a Moscú
 yo pudiera con el más bello poema
 olvidar la inútil tarea
 y no compadrear para siempre con la vida bohemia.

И чтоб одно в моей стране
 Я мог твердить в свой час прощальный:
 «Не пой, красавица, при мне
 Ты песен Грузии печальной

Y para que solo en mi país
 yo pudiera repetir a la hora de mi despedida:
 “ No cantes tú, guapa, junto a mí
 la triste canción de Georgia”

Septiembre de 1924 Tiflis (PyP, página 231)

БАЛЛАДА О ДВАДЦАТИ ШЕСТИ**BALADA DE LOS VEINTISÉIS**

С любовью... прекрасному
художнику Г. Якулову

Con todo el amor...al magnífico
artista G. Yakulov

Пой песню, поэт
Пой.
Ситец неба такой
Голубой.

Poeta, canta la canción
canta.
El percal del cielo
tan azul.

Море тоже рокошет
Песнь.

El mar también brama
una canción.

Их было
26.

Ellos eran
26.

26 их было,
26.

26 eran ellos,
26.

Их могилы пескам
Не занести.

No meter sus tumbas
en los arenales.

Не забудет никто
Их расстрел

Nadie se olvidará de
su fusilamiento

На 207-ой
Версте.

en la versta
207.

Там за морем гуляет
Туман

Allá a lo lejos en el mar pasea
la niebla

Видишь, встал из песка
Шаумян.

Ves, de las arenas se levantó
Shauman.

Над пустыней костлявый
Стук.

Sobre el descarnado desierto
un golpe.

Вон еще 50

Mas de 50

Рук

manos

Вылезают, стирая

se asoman fuera, lavando

Плесень.

la roña

26 их было,

Eran 26

26.

26.

Кто с прострелом в груди,

Unos con disparos en los pechos

Кто в боку,

otros en las caderas,

Говорят:

dicen:

"Нам пора в Баку -

"Ya es hora de que vayamos a Bakú-

Мы посмотрим,

nosotros miraremos,

Пока есть туман,

mientras hay niebla.

Как живет

cómo vive

Азербайджан".

Azerbaiján"

.....

.....

.....

.....

Ночь, как дыню,

La noche, como un melón,

Катит луну.

voltea la luna.

Море в берег

el mar en la orilla

Струит волну.

empuja la ola

Вот в такую же ночь

Y he aquí que en esta misma noche

И туман

y con esta misma niebla

Расстрелял их

los fusiló

Отряд англичан.

un destacamento de ingleses

Коммунизм -
 Знамя всех свобод.
 Ураганом вскипел
 Народ.
 На империю встали
 В ряд
 И крестьянин
 И пролетариат.
 Там, в России,
 Дворянский бич
 Был наш строгий отец
 Ильич.
 А на Востоке
 Здесь
 Их было
 26.

Все помнят, конечно,
 Тот,
 18-ый, несчастный
 Год.
 Тогда буржуа
 Всех стран
 Обстреливали
 Азербайджан.

Тяжел был Коммуне
 Удар.
 Не вынес сей край
 И пал,
 Но жутче всем было
 Весть
 Услышать
 Про 26.

В пески, что как плавленный
 Воск,
 Свезли их
 За Красноводск.
 И кто саблей,
 Кто пулей в бок,
 Всех сложили на желтый
 Песок.

26 их было,
 26.
 Их могилы пескам
 Не занести.
 Не забудет никто
 Их расстрел
 На 207-ой

El comunismo-
 Bandera de todas las libertades.
 Como un huracán
 encolerizó al pueblo.
 Sobre el imperio se levantarón
 en fila
 tanto los aldeanos
 como el proletariado
 Allá en Rusia,
 el azote de los nobles
 fue nuestro severo padre
 Ilich.
 Y en el Este
 aquí
 ellos eran 26

Todos recuerdan, por supuesto,
 aquel
 desgraciado año
 18.
 Cuando las burguesías
 de todos los países
 bombardearon
 Azerbaiján

Para la Comúna fue
 un pesado golpe.
 Este distrito no lo aguantó
 y cayó,
 pero lo peor para todos fue
 escuchar la
 noticia
 sobre los 26.

A las arenas,
 que como cera fundida,
 los bajaron
 más allá de Krasnovodsk.
 y a unos con sables
 y a otros con balas en el costado
 a todos los descargaron
 en la arena amarilla.

Eran 26,
 26
 No meter sus tumbas
 en los arenales.
 Nadie se olvidará de
 su fusilamiento
 en la versta

Версте.
Там за морем гуляет
Туман

Видишь, встал из песка
Шаумян.
Над пустыней костлявый
Стук.
Вон еще 50
Рук
Вылезают, стирая
Плеснь.
26 их было,
26.

.....
Ночь как будто сегодня
Бледней.
Над Баку
26 теней.
Теней этих
26.
О них наша боль
И песнь.

То не ветер шумит,
Не туман.
Слышишь, как говорит
Шаумян:
"Джапаридзе,
Иль я ослеп,
Посмотри:
У рабочих хлеб.
Нефть - как черная
Кровь земли.
Паровозы кругом...
Корабли...
И во все корабли,
В поезда
Вбита красная наша
Звезда".

Джапаридзе в ответ:
"Да, есть.
Это очень приятная
Весть.
Значит, крепко рабочий
Класс
Держит в цепких руках
Кавказ.

207.
Allá a lo lejos en el mar pasea
la niebla

Ves, de las arenas se levantó
Shauman.
Sobre el descarnado desierto
un golpe.
Mas de 50
manos
se asoman fuera, lavando
la roña
Eran 26
26.

.....
Como si la noche hoy
fuera más pálida.
Sobre Bakú
26 sombras.
Sombras
de estos 26.
Por ellos nuestro dolor
y nuestro cantar.

No es el viento el que murmura,
ni la niebla
Oyes, cómo habla
Shauman:
"Djaparidje,, (familia georgiana)
O acaso yo estoy ciego,
Mirad:
los obreros tienen pan.
El petróleo-como
la sangre negra de la tierra.
Locomotoras alrededor...
Buques,,,,,
Y en todos los barcos,
en los trenes
está clavada nuestra
estrella roja"

Djaparidje responde:
"Sí, así es,
Esta es una buena
noticia,
significa que la clase
obrera
mantiene con fuerza en sus tenaces manos
el Cáucaso.

Ночь, как дыню,
Катит луну.
Море в берег
Струит волну.
Вот в такую же ночь
И туман
Расстрелял их
Отряд англичан.

La noche, como un melón,
voltea la luna.
el mar en la orilla
empuja la ola
Y he aquí que en esta misma noche
y con esta misma niebla
los fusiló
un destacamento de ingleses

Коммунизм -
Знамя всех свобод.
Ураганом вскипел
Народ.
На империю встали
В ряд
И крестьянин
И пролетариат.
Там, в России,
Дворянский бич
Был наш строгий отец
Ильич.
А на Востоке
Здесь
Их было
26.

El comunismo-
Bandera de todas las libertades.
Como un huracán
encolerizó al pueblo.
Sobre el imperio se levantarón
en fila
y los aldeanos
y el proletariado
Allá en Rusia,
el azote de los nobles
fue nuestro fortalecido padre
Ilich.
Y en el Este
aquí
ellos eran 26

.....
Свет небес все синей
И синей.
Молкнет говор
Дорогих теней.
Кто в висок прострелен,
А кто в грудь.
К Ахч-Куйме
Их обратный путь...

La luz de los cielos es mucho más azul
y más azul.
se calla la algarabía
las largas sombras
a unos les disparan en las sienas
y a otros en el pecho.
Hacia Ajch-Kuimie
su camino de vuelta

Пой песню, поэт
Пой.
Ситец неба такой
Голубой.

Poeta, canta la canción
canta.
El percal del cielo
tan azul.

Море тоже рокочет
Песнь.
26 их было,
26.

El mar también brama
una canción.
26 eran ellos,
26.

Septiembre de 1924 Bakú (PyP, página 234)

ПАМЯТИ БРЮСОВА

Мы умираем,
Сходим в тишь и грусть,
Но знаю я —
Нас не забудет Русь.

Любили девушек,
Любили женщин мы —
И ели хлеб
Из нищенской сумы.

Но не любили мы
Продажных торгашей.
Планета, милая, —
Катись, гуляй и пей.

Мы рифмы старые
Раз сорок повторим.
Пускать сумеем
Гоголя и дым.

Но все же были мы
Всегда одни.
Мой милый друг,
Не сетуй, не кляни!

Вот умер Брюсов,
Но порем и мы, —
Не выпросить нам дней
Из нищенской сумы.

Но крепко вцапались
Мы в нищую суму.
Валерий Яклевич!
Мир праху твоему!

1924 (ПуP, página 239)

СТАНСЫ

Я о своем
Много знаю.
Стихи - не очень трудные дело
Но более всего
Любовь к родному краю
Меня томила,
Мучила и жгла.

RECUERDOS DE BRIUSOV

Morimos
descendemos a la tristeza y a la calma,
pero yo sé -
que la Rus no nos olvidará.

Amábamos a las muchachas,
Nosotros amábamos a las mujeres
comíamos pan
de las bolsas del mendigo.

Pero no nos gustaban
los trapicheos del mercado.
Planeta, querido,-
ronda, pasea y canta.

Repetiremos los viejos ritmos
cuarenta veces.
Podremos
lanzar humo y soltar al s0mormujo.

Pero a pesar de todo estuvimos
siempre solos.
¡Mi querido amigo,
no te quejes, no maldigas!

He aquí que murió Briusov,
pero nosotros también moriremos,-
no debemos sacar días
de la bolsa del mendigo.

Pero nos agarramos con fuerza
a la bolsa pordiosera.
¡Valeri Yaklenich!
¡Que tus cenizas descansen en paz!

ESTANCIAS

Yo, sobre mí mismo
sé mucho.
Los poemas-no son un asunto complicado.
Pero sobre todo
el amor al país natal
me atormentaba
me torturaba y me quemaba.

Стишок писнуть,
Пожалуй, всякий может -
О девушке, о звездах, о луне...
Но мне другое чувство
Сердце гложет,
Другие думы
Давят череп мне.

Хочу я быть певцом
И гражданином,
Чтоб каждому,
Как гордость и пример,
Был настоящим,
А не сводным сыном -
В великих штатах СССР.

Я из Москвы надолго убежал:
С милицией я ладить
Не в сноровке,
За всякий мой пивной скандал
Они меня держали
В тигулевке.

Благодарю за дружбу граждан сих,
Но очень жестко
Спать там на скамейке
И пьяным голосом
Читать какой-то стих
О клеточной судьбе
Несчастной канарейки.

Я вам не кенар!
Я поэт!
И не чета каким-то там Демьянам.
Пускай бываю иногда я пьяным,
Зато в глазах моих
Прозрений дивных свет.

Я вижу все
И ясно понимаю,
Что эра новая -
Не фунт изюму вам,
Что имя Ленина
Шумит, как ветер, по краю,
Давая мыслям ход,
Как мельничным крылам.

Вертитесь, милые!
Для вас обещан прок.
Я вам племянник,
Вы же мне все дяди.

Escribir un versito,
quizás pueda cualquiera-
sobre la mujer, las estrellas o la luna..
pero yo tengo otros sentimientos,
el corazón desgarrado,
otros sentimientos
aplastan mi cráneo.

Yo quiero ser cantante
y ciudadano
para que cada uno
como orgullo y ejemplo,
fuera auténtico,
y no hijastro-
en los grandes estados de la URSS.

Yo me escapé de Moscú desde hace tiempo:
con la milicia no me las arreglé
con destreza,
tras cada una de mis escandalosas borracheras
me detenían
en el calabozo.

Agradezco la amistad de estos ciudadanos
pero es muy duro
dormir allí en el banco
y con voz de borracho
leer alguna de las poesías
sobre el destino en una jaula
de un infeliz canario

¡Yo para vosotros no soy un canario!
¡Yo soy poeta!
Yo no soy pareja de algún Demián de allí.
Aunque a veces me emborracho,
sin embargo en mis ojos
hay una luz de deliciosas clarividencias.

Yo todo lo veo
y comprendo claramente,
que esta nueva era
no es para vosotros humo de pajas,
que el nombre de Lenin
resuena como el viento por el país,
dando paso a pensamientos,
como las aspas de un molino.

¡Arremolinaos, queridos!
Se os promete un provecho.
Yo soy como un sobrino para vosotros,
Me lo habéis dado todo.

Давай, Сергей,
За Маркса тихо сядем,
Понюхаем премудрость
Скучных строк.

Дни, как ручьи, бегут
В туманную реку.
Мелькают города,
Как буквы по бумаге.
Недавно был в Москве,
А нынче вот в Баку.
В стихию промыслов
Нас посвящает Чагин.

"Смотри, - он говорит, -
Не лучше ли церквей
Вот эти вышки
Черных нефть-фонтанов.
Довольно с нас мистических туманов,
Воспой, поэт,
Что крепче и живей".

Нефть на воде,
Как одеяло перса,
И вечер по небу
Рассыпал звездный куль.
Но я готов поклясться
Чистым сердцем,
Что фонари
Прекрасней звезд в Баку.
Я полон дум об индустриальной мощи,

Я слышу голос человеческих сил.
Довольно с нас
Небесных всех светил -
Нам на земле
Устроить это проще.
И, самого себя
По шее глядя,
Я говорю:
"Настал наш срок,
Давай, Сергей,
За Маркса тихо сядем,
Чтоб разгадать
Премудрость скучных строк".

1924 (PyP, página 241)

Sergio, sentémonos
silenciosamente tras Marx
olfatearemos la sabiduría
de las aburridas estrofas.

Los días, como los arroyos, corren
hacia el río neblinoso.
Cruzan las ciudades
como las letras por un papel
Hace poco estuve en Moscú,
y ahora estoy en Bakú
En el ejercicio de las tareas
nos inicia Chaguin

"Mirad", nos dice,
¿No son mejores que las iglesias
estas torres
de negros pozos de petrolíferos?
Dejémonos de las místicas nieblas,
canta poeta,
lo más sólido y lo más vivo .

El petróleo está en el agua,
como una colcha persa,
y la tarde por el cielo
derrama un saco de estrellas.
Pero yo estoy dispuesto a jurar
con el corazón limpio,
que los faroles
son las más hermosas estrellas de Bakú
Me dominan los pensamientos sobre el poderío industrial

Escucho la voz de las fuerzas humanas.
A nosotros ya nos basta,
iluminó a todos los seres celestes-
para nosotros los terrícolas
construir esto es más sencillo.
Y yo mismo
pasando la mano por el cuello
digo:
"Llegó nuestro turno,
Sergio, sentémonos
silenciosamente tras Marx
olfatearemos la sabiduría
de las aburridas estrofas.

РУСЬ БЕСПРИЮТНАЯ

Товарищи, сегодня в горе я,
 Проснулась боль
 В угасшем скандалисте!
 Мне вспомнилась
 Печальная история —
 История об Оливере Твисте.

Мы все по-разному
 Судьбой своей оплаканы.
 Кто крепость знал,
 Кому Сибирь знакома.
 Знать, потому теперь
 Попы и дьяконы
 О здравье молятся
 Всех членов Совнаркома.

И потому крестьянин
 С водки штофа,
 Рассказывая сродникам своим,
 Глядит на Маркса,
 Как на Саваофа,
 Пуская Ленину
 В глаза табачный дым.

Ирония судьбы!
 Мы все острощены.
 Над старым твердо
 Вставлен крепкий кол.
 Но все ж у нас
 Монашеские общины
 С «аминем» ставят
 Каждый протокол.

И говорят,
 Забыв о днях опасных:
 «Уж как мы их...
 Не в пух, а прямо в прах...
 Пятнадцать штук я сам
 Зарезал красных,
 Да столько ж каждый,
 Всякий наш монах».

Россия-мать!
 Прости меня,
 Прости!
 Но эту дикость, подлую и злую,
 Я на своем недлительном пути
 Не приголублю
 И не поцелую.

LA RUS DESAMPARADA

¡Camaradas, yo hoy estoy triste,
 se despertó el dolor
 en el escandalizador que se extingue!
 Me acudió a la memoria
 una desgraciada historia-
 la historia de Oliver Twist.

A nosotros nos ocurrió todo lo contrario
 afligidos con nuestro destino
 unos conocieron la prisión
 la Siberia fue conocida por otros.
 Saber, porqué ahora
 los popes y los diáconos
 oran rezan por el buen juicio
 de todos los miembros del Sovnarcom.

Y porque el campesino
 con una botella de vodka
 hablando a sus compadres,
 mira a Marx,
 como a Sabaot (Jehová),
 echándole a Lenin
 el humo del tabaco a los ojos

¡Ironías del destino!
 Todos nosotros atemorizados.
 Sobre lo antiguo se ha clavado
 con fuerza una dura estaca.
 Pero a pesar de todo, en nuestro país
 las comunidades monásticas
 colocan un “amén”
 en cada documento.

Y dicen,
 olvidándose de los peligrosos días:
 “En verdad cómo les hemos...
 hecho morder el polvo....
 Yo mismo llevé a la ruina
 a quince elementos rojos.
 y otro tanto,
 cada uno de nuestros monjes”

¡Madre-Rusia!
 ¡Perdóname!
 ¡Perdona!
 Pero a esta dureza, infame y nefasta,
 yo en mi corto camino
 no la arrullaré
 y no la besaré.

У них жилища есть,
У них есть хлеб,
Они с молитвами
И благостны и сыты.
Но есть на этой
Горестной земле,
Что всеми добрыми
И злыми позабыты.

Мальчишки лет семи-восьми
Снуют средь штатов без призора.
Бестелыми корявыми костями
Они нам знак
Тяжелого укора.
Товарищи, сегодня в горе я,
Проснулась боль в угасшем скандалисте.
Мне вспомнилась
Печальная история —
История об Оливере Твисте.

Я тоже рос,
Несчастный и худой,
Средь жидких,
Тягостных рассветов.
Но если б встали все
Мальчишки чередой,
То были б тысячи
Прекраснейших поэтов.

В них Пушкин,
Лермонтов,
Кольцов,
И наш Некрасов в них,
В них я,
В них даже Троцкий,
Ленин и Бухарин.
Не потому ль мой грустью
Веет стих,
Глядя на их
Невымытые хари.

Я знаю будущее...
Это их...
Их календарь...
И вся земная слава.
Не потому ль
Мой горький, буйный стих
Для всех других —
Как смертная отравка.

Ellos tienen su aposento,
ellos tienen su pan,
ellos con las oraciones
están bonancibles y satisfechos.
Pero ocurre que en esta
desdichada tierra,
se han olvidado de todos los buenos
y de todos los malos.

Pequeños de siete u ocho años
deambulan despreocupados por los estados
con retorcidos huesos incorporales
lo que para nosotros son señal
de un duro reproche
Camaradas, yo hoy estoy apesadumbrado,
se despertó un dolor en el extinguido
expirado escandalizador.
me vino a los recuerdos, la triste historia-
la historia de Oliver Twist

Yo también crecí,
maligno e infeliz,
entre los aguados y
plomizos amaneceres.
Pero si todo los niños
se pusieran de pie en hilera,
serían miles de
magníficos poetas.

Entre ellos Pushkin,
Lermontov,
Kolltsov,
y nuestro Niekrasov,
y yo mismo,
y entre ellos incluso Trotski,
Lenin y Bujarin.
Acáso no será por esto que mi verso
sopla con tristeza
mirando a sus
sucias máscaras.

Yo conozco el futuro.....
este es su.....
su calendario...
y toda su gloria terrestre
Acaso no será por esto que
mi amargo, mi turbulento verso
es para todos los demás
como una ponzoña mortal.

Я только им пою,
 Ночующим в котлах,
 Пою для них,
 Кто спит порой в сортире.
 О, пусть они
 Хотя б прочтут в стихах,
 Что есть за них
 Обиженные в мире

1924 (PUP, página 248)

ПОЭТАМ ГРУЗИИ

Писали раньше
 Ямбом и октавой.
 Классическая форма
 Умерла.
 Но ныне, в век наш
 Величавый,
 Я вно в ей вздернул
 Удила.

Земля далекая!
 Чужая сторона!
 Грузинские кремнистые дороги.
 Вино янтарное
 В глаза струит луна,
 В глаза глубокие,
 Как голубые роги.

Поэты Грузии!
 Я ныне вспомнил вас.
 Приятный вечер вам,
 Хороший, добрый час!

Товарищи по чувствам,
 По перу,
 Словесных рек кипение
 И шорох,
 Я вас люблю,
 Как шумную Куру,
 Люблю в пирах и в разговорах.
 Я — северный ваш друг
 И брат!
 Поэты — все единой крови.
 И сам я тоже азиат
 В поступках, в помыслах
 И слове.

Yo solo les canto,
 a los que pasan la noche en las calderas
 canto para ellos,
 los que a veces duermen en las letrinas
 ¡Ah! que ellos,
 los ultrajados por el mundo
 al menos lean en las poesías
 lo que se dice sobre ellos.

LOS POETAS DE GEORGIA

Antiguamente escribían
 con el yambo y con la octava.
 La forma clásica
 murió.
 Pero ahora, en nuestro siglo
 majestuoso,
 yo de nuevo alcé
 el freno

¡Lejana tierra!
 ¡Rincón ajeno!
 los pedregosos caminos georgianos.
 La luna chorrea
 en los ojos el vino de ámbar
 en los ojos profundos,
 como cuernos azules.

¡Poetas de Georgia!
 ahora yo os he recordado.
 ¡Que tengáis una buena tarde,
 unos momentos dichosos y agradables!

Compañeros de los sentimientos,
 de la pluma,
 el bullir y el susurro
 de los ríos de palabras,
 os quiero,
 como al alborotado Kura (rio),
 lo amo en los festines y en las charlas.
 ¡Yo-tu amigo del norte
 y hermano!
 Poetas-todos de la misma sangre.
 Yo mismo también soy asiático
 en las conductas, en las ideas
 en la palabra.

И потому в чужой
Стране
Вы близки
И приятны мне.

Века всё смелют,
Дни пройдут,
Людская речь
В один язык сольется.
Историк, сочиняя труд,
Над нашей рознью улыбнется.

Он скажет:
В пропасти времен
Есть изысканья и приметы...
Дрались сонмища племен,
Зато не ссорились поэты.

Свидетельствует
Вещий знак:
Поэт поэту
Есть кунак.

Самодержавный
Русский гнет
Сжимал все лучшее за горло,
Его мы кончили —
И вот
Свобода крылья распростерла.

И каждый в племени своем,
Своим мотивом и наречьем,
Мы всяк
По-своему поем,
Поддавшись чувствам
Человечьим...

Свершился дивный
Рок судьбы:
Уже мы больше
Не рабы.
Поэты Грузии!
Я ныне вспомнил вас.
Приятный вечер вам,
Хороший, добрый час!

Товарищи по чувствам,
По перу,
Словесных рек кипение
И шорох,
Я вас люблю,

Y porque en un país
ajeno
estáis próximos
y simpáticos conmigo.

Los siglos se envalentonan totalmente,
los años pasan,
el lenguaje popular
se funde en una única lengua.
El historiador, componiendo su trabajo
se ríe de nuestras riñas.

El dice:
En la sima de los tiempos
hay pesquisas y señales...
se enfrentaron multitud de tribus,
y por el contrario no se pelearon los poetas.

Se evidencia
el profético signo:
el poeta para el poeta
es un compinche.

El absolutista
yugo ruso
oprimió todo lo mejor por la garganta,
nosotros acabamos con él-
y he aquí
que la libertad expandió sus alas

Y cada uno en su tribu,
con nuestros temas y nuestras hablas
cada uno de nosotros
cantamos a nuestra manera,
entregándonos a nuestros sentimientos
humanos....

Se cumplió el divino
sino del destino:
Ya no seremos más
esclavos.
¡Poetas de Georgia!
ahora yo os he recordado.
¡Que tengáis una buena tarde,
unos momentos dichosos y agradables!

Compañeros de sentimientos,
de la pluma,
el bullir y el susurro
de los ríos de palabras,
os quiero,

Как шумную Куру,
Люблю в пирах и в разговорах.

como al alborotado Kura,
lo amo en los festines y en las charlas

1924 (PyP, página 255)

ПИСЬМО ОТ МАТЕРИ

CARTA DE LA MADRE

Чего же мне
Еще теперь придумать,
О чем теперь
Еще мне написать?
Передо мной
На столике угрюмом
Лежит письмо,
Что мне прислала мать.

¿En que tengo yo
aún que pensar ahora?
¿Qué es lo que tengo
que escribir?
Ante mí
sobre la pequeña mesita
hay una carta
que mi madre me envió.

Она мне пишет:
«Если можешь ты,
То приезжай, голубчик,
К нам на святки.
Купи мне шаль,
Отцу купи порты,
У нас в дому
Большие недостатки.

Ella me escribe:
“Si puedes,
acércate querido
a casa por Navidad
A mí me compras un manto
y a tu padre unos pantalones.
En casa nos faltan
muchas cosas

Мне страх не нравится,
Что ты поэт,
Что ты сдружился

No me gusta el temor
que seas poeta,
que tengas amistades.

С славою плохую.
Гораздо лучше б
С малых лет
Ходил ты в поле за сохою.

Con lo mejor de lo peor
Hubiera sido mejor que
desde chico
te fueras al campo con el arado

Стара я стала
И совсем плоха,
Но если б дома
Был ты изначала,
То у меня
Была б теперь сноха
И на ноге
Внучонка я качала.

Yo me he hecho vieja
y me encuentro bastante mal.
Pero si te hubieras
quedado en casa desde el principio,
ahora yo tendría
una nuera
y en mi falda
acunaría a una nieta

Но ты детей
По свету растерял,
Свою жену
Легко отдал другому,
И без семьи, без дружбы,
Без причал

Pero tú, a los niños
los has perdido por el mundo
A tu mujer
se la dejaste a otro sin problemas
y sin familia, sin amigos
y sin donde amarrar

Ты с головой
Ушел в кабацкий омут.

Любимый сын мой,
Что с тобой?
Ты был так кроток,
Был ты так смиренен.
И говорили все наперебой:
Какой счастливый
Александр Есенин!

В тебе надежды наши
Не сбылись,
И на душе
С того больней и горьше,
Что у отца
Была напрасной мысль
Чтоб за стихи
Ты денег брал побольше.

Хоть сколько б ты
Ни брал,
Ты не пошлешь их в дом,
И потому так горько
Речи льются,
Что знаю я
На опыте твоём:
Поэтам деньги не даются.

Мне страх не нравится,
Что ты поэт,
Что ты сдружился
С славою плохую.
Гораздо лучше б
С малых лет
Ходил ты в поле за сохой.

Теперь сплошная грусть,
Живем мы, как во тьме.
У нас нет лошади.
Но если б был ты в доме,

То было б все,
И при твоём уме —
Пост председателя
В волисполкоме.

Тогда б жилось смелей,
Никто б нас не тянул,
И ты б не знал
Ненужную усталость.
Я б заставляла

tu cabeza
te hundiste en un tabernario torbellino.

Mi querido hijo
¿Qué te pasa?
Tú eras tan dulce
Eras tan sencillo.
Todos, a cual mejor, decían:
¡Qué feliz es
Alejandro Esenin!

Nuestras esperanzas en tí
se esfumaron
de nuestra alma
y a pesar de esta amargura y de este dolor
tu padre tenía
el falso pensamiento
de que con tus poesías
tú ganarías más dinero.

pues de todo lo
que tú ganaste
nada enviaste a casa,
y porqué tan amargamente
se diluyen las palabras
pues yo sé
por tu experiencia
que a los poetas no se les paga

Tengo miedo, no me gusta
que seas poeta
que tengas amistad
con lo mejor de lo peor
hubiera sido mejor que
desde chico
te fueras al campo con el arado

Ahora nos invade una continua tristeza
Vivimos como en la oscuridad
No tenemos caballo
pero si tú estuvieras en casa

lo tendríamos todo
y con tu inteligencia-
el puesto de Presidente
en el Comité Ejecutivo Regional

Entonces viviríamos orgullosamente
nadie nos humillaría
y tú no conocerías
la fatiga innecesaria
Yo le encargaría

Прясть
Твою жену,
А ты как сын
Покоил нашу старость».

.
Я комкаю письмо,
Я погружаюсь в жуть.
Ужель нет выхода
В моем пути заветном?
Но все, что думаю,
Я после расскажу.
Я расскажу
В письме ответном...

1924 (ПуР, página)

coser
a tu mujer,
y tú, como hijo
cuidarías de nuestra vejez”.

Yo arrugo la carta
y me sumerjo en el terror.
¿La cólera no tiene salida
en mi oculto camino?
Pero todo lo que pienso
después lo contaré,
lo contaré,
en la carta de respuesta...

Ответ

Respuesta

Старушка милая,
Живи, как ты живешь.
Я нежно чувствую
Твою любовь и память.
Но только ты
Ни капли не поймешь -
Чем я живу
И чем я в мире занят.

Querida viejita
Viviendo como tu vives
yo cariñosamente siento
tu amor y tu recuerdo
Pero tan solo tú
no entiendes ni gota
de con qué yo vivo
y en que estoy ocupado en este mundo.

Теперь у вас зима.
И лунными ночами,
Я знаю, ты
Помыслишь не одна,
Как будто кто
Черемуху качает
И осыпает
Снегом у окна.

Ahora estais en invierno
y en las noches de luna
yo sé que tú
no estás pensando sola,
como el que
agita un cerezo
y lo espolvorea
con nieve junto a la ventana

Родимая!
Ну как заснуть в метель?
В трубе так жалобно
И так протяжно стонет.
Захочешь лечь,
Но видишь не постель,
А узкий гроб
И - что тебя хоронят.

¡Querida!
¿Pero cómo puedes dormir con la ventisca?
que en la chimenea, tan lastimera
y repetidamente gime.
Quieres tumbarte
pero no encuentras una cama
sino a una estrecha tumba
y que te entierran

Так будто тысяча
Гнусавейших дьячков,
Поет она плакидой -
Сволочь-вьюга!
И снег ложится

Al igual que mil
gargajeantes diáconos
ella canta gimiendo.
¡Horrible nevada!
Y la nieve se posa

Вроде пяточков,
И нет за гробом
Ни жены, ни друга!

Я более всего
Весну люблю.
Люблю разлив
Стремительным потоком,
Где каждой щепке,
Словно кораблю,
Такой простор,
Что не окинешь оком.

Но ту весну,
Которую люблю,
Я революцией великой
Называю!
И лишь о ней
Страдаю и скорблю,
Ее одну
Я жду и призываю!

Но эта пакость -
Хладная планета!
Ее и Солнцем-Лениным
Пока не растопить!
Вот потому
С больной душой поэта
Пошел скандалить я,
Озорничать и пить.

Но время будет,
Милая, родная!
Она придет, желанная пора!
Недаром мы
Присели у орудий:
Тот сел у пушки,
Этот - у пера.

Забудь про деньги ты,
Забудь про все.
Какая гибель?!
Ты ли это, ты ли?
Ведь не корова я,
Не лошадь, не осел,
Чтобы меня
Из стойла выводили!

Я выйду сам,
Когда настанет срок,
Когда пальнуть

cual monedas de cinco kopecs
y no hay junto a la tumba
¡Ni una mujer , ni un amigo!

Yo sobretudo
amo la primavera
Me gusta la crecida
con su impetuosa corriente
donde cada rama seca
es como un barco
cuya amplitud
no alcanzas con la mirada

Pero a esta primavera
a la que amo
yo gran revolución
¡La llamo!
Y tan solo por ella
yo sufro y me aflijo
¡Tan solo a ella
yo espero y reclamo!

¡Pero esta cochinada,
este frío planeta!
a él y con el Sol-Lenin
aún no hay que incendiar.
Y por esto
y con el gran alma del poeta
yo me fui a escandalizar,
bribonear y beber.

Pero llegará el momento
¡Mi querido amor!
¡Que llegarán los tiempos deseados!
No sin motivo, nosotros
nos sentimos encogidos junto a las armas
Aquel junto al cañón
y el otro junto a la pluma,

¡Olvídate de los dineros,
olvídate de todo
¿Qué ruina?!
¿Tú eres esto?, ¿Esto eres tú?
¡Pues, yo no soy ni una vaca
ni un caballo, ni un burro,
para que me sacaran
del establo!

Yo mismo saldré
cuando llegue el momento,
cuando haya que ir disparando

Придется по планете,
И, воротясь,
Тебе куплю платок,
Ну, а отцу
Куплю я штуки эти.

por el planeta.
Y dando vueltas por ahí
yo te compraré un pañuelo
y para el padre
yo compraré estas cosas.

Пока ж - идет метель,
И тысячей дьячков
Поет она плакидой -
Сволочь-вьюга.
И снег ложится
Вроде пяточков,
И нет за гробом
Ни жены, ни друга.

Mientras haya ventisca
y al igual que mil diáconos
ella canta gimiendo
¡Horrible nevada!
y la nieve se posa
como monedas de cinco kopecs
y no hay junto a la tumba
ni una mujer, ni un amigo.

1924 (PyP, página 261)

ПИСЬМО ДЕДУ

CARTA AL ABUELO

Покинул я
Родимое жилище.
Голубчик! Дедушка!
Я вновь к тебе пишу.
У вас под окнами
Теперь метели свищут,
И в дымовой трубе
Протяжный вой и шум,

Yo abandoné
mi querido hogar
¡Mi querido abuelito!
Te escribo de nuevo
Estáis bajo las nubes
y está soplando la ventisca
y en la humeante chimenea
largos aullidos y ruidos

Как будто сто чертей
Залезло на чердак.
А ты всю ночь не спишь
И дрыгаешь ногою.
И хочется тебе,
Накинув свой пиджак,
Пойти туда,
Избить всех кочергою.

Como si cien demonios
trepasen por la buhardilla
y tu no puedes dormir en toda la noche
pataleando con los pies
Y me gustaría
ponerme mi chaqueta
e irme para allí
para pegarles con el atizador

Наивность милая
Нетронутой души!
Недаром прадед
За овса три меры
Тебя к дьячку водил
В заброшенной глуши
Учить: «Достойно есть»
И с «Отче» «Символ веры».

¡Querida inocencia
del alma inmaculada!
No sin razón, el bisabuelo
a por tres raciones de avena
te envió al sacristán
en un abandonado rincón
para que te enseñara: el “Avemaría”
El “Padrenuestro” y el “Credo”

Хорошего коня пасут.
Отборный корм
Ему любви порука.
И, самого себя
Призвав на суд,
Тому же самому
Ты обучать стал внука.

Но внук учебы этой
Не постиг.
И, к горечи твоей,
Ушел в страну чужую.
По-твоему, теперь
Бродягою брожу я,
Слагая в помыслах
Ненужный глупый стих.

Ты говоришь,
Что у тебя украли,
Что я дурак,
А город — плут и мот.

Но только, дедушка,
Едва ли так, едва ли,
Плохую лошадь
Вор не уведет.

Плохую лошадь
Со двора не сгонишь,
Но тот, кто хочет
Знать другую гладь,
Тот скажет:
Чтоб не сгнить в затоне,
Страну родную
Нужно покидать.

Вот я и кинул.
Я в стране далекой.
Весна.
Здесь розы больше кулака.
И я твоей'
Судьбине одинокой
Привет их теплый
Шлю издалека.

Теперь метель
Вовсю свистит в Рязани.
А у тебя
Меня увидеть зуд.

Al mejor caballo pacen
con el selecto forraje.
Para él la seguridad del amor
Y tú mismo
convocandote a juicio
a ti mismo
tú te pusiste a enseñar al nieto

Pero el nieto, esta lección
no la aprendió.
Y para tu pena,
se fue a otro país.
Para ti, ahora
yo deambulo como un vagabundo
componiendo en mi mente
una estúpida e inútil poesía,

Tú dices:
que te han robado
que soy un estúpido,
Y que en la ciudad, soy un manirroto.

Pero una cosa, abuelo:
¡es así!, ¡es así!
un mal caballo
no se lo lleva un ladrón

Un mal caballo,
no te lo llevas de un establo
Pero aquel que quiere
conocer otros espacios,
aquel dice:
que para no pudrirse en la ensenada,
el país natal,
hay que abandonar.

Así pues, yo lo abandoné,
y estoy en un lejano país.
Es primavera.
Aquí las rosas son más grandes que un puño
y yo, a tu
solitario lugar
su cálido saludo
te envío desde muy lejos

Ahora, la ventisca,
en Riazan, sopla por todas partes
y tu tienes
ganas de verme

Но ты ведь знаешь —
Никакие сани
Тебя сюда
Ко мне не довезут. ´

Я знаю —
Ты б приехал к розам,
К теплу´
Да только вот беда:
Твое проклятье
Силе паровоза
Тебя навек´
Не сдвинет никуда.

А если я помру?
Ты слышишь, дедушка?
Помру я?
Ты сядешь или нет в вагон,
Чтобы присутствовать
На свадьбе похорон
И спеть в последнюю
Печаль мне «аллилуйя»?

Тогда садись, старик.
Садись без слез,
Доверься ты
Стальной кобыле.
Ах, что за лошадь,
Что за лошадь паровоз!
Ее, наверное,
В Германии купили.

Чугунный рот ее
Привык к огню,

И дым над ней, как грива,—
Черен, густ и четок.
Такую б гриву
Нашему коню,
То сколько б вышло
Разных швабр и щеток!

Я знаю —
Время даже камень крошит.
И ты, старик,
Когда-нибудь поймешь,
Что, даже лучшую
Впрягая в сани лошадь
В далекий край
Лишь кости привезешь.

Pero tú pues sabes
que ningún trineo
a ti, aquí
a mi casa no te traerá

Yo sé
que tú vendrías a por las rosas
a por la calidez.
pero esto sería una desgracia:
tu maldición
a la potencia de la locomotora
por los siglos de los siglos,
no te llevará a ninguna parte.

¿Y si yo me muero?
¿Me oyes bien, abuelito?
¿Me moriré?
¿Te sentarás en el vagón,
para asistir
a la boda-funeraria,
y cantar como último
duelo, el “Aleluya”?

Así pues, siéntate viejito.
siéntate sin lágrimas.
Confía
en la yegua de acero.
¡Pero qué pasa con el caballo,
qué pasa con el caballo-locomotora!
En realidad lo compraron
en Alemania

Su boca de hierro colado
está acostumbrada al fuego

y el humo que la cubre, es como una melena.
negruzco, denso, arrosariado
Sería como la crin
para nuestro caballo
cuanto saliera
de los distintos cepillos y escobones

Yo sé,
que el tiempo incluso destruye las piedras,
y tú, viejo
algún día entenderás
que incluso del mejor
caballo tirando del trineo,
hacia un lugar lejano
solo te llevarás los huesos

Поймешь и то,
 Что я ушел недаром
 Туда, где бег
 Быстрее, чем полет.
 В стране, объята вьюгой
 И пожаром,
 Плохую лошадь
 Вор не уведет.

Y también entenderás
 que no partí en vano
 hacia donde una carrera
 es más rápida que un vuelo
 Es un país abrazado por las tormentas
 y por los incendios.
 Un mal caballo,
 no se lo lleva un ladrón.

Diciembre de 1924, Batúm (PyP, página 264)

Метель

Прядите, дни, свою былую пряжу,
 Живой души не перестроить век.
 Нет!
 Никогда с собой я не полажу,
 Себе, любимому,
 Чужой я человек

Хочу читать, а книга выпадает,
 Долит зевота,
 Так и клонит в сон...
 А за окном
 Протяжный ветр рыдает,
 Как будто чуя
 Близость похорон.

Облезлый клён
 Своей верхушкой черной
 Гнусавит хрипло
 В небо о былом.
 Какой он клён?
 Он просто столб позорный.
 На нём бы вешать-
 Иль отдать на слом

И первого
 Меня повесить нужно,
 Скрестив мне руки за спиной:
 За то, что песней
 Хриплой и недужной
 Мешал я спать
 Стране родной.

Я не люблю
 Распевы петуха
 И говорю,
 Что если был бы в силе,
 То всем бы петухам
 Я выдрал потроха,

La ventisca

¡Soltad, días ,vuestra vieja hebilla,
 Nunca se puede reconstruir un alma viva.
 no!
 Nunca estaré de acuerdo conmigo mismo,
 para mí mismo, querido
 yo soy un extraño.

Yo quiero leer, y el libro se me resbala,
 me vencen las ganas de bostezar
 de tal manera que también me sumo en un sueño.
 Y tras la ventana
 solloza un lánguido viento
 como si olfateara
 la cercanía de la muerte.

Un alce pelado
 con su negra copa
 ganguea con ronquidos
 al cielo sobre el pasado.
 ¿Pero qué alce es este?
 Es tan solo un maldito poste -
 del que colgar a alguien-
 o cortar para leña.

Y así en primer lugar
 necesito colgarme
 cruzando las manos tras la espalda
 para que, con una canción
 ronca e incoherente
 yo impida dormir
 al país natal.

No me gustan
 los cantos del gallo
 y digo,
 que si yo pudiera,
 a todos los gallos
 yo les arrancarí las entrañas,

Чтобы они
Ночью не голосили.

Но я забыл,
Что сам я петухом
Орал всюду
Перед рассветом края,
Отцовские заветы попирая,
Волнуюсь сердцем
И стихом.

Визжит метель,
Как будто бы кабан,
Которого зарезать собрались.
Холодный,
Ледяной туман,
Не разберешь,
Где даль,
Где близь...

Луну, наверное,
Собаки съели -
Ее давно
На небе не видать.
Выдергивая нитку из кудели,
С веретеном
Ведет беседу мать.

Оглохший кот
Внимает той беседе,
С лежанки свесив
Важную главу.
Недаром говорят
Пугливые соседи,
Что он похож
На черную сову.

Глаза смежаются.
И как я их прищурю,
То вижу въявь
Из сказочной поры:
Кот лапой мне
Показывает дулю,
А мать - как ведьма
С киевской горы.

Не знаю, болен я
Или не болен,
Но только мысли
Бродят невпопад.
В ушах могильный

para que ellos
por las noches no vociferaran.

Pero yo había olvidado
que yo mismo fui un gallo
que gritaba con todas las fuerzas
antes de que amaneciera en el país,
pisoteando las tradiciones familiares,
emocionándome con el corazón
y con los versos.

Aulla la ventisca,
como si fuera un jabalí,
en torno al que se juntaron para degollarlo.
Niebla fría,
congelada,
no distinguirás,
dónde está la lejanía,
dónde la cercanía....

Verdaderamente, los perros,
se tragaron la luna-
que desde hace tiempo
ya no se ve en el cielo.
Arrancando la hebra del cerro de limpio cáñamo,
con un huso
la madre mantiene una conversación.

Un gato ensordecido
atiende a esta conversación
bajando coleando desde el poyo de la estufa
la altiva cabeza.
No dicen en vano
los temerosos vecinos,
que él se parece
a una negra lechuga.

Los ojos se cierran.
y en cuanto los entorno,
yo veo con claridad
desde un tiempo de fantasía:
cómo el gato con las patas
me hace un corte de mangas,
así como la madre-como una bruja
desciende desde una montaña de Kiev.

Yo no sé si estoy enfermo
o no lo estoy,
pero tan solo los pensamientos
no vagan en vano.
Por los oídos del sepulturero

Стук лопат
С рыданьем дальних
Колоколен.

un golpe de azada
con el sollozo
de lejanos campanarios

Себя усопшего
В гробу я вижу
Под аллилуйные
Стенания дьячка.
Я веки мертвому себе
Спускаю ниже,
Кладя на них
Два медных пяточка.

En mi fallecimiento
yo veo en la tumba
al sacristán
bajo los gemidos de los aleluyas.
Yo, muerto, me cierro
me cierro a mí mismo los párpados
colocando sobre ellos
dos monedas de cinco kopeks de cobre.

На эти деньги,
С мертвых глаз,
Могильщику теплее станет, -
Меня зарыв,
Он тот же час
Себя сивухой остаканит.

Con estos dineros
de los ojos muertos
el sepulturero se animará,-
al enterrarme,
y un poco después
se enturbiará con un mal vodka

И скажет громко:
"Вот чудак!
Он в жизни
Буйствовал немало...
Но одолеть не мог никак
Пяти страниц
Из "Капитала "

Y exclamará con voz fuerte:
"¡Qué extravagante!
él durante su vida
armaba no pocos escándalos...
pero no pudo reponerse de ninguna manera
de las cinco páginas
del "Capital"

Septiembre de 1924 (PyP, página 268)

Весна

La primavera

Припадок кончен.
грусть в опале
Приемлю жизнь, как первый сон.
Вчера прочел я в "Капитале",
Что для поэтов -
Свой закон.

Se acabó el arrebató
desapareció la tristeza
Recibo a la vida, como un primer sueño.
Ayer leí en el "Capital".
que los poetas
tienen su propia ley

Метель теперь
Хоть чертом вой,
Я с отрезвевшей головой
Товарищ бодрим и весёлым

Hay ventisca
aulla como un demonio,
Yo con mi cabeza despejada
soy un personaje contento y animoso

Гнилых нам нечего жалеть,
Да и меня жалеть не нужно,
Коль мог покорно умереть
Я в этой завирухе вьюжной.

No debemos compadecernos de los infames
ni hay tampoco hay que compadecerse de mí
pues yo podría fácilmente desaparecer
en esta ventiscosa y blanca nevada.

Тинь-тинь, синица!
 Добрый день!
 Не бойся!
 Я тебя не трону.
 И коль угодно,
 На плетень
 Садись по птичьему закону.

Закон вращения в мире есть,
 Он – отношенье
 Средь живущих.
 Коль ты с людьми единой кущи, -
 Имеешь право
 Лечь и сесть.

Привет тебе,
 Мой бедный клен!
 Прости, что я тебя обидел.
 Твоя одежда в рваном виде,
 Но будешь
 Новой наделён.

Без ордера тебе апрель
 Зеленую отпустит шапку,
 И тихо
 В нежную охапку
 Тебя обнимет повитель.

И выйдет девушка к тебе,
 Водой окатит из колодца,
 Чтобы в суровом октябре
 Ты мог с метелями бороться.

А ночью
 Выплывет луна.
 Ее не слопали собаки:
 Она была лишь не видна
 Из-за людской
 Кровавой драки.

Но драка кончилась...
 И вот -
 Она своим лимонным светом
 Деревьям, в зелень разодетым,
 Сиянье звучное
 Польёт.

Так пей же, грудь моя,
 Весну!
 Волнуйся новыми

¡Tin! ¡Tin! ¡Pajarito!
 ¡Buenos días!
 ¡No temas!
 ¡No te tocaré!
 Y tranquilamente
 en el seto
 Siéntate según las leyes de los pájaros

Existe, en el mundo, una ley de rotación
 Es la relación
 entre los vivientes
 Por que tú entre tus compañeros del bosque
 tienes derecho
 a sentarte y a acostarte

¡Te saludo!
 ¡Mi pobre arce!
 Perdona que te haya ofendido
 Tu vestimenta tiene un aspecto andrajoso
 pero serás
 recompuesto como nuevo

Abril, por su cuenta
 dejara crecer la verde capucha
 y silenciosamente
 con un cariñoso abrazo
 te envolverá con una enredadera.

Y hacia ti saldrá una muchacha
 y te regará con el agua de un pozo
 para que en el adusto octubre
 tú puedas luchar contra las ventiscas

Y por la noche
 surgirá la luna.
 No se la habían zampado los perros:
 tan solo no estaba visible
 por culpa de las sangrientas
 disputas humanas.

Pero las peleas desaparecieron
 y he aquí
 que ella con su tinte limonado
 a los árboles, engalanados en su verdura
 un resonante resplandor
 rocía

Así pues, canta pecho mío
 ¡Primavera!
 ¡Conmuévete, con nuevas

Стихами!
Я нынче, отходя ко сну,
Не поругаюсь
С петухами.

poesías!
Yo, ahora, alejándome del sueño
no me peleo
con los gallos.

Земля, земля!
Ты не металл, -
Металл ведь
Не пускает почку.
Достаточно попасть
На строчку,
И вдруг -
Понятен "Капитал".

¡Tierra, tierra!
Tú no eres de metal
Por que el metal
no suelta la gema
Es suficiente
con dar con la línea
y de repente
se entiende el "Capital"

1924 (PyP, página 272)

БАТУМ

BATUM

Корабли плывут
В Константинополь.
Поезда уходят на Москву.
От людского шума ль
Иль от скопа ль
Каждый день я чувствую
Тоску.

Los barcos navegan
a Constantinopla.
los trenes parten para Moscú.
Del griterío de la muchedumbre
o de la aglomeración
cada día siento
tristeza.

Далеко я,
Далеко заброшен,
Даже ближе
Кажется луна.
Пригоршнями водяных горошин
Плещет черноморская
Волна.

Yo estoy lejos,
lejos abandonado,
incluso la luna
parece estar más cerca,
Como puñados de acuáticos granos de guisante
salpica
la ola del Mar Negro

Каждый день
Я прихожу на пристань,
Провожаю всех,
Кого не жаль,
И гляжу все тягостней
И пристальной
В очарованную даль.

Cada día
yo me acerco al muelle,
acompaño a todos,
a quién no lo siente,
y todo lo miro con pena
y con atención
en la fascinante lejanía.

Может быть, из Гавра
Иль Марселя
Приплывет
Луиза иль Жаннет,
О которых помню я
Доселе,

Puede ser que, desde el Havre
o desde Marsella
llega en barco
Luisa o Janette,
sobre las que yo aún
me acuerdo,

Но которых
Вовсе — нет.

pero de ellas
absolutamente nada.

Запах моря в привкус
Дымно-горький,
Может быть,
Мисс Митчел
Или Клод
Обо мне вспомнят
В Нью-Йорке,
Прочитав сей вещи перевод.

El deje amargo-humoso
del aroma marino,
puede ser,
miss Mitchel
o Klod,
ambos me recuerdan
en Nueva-York
leyendo de esto la traducción.

Все мы ищем
В этом мире буром
Нас зовущие
Незримые следы.
Не с того ль,
Как лампы с абажуром,
Светятся медузы из воды?

Todos nosotros buscamos
en este tormentoso mundo
las huellas invisibles
que nos atraen.
¿No es por esto,
que como lámparas con pantalla
resplandecen las medusas desde el agua?

Оттого
При встрече иностранки
Я под скрипы
Шхун и кораблей
Слышу голос
Плачущей шарманки
Иль далекий
Окрик журавлей.

Porque
al encuentro de una extranjera
yo bajo el crujido
de las goletas y de los barcos
oigo la voz
del organillo que llora
o el grito lejano
de las grullas.

Не она ли это?
Не она ли?
Ну да разве в жизни
Разберешь?
Если вот сейчас ее
Догнали
И умчали
Брюки клеш.

¿No es ella?
¿No es ella?
¿Pero sí, realmente
la vida se revive?
Si he aquí que ahora a ella
la alcanzaron
y le llevaron a toda prisa
los pantalones chanchullos.

Каждый день
Я прихожу на пристань,
Провожая всех,
Кого не жаль,
И гляжу все тягостней
И пристальной
В очарованную даль.

Cada día
yo me acerco al muelle,
acompañó a todos,
a quién no lo siente,
y todo lo miro con pena
y con atención
en la fascinante lejanía

А другие здесь
Живут иначе.

Y aquí hay otros
que viven de otra forma.

И недаром ночью
Слышен свист,—
Это значит,
С ловкостью собачьей
Пробирается контрабандист.

y no en vano por la noche
se oye un silbido,-
lo que significa,
que con destreza perruna
se cuela un contrabandista.

Пограничник не боится
Быстри.
Не уйдет подмеченный им
Враг,
Оттого так часто
Слышен выстрел
На морских, соленых
Берегах

El carabinero no teme
los chicos rápidos.
No se escapará el enemigo
descubierto por él,
He aquí porque con tanta frecuencia
se oye un disparo
en las saladas orillas de los mares.

Но живуч враг,
Как ни вздынь его,
Потому синее
Весь Батум.
Даже море кажется мне
Индиго
Под бульварный
Смех и шум.

Pero el enemigo es vivaz,
pero de todas formas zúrrale,
porque azulea
todo Batum.
Incluso el mar me parece
de añil
bajo las risas y la algarabía
del bulevar.

А смеяться есть чему
Причина.
Ведь не так уж много
В мире див.
Ходит полоумный
Старичина,
Петуха на темень посадив.

Y hay razones
por las que reír.
Pues en el mundo no hay
tantas divas.
Pasea el chiflado
viejecito,
metiendo al gallo en la oscuridad.

Сам смеясь,
Я вновь иду на пристань,
Провожая всех,
Кого не жаль,
И гляжу все тягостней
И пристальной
В очарованную даль.

Yo mismo de nuevo
sonriendo me voy al muelle
acompañó a todos,
a quién no lo siente,
y todo lo miro con pena
y con atención
en la fascinante lejanía

1924 (ПуP, página 274)

ПЕРСИДСКИЕ МОТИВЫ (1924-1925)

MOTIVOS PERSAS

Улеглась моя былая рана —
 Пьяный бред не гложет сердце мне.
 Синими цветами Тегерана
 Я лечу их нынче в чайхане.

Se curó mi antigua herida
 El ebrio delirio no me roe el corazón.
 Con las azules flores de Teherán, yo ahora
 los curo en una chaijana (*salón de té de Asia Central*).

Сам чайханщик с круглыми плечами,
 Чтобы славилась пред русским чайхана,
 Угощает меня красным чаем
 Вместо крепкой водки и вина.

El mismo dueño con redondos brazos,
 para que la chaijana se haga famosa ante los
 rusos, me obsequia con un té rojo.
 en lugar de con un fuerte vodka o de un vino

Угощай, хозяин, да не очень.
 Много роз цветет в твоём саду.
 Незадаром мне мигнули очи,
 Приоткинув черную чадру.

Obsequia, patrón, pero no en exceso..
 Muchas rosas florecen en tu jardín.
 No en vano me parpadearon los ojos,
 habiendo entreabierto el negro velo.

Мы в России девушек весенних
 На цепи не держим, как собак,
 Поцелуям учимся без денег,
 Без кинжальных хитростей и драк.

Nosotros en Rusia a las damas primaverales
 no las encadenamos, como a los perros,
 aprendemos a besar no por dinero, sin riñas
 ni picardías de puñales.

Ну, а этой за движенья стана,
 Что лицом похожа на зарю,
 Подарю я шаль из Хороссана
 И ковер ширазский подарю.

Y bien, y con esto para el movimiento del talle
 que por su aspecto es parecido al alba
 yo regalaré un chal de Jorasán
 y regalaré una alfombra de Chiraz.

Наливай, хозяин, крепче чаю,
 Я тебе вовеки не солгу.
 За себя я нынче отвечаю,
 За тебя ответить не могу.

Vierte, patrón, un té aún más fuerte,
 yo a ti nunca te mentiré.
 Por mí mismo yo ahora te contesto,
 por ti no puedo contestar.

И на дверь ты взглядывай не очень,
 Все равно калитка есть в саду...
 Незадаром мне мигнули очи,
 Приоткинув черную чадру.

Y no mires mucho a la puerta,
 no importa hay una puertecilla en el jardín...
 no en vano me han parpadeado los ojos
 habiendo alzado el velo negro

(*PyP, página 278*)

Я спросил сегодня у менялы,
 Что даёт за полтумана по рублю,
 -
 Как сказать мне для прекрасной Лалы
 По-персидски нежное "люблю"?

Hoy le he preguntado a un banquero,
 ¿cuántos semitumanes (antigua moneda iraní)
 dan por un rublo?,
 ¿cómo debo yo decirle tiernamente en persa
 "te quiero" a la bella Lala?

Я спросил сегодня у менялы,
 Легче ветра, тише Ванских струй,
 -
 Как назвать мне для прекрасной Лалы
 Слово ласковое "поцелуй"?

Hoy le he preguntado a un banquero,
 más ligero que el viento, más silencioso
 que las corrientes del Van.
 ¿cómo debo decirle a la guapa Lala
 la cariñosa palabra "bésame"?

И ещё спросил я у менялы,
В сердце робость глубже притая,
Как сказать мне для прекрасной Лалы,
Как сказать ей, что она "моя"?

Y también le pregunté al banquero,
en el corazón la timidez es más profunda que el disimulo.
¿cómo debo decirle a la hermosa Lala,
cómo decirle que ella es "mía"?

И ответил мне меняла кратко:
О любви в словах не говорят,
О любви вздыхают лишь украдкой,
Да глаза, как яхонты, горят.

Y el banquero simplemente me contestó:
que el amor no se expresa con palabras,
que el amor se suspira solo a escondidas,
y cuando los ojos arden como rubíes.

Поцелуй названья не имеет,
Поцелуй не надпись на гробах.
Красной розой поцелуи рдеют,
Лепестками тая на губах.

No hay palabras para el beso.
"Beso" no esta esculpido en las tumbas.
Los besos se ruborizan con un rojo rosal,
derritiéndose con los pétalos en los labios.

От любви не требуют поруки,
С нею знают радость и беду.
"Ты - моя" сказать лишь могут руки,
Что срывали чёрную чадру.

Al amor no le exigen garantías,
con él se conocen la alegría y la tristeza.
"Tú eres mía" solo lo pueden decir las manos
que han arrancado el velo negro.

(PyP, página 279)

Шаганэ ты моя, Шаганэ!
Потому, что я с севера, что ли
Я готов рассказать тебе поле
Про волнистую рожь при луне.
Шаганэ ты моя, Шаганэ.

¡Tú mi Shagané, Shagané
Acaso porque yo vengo del norte,
yo campo estoy dispuesto a contarte,
del ondulante centeno a la luna.
Tú mí Shagané, Shagané.

Потому, что я с севера, что ли,
Что луна там огромней в сто раз,
Как бы ни был красив Шираз,
Он не лучше рязанских раздолий.
Потому, что я с севера, что ли.

Acaso, porque yo vengo del norte,
donde la luna es allá cien veces más grande,
por mucho que Shiraz fuera hermoso,
no sería mejor que las vastas extensiones de Riazan,
acaso, porque yo vengo del norte

Я готов рассказать тебе поле,
Эти волосы взял я у ржи,
Если хочешь, на палец вяжи —
Я нисколько не чувствую боли.
Я готов рассказать тебе поле.

Yo campo estoy dispuesto a contarte,
yo cogí estos cabellos del centeno,
si quieres, enróllalos en el dedo-
Yo no siento dolor en absoluto.,
Yo campo estoy dispuesto a contarte.

Про волнистую рожь при луне
По кудрям ты моим догадайся.
Дорогая, шути, улыбайся,
Не буди только память во мне
Про волнистую рожь при луне.

Sobre el ondulante centeno a la luna
date cuenta de mis rizos.
Bromea querida, riéte,
no evoques en mí solo el recuerdo
del ondulado centeno a la luna.

Шаганэ ты моя, Шаганэ!
Там, на севере, девушка тоже,
На тебя она страшно похожа,
Может, думает обо мне...
Шаганэ ты моя, Шаганэ.

¡Shagane, tú mi Shagané!
Allá , en el norte, también una mujer,
que se parece terriblemente a ti,
puede ser, que piense en mí
Shagané, tú mí Shagané

1924 (PyP, página 280)

Ты сказала, что Саади
 Целовал лишь только в грудь.
 Подожди ты, Бога ради,
 Обучусь когда-нибудь!

Ты пропела: «За Ефратом
 Розы лучше смертных дев».
 Если был бы я богатым,
 То другой сложил напев.

Я б порезал розы эти,
 Ведь одна отрада мне —
 Чтобы не было на свете
 Лучше милой Шаганэ.

И не мучь меня заветом,
 У меня заветов нет.
 Коль родился я поэтом,
 То целуюсь, как поэт.

Tú dijiste que Saadi
 besaba solo en el pecho.
 ¡Esperate! ¡Gracias a Dios,
 que algún día aprenderé!

Tú cantaste: “Más allá del Eufrates,
 son mejores las rosas que las mortales doncellas”
 Si yo fuera rico,
 entonces habría compuesto otra melodía.

Yo estas rosas cortarí
 pues un placer yo tendría:
 que en el mundo no existiera,
 nada mejor que mi Shagané querida

No me tortures con un mandamiento.
 Yo no tengo mandamientos.
 y ya que nací poeta
 besaré como poeta.

19 de diciembre de 1924 (PyP, página 281)

Никогда я не был на Босфоре,
 Ты меня не спрашивай о нем.
 Я в твоих глазах увидел море,
 Полыхающее голубым огнем.

Не ходил в Багдад я с караваном,
 Не возил я шелк туда и хну.
 Наклонись своим красивым станом,
 На коленях дай мне отдохнуть.

Или снова, сколько ни проси я,
 Для тебя навеки дела нет
 Что в далеком имени - Россия -
 Я известный, признанный поэт.

У меня в душе звенит тальянка,
 При луне собачий слышу лай.
 Разве ты не хочешь, персиянка,
 Увидать далекий синий край?

Я сюда приехал не от скуки -
 Ты меня, незримая, звала.
 И меня твои лебяжьи руки
 Обвивали, словно два крыла.

Yo jamás estuve en el Bósforo,
 No me preguntes por él.
 Yo vi en tus ojos el mar,
 ardiendo como un fuego azul

Yo no me fui a Bagdad con una caravana
 No me llevé allí, ni alheña, ni seda.
 Agáchate con tu hermoso busto
 y de rodillas déjame descansar

Y otra vez, por mucho que te lo pida,
 nunca tienes en cuenta
 que en un lejano lugar-Rusia
 yo soy un poeta famoso y reconocido

En mi alma suena un acordeón,
 bajo la luna escucho el ladrido de un perro.
 ¿Realmente, tú persita no quieres
 ver un lejano país azul?

Yo no llegué aquí por fastidio.
 Tú, sin que yo te viera, me llamaste,
 y tus manos de cisne
 como dos alas me envolvieron.

Я давно ищу в судьбе покоя,
И хоть прошлой жизни не клянусь,
Расскажи мне что-нибудь такое
Про твою веселую страну.

Заглуши в душе тоску тальянки,
Напой дыханьем свежих чар,
Чтобы я о дальней северянке
Не вздыхал, не думал, не скучал.

И хотя я не был на Босфоре -
Я тебе придумаю о нем.
Все равно - глаза твои, как море,
Голубым колышутся огнем.

Desde hace tiempo yo busco en mi destino la tranquilidad,
y aunque no maldigo de mi vida pasada,
cuéntame algo parecido
sobre tu alegre país

Ahoga en el alma la tristeza del acordeón.
Absorbe las burbujas de las copas frías al brindar,
para que yo por una lejana siberiana
No suspire, no piense, no me añore.

Y aunque yo nunca estuve en el Bósforo,
yo me lo inventaré para ti.
Da lo mismo, tus ojos, como el mar,
se agitan como un fuego azul.

21 de diciembre de 1924 (PyP, página 282)

Свет вечерний шафранного края,
Тихо розы бегут по полям.
Спой мне песню, моя дорогая,
Ту, которую пел Хаям.
Тихо розы бегут по полям.

Лунным светом Шираз осиянен,
Кружит звезд мотыльковый рой.
Мне не нравится, что персияне
Держат женщин и дев под чадрой.
Лунным светом Шираз осиянен.

Иль они от тепла застыли,
Закрывая телесную медь?
Или, чтобы их больше любили,
Не желают лицом загореть,
Закрывая телесную медь?

Дорогая, с чадрой не дружись,
Заучи эту заповедь вкратце,
Ведь и так коротка наша жизнь,
Мало счастьем дано любоваться.
Заучи эту заповедь вкратце.

Даже все некрасивое в роке
Осняет своя благодать.
Потому и прекрасные щеки
Перед миром грешно закрывать,
Коль дала их природа-мать.

Тихо розы бегут по полям.
Сердцу снится страна другая.
Я спою тебе сам, дорогая,

La luz de la tarde del país del azafrán,
Silenciosamente las rosas corren por los campos.
Querida mía, cántame la canción,
aquella que cantó Jaiam.
Silenciosamente las rosas corren por los campos.

Shiraz se ilumina con la luz de la luna,
con la de las estrellas revolotea un enjambre de mariposas
No me gusta que los persas
impongan el chador a las mujeres y a las doncellas.
Shiraz se ilumina con la luz de la luna.

¿O bien ajetreadas por el calor,
recubriendo el cobre corporal?
¿O bien, para que más las amen
no desean que arda su cara,
recubriendo el cobre corporal.

Querida, no seas amiga del chador,
apréndete este mandamiento con pocas palabras,
pues nuestra vida es tan corta,
que hay que enamorarse con un poco de felicidad.
Apréndete este mandamiento con pocas palabras.

Hasta todo lo desagradable que la vida nos depara,
lo ensombrece su felicidad,
porque también está mal esconder
ante el mundo las hermosas mejillas.
si se las da la madre-naturaleza.

Silenciosamente las rosas corren por los campos.
El corazón sueña con otro país.
Yo mismo te cantaré, querida,

То, что сроду не пел Хаям...
Тихо розы бегут по полям.

lo que nunca cantó Jaïam...
Silenciosamente las rosas corren por los campos.

1924 (PyP, página 283)

1925

Воздух прозрачный и синий,
Выйду в цветочные чащи
Путник, в лазурь уходящий
Ты не дойдешь до пустыни
Воздух прозрачный и синий

El aire es celeste y transparente
saldré a las fragosidades florales.
Caminante que partes hacia el azul
tú no llegarás hasta el desierto
El aire es celeste y transparente

Лугом пройдешь, как садом
Садом в цветенье диком
Ты не удержишься взглядом
Чтоб не припасть к гвоздикам
Лугом пройдешь, как садом

Pasearas por un prado como si fuera un jardín
Por un jardín en polen salvaje.
Tú no mantendrás la mirada
para no caer sobre los claveles
pasearas por un prado, como si fuera un jardín..

Шепот ли, шорох иль шелесть
Нежность, как песни Саади
Вмиг отразится во взгляде
Месяца желтая прелесть
Нежность, как песни Саади.

O cuchicheo, o susurro, o murmullo.
Ternura como en las canciones de Saadi
de repente se refleja en la mirada
el hechizo amarillento de la luna
Ternura en las canciones de saadi

Голос раздастся пери
Тихий, как флейта Гассана
В крепких объятиях стана
Нет ни тревог, ни потери
Только лишь флейта Гассана

Se oye la voz de una Peri (la bella alada)
suave como la flauta de Hassan.
Cuando dos cuerpos se abrazan fuertemente,
no hay ni pérdidas ni amenazas,
tan solo la flauta de Hassan

Вот он, удел желанный
Всех, кто в пути устали
Ветер благоуханный
Пью я сухими устами
Ветер благоуханный
1925 (PyP, página 284)

Helo aquí, el reino de los deseos,
de todos los que por el camino se agotaron
El aromado viento
lo bebo con los labios secos
el aromado viento.

Золото холодное луны,
Запах олеандра и левкоя
Хорошо бродить среди покоя
Голубой и ласковой страны.

El gélido oro de la luna,
el aroma de la adelfa y del alhelí.
El agradable vagar por la tranquilidad
de este azul y entrañable país.

Далеко-далече там Багдад
Где жила и пела Шахразада
Но теперь ей ничего не надо
Отзвенел давно звеневший сад

Allá, lejos, muy lejos Bagdad,
donde vivía y cantaba Shajrazada.
Pero ahora ya nada necesita.
Cesó de cantar el jardín ruidoso

Призраки далекие земли
Поросли кладбищенской травой
Ты же, путник, мертвым не внемли
Не склоняйся к плитам головою

Fantasmas de tierras lejanas,
se envolvieron en la hierba del cementerio.
y tú viajero, no escuchaste a los muertos.
no inclinaste tu rostro ante las tumbas.

Оглянись, как хорошо кругом
Губы к розам так и тянет, тянет
Помиришь лишь в сердце со врагом -
И тебя блаженством ошафранит

Mira com el entorno es tan bello:
que acerca los labios a las rosas
Reconciliate tan solo en el corazón con tu enemigo
y te azafranará con al felicidad.

Жить – так, жить, любить - так уж влюбляться
В лунном золоте целуйся и гуляй,
Если ж хочешь мертвым поклоняться
То живых тем сном не отравляй

Vivir, vivir así; amar, enamorarse así
Bajo el oro de la noche, besa y pasea,
Si quieres venerar a los muertos,
no envenenes a los vivos con este sueño.

Это пела даже Шахразада,-
Так вторично скажет листьев медь
Тех, которым ничего не надо
Только можно в мире пожалеть

Esto lo cantaba también Shajrazaba-
y también habla el cobre de las hojas,
de los que nada necesitan
en este mundo tan solo se puede sentir lástima

1925 (Рур, página 285)

В Хороссане есть такие двери,
Где обсыпан розами порог.
Там живет задумчивая пери
В Хороссане есть такие двери
Но открыть те двери я не мог
У меня в руках довольно силы
В волосах есть золото и медь
Голос пери нежный и красивый

En Jorasán hay tales puertas,
En las que el umbral está cubierto de rosas.
Allí vive una soñadora Peri.
En Jorasán hat tales puertas
pero abrirlas no podía.
Y en mis manos tengo fuerzas suficientes,
en los cabellos tengo cobre y oro
la voz de Peri es bella y cariñosa

У меня в руках довольно силы
Но дверей не смог я отпереть
Ни к чему в любви моей отвага
И зачем? Кому мне песни петь? —
Если стала неревнивой Шага
Коль дверей не смог я отпереть
Ни к чему в любви моей о
Мне пора обратно ехать в Русь
-

En mis manos tengo fuerzas suficiirntes
pero las puertas no las pude abrir.
¿Para nada, mi valentía en el amor?
¿Para qué? ¿Para qué cantar canciones?
Si Shaga no estuviera celosa,
si yo pudiera abrir las puertas,
para nada mi valentía en el amor.
Me ha llegado el momento de volver de nuevo-
a la Rus.

Персия! Тебя ли покидаю?
Навсегда ль с тобою расстанюсь
Из любви к родимому мне краю?
Мне пора обратно ехать в Русь
-

¡Persia! ¿Te estoy abandonando?
¿Me separaré para siempre de tí
Por el amor a mi país natal?
Me ha llegado el momento de volver de nuevo
a la Rus.
Adiós. Peri, adiós,
pues las puertas no las pude abrir
Tú me diste un hermoso sufrimiento
En mi patria yo cantaré de tí
Adiós Peri, adiós.

До свиданья, пери, до свиданья,
Пусть не смог я двери отпереть,
Ты дала красивое страданье,
Про тебя на родине мне петь
До свиданья, пери, до свиданья
Marzo de 1925 (Рур, página 286)

Голубая родина Фирдуси,

Ты не можешь, памятью простыв
 Позабыть о ласковом уресе
 Голубая родина Фирдуси

Хороша ты, Персия, я знаю
 Розы, как светильники, горят
 И опять мне о далеком крае
 Свежестью упругой говорят
 Хороша ты, Персия, я знаю

Я сегодня пью в последний раз
 Ароматы, что хмельны, как брага.
 И твой голос, дорогая Шага
 В этот трудный расставанья час
 Слушаю в последний раз

Но тебя я разве позабуду?
 И в моей скитальческой судьбе
 Близкому и дальнему мне люду
 Буду говорить я о тебе
 И тебя навеки не забуду.

Я твоих несчастий не боюсь
 Но на всякий случай твой угрюмый
 Оставляю песенку про Русь
 Запевая, обо мне подумай
 И тебе я в песне отзовусь

Marzo de 1925 (PyP, página 287)

БЫТЬ ПОЭТОМ — это значит то же,
 Если правды жизни не нарушить,
 Рубцевать себя по нежной коже,
 Кровью чувств ласкать чужие души.

БЫТЬ ПОЭТОМ — значит петь раздолье,
 Чтобы было для тебя известней.
 Соловей поет — ему не больно,
 У него одна и та же песня.

Канарейка с голоса чужого —
 Жалкая, смешная побрякушка.
 Миру нужно песенное слово
 Петь по-свойски, даже как лягушка.

Магомет перехитрил в Коране,
 Запрещая крепкие напитки.
 Потому поэт не перестанет
 Пить вино, когда идет на пытки.

Patria azul de Firdusi,
 tú puedes enfriando los recuerdos,
 olvidarte del cariñoso ruso
 y de los ojos ingenuos y soñadores.

Tú eres hermosa Persia, lo sé,
 las rosas arden como un candil
 y de nuevo sobre el lejano país
 un ligero frescor me hablará.
 Tú eres hermosa, Persia, lo sé

Hoy bebo por última vez,
 aromas , espirituosos, de cerveza.
 y tu voz, querida Shaga,
 en esta difícil hora de la separación
 la escucho por última vez,

¿Pero de verdad te olvidaré?
 y en mi errante destino
 a la gente próxima y lejana
 yo le hablaré de ti.
 y jamás te olvidaré

No temo tus desdichas
 pero en todos tus malos momentos
 dejaré una cancioncita sobre la Rus,
 Cuando cantes , piensa en mí,
 y yo en mi canción te llamaré...

Ser poeta, también significa,
 si no falseamos las verdades de la vida,
 cicatrizarse en la suave piel,
 acariciar las almas ajenas con la sangre de los
 sentimientos. ---

Ser poeta es cantar la libertad,
 para que tú mejor sepas,
 que el ruiseñor canta-no sufre,
 que siempre recita la misma canción.

Un canario canta con una voz ajena,
 es un sonajero triste y divertido.
 El mundo necesita que las palabras de una canción. sean
 cantadas por uno mismo, como incluso hacen las ranas.

Mahoma con astucia en el Corán
 prohibió las fuertes bebidas.
 Por eso el poeta no dejará
 de beber vino cuando al tormento se encamine.

И когда поэт идет к любимой,
А любимая с другим лежит на ложе,
Влагою живительной хранимый,
Он ей в сердце не запустит ножик.

Но, горя ревнивою отвагой,
Будет вслух насвистывать до дома:
«Ну и что ж! помру себе бродягой.
На земле и это нам знакомо».

Agosto de 1925 (PyP, página 288)

Руки милой - пара лебедей -
В золоте волос моих ныряют.
Все на этом свете из людей
Песнь любви поют и повторяют.

Пел и я когда-то далеко
И теперь пою про то же снова,
Потому и дышит глубоко
Нежностью пропитанное слово.

Если душу вылюбить до дна,
Сердце станет глыбой золотою.
Только тегеранская луна
Не согреть песни теплотою.

Я не знаю, как мне жизнь прожить:
Догореть ли в ласках милой Шаги
Иль под старость трепетно тужить
О прошедшей песенной отваге?

У всего своя походка есть:
Что приятно уху, что - для глаза.
Если перс слагает плохо песнь,
Значит, он вовек не из Ширази.

Про меня же и за эти песни
Говорите так среди людей:
Он бы пел нежнее и чудесней,
Да сгубила пара лебедей.

Agosto de 1925 (PyP, página 289)

«Отчего луна так светит тускло
На сады и стены Хороссана?
Словно я хожу равниной русской
Под шуршащим пологом тумана»,—

Y cuando el poeta se va a por su querida
y su querida yace con otro en el lecho
conservando la vivificante humedad
a ella no le clavará un puñal en el corazón

Pero ardiendo en celosa audacia
irá hasta su casa gritando fuertemente:
”¡Pero y qué! me moriré como un vagabundo.
y esto lo sabemos todos los de este mundo”

Las manos de la querida-una pareja de cisnes-
se zambullen en el oro de mis cabellos.
En este mundo, toda la gente
canta y canta una canción de amor

Lejos de aquí, alguna vez, yo también la canté.
y ahora, de nuevo, la vuelvo a cantar,
porque también respira profunda
y tiernamente la impregnada palabra.

Si al enamorarse hasta el fondo del alma,
el corazón se convierte en un témpano de oro,
tan solo la luna de Teherán
no lo calentará con el ardor de la canción

Yo no sé como seguir viviendo:
¿O me apagaré en las cenizas de la querida Shaga,
o con la vejez, me afligiré temblando
con la audacia de las antiguas canciones?

Todo tiene su recorrido:
Lo que es bueno para el oído, lo es también para los ojos
Si un persa compone una mala canción,
es evidente, que nunca será de Shiraza

Sobre mí y por estas canciones,
hablad así entre las gentes:
Él cantaría con más cariño y con más elegancia
y sería zambullido por una pareja de cisnes.

“¿Porqué luce tan opaca la luna,
en los jardines y en las tapias de Jorasán?
Como me paseo por la llanura rusa
bajo la susurrante cortina de la niebla”

Так спросил я, дорогая Лала,
У молчащих ночью кипарисов,
Но их рать ни слова не сказала,
К небу гордо головы завесив.

Yo pregunté, querida Lala,
por la noche, a los silenciosos cipreses,
pero su hueste no dijo ni una sola palabra,
alargando orgullosamente sus copas hacia el cielo.

«Отчего луна так светит грустно?» —
У цветов спросил я в тихой чаше,
И цветы сказали: «Ты почувствуй
По печали розы шелестящей».

“¿Porqué la luna luce tan tristemente?”
les pregunté yo a las flores en la silenciosa espesura.
y las flores contestaron:”Tú siéntelo
por la pena de las rosas susurrantes.”

Лепестками роза расплескалась,
Лепестками тайно мне сказала:
«Шаганэ твоя с другим ласкалась,
Шаганэ другого целовала.

La rosa se derrama con los pétalos,
escondiéndose con los pétalos me dijo:
“Tu Shagané con otro se acariciaba,
Shagané con otro se besaba.

Говорила: „Русский не заметит...“
Сердцу — песнь, а песне — жизнь и тело..
-
Оттого луна так тускло светит,
Оттого печально побледнела».

Y ella dijo:”El ruso no lo notará...”
Para el corazón-una canción, y para la canción
el cuerpo y la vida
Por esto luce opaca la luna,
Por esto tristemente palidece.

Слишком много виделось измены,
Слез и мук, кто ждал их, кто не хочет.

Demasiados cambios han aparecido.
Las lágrimas y los tormentos, quién los esperaba,
quién no los quiere.

.....
Но и все ж вовек благословенны
На земле сиреневые ночи.

.....
Pero a pesar de todo son bienvenidos para siempre
Noches lilas en la tierra

Agosto de 1925 290 (PyP, página 290)

Глупое сердце, не бойся!
Все мы обмануты счастьем,
Нищий лишь просит участия...
Глупое сердце, не бойся.

¡Un corazón profundo no se rompe!
Todos estamos confundidos con la felicidad.
Un pobre tan solo pide suerte...
Un corazón profundo no se rompe.

Месяца желтые чары
Льют по каштанам в пролесь.
Лале склонясь на шальвары,
Я под чадрую укроюсь.
Глупое сердце, не бойся.

Las copas amarillas de la luna
chorrean sobre los castañas del bosque.
Inclinándome sobre Lala en pantalón corto,
yo me tapo con el chador.
Un corazón profundo no se rompe.

Все мы порою, как дети.
Часто смеемся и плачем:
Выпали нам на свете
Радости и неудачи.
Глупое сердце, не бойся.

A veces todos nosotros, como niños,
muchas veces nos reímos y lloramos:
En este mundo nos cayeron
la alegría y la mala suerte.
Un corazón profundo no se rompe.

Многие видел я страны.
Счастья искал повсюду,
Только удел желанный
Больше искать не буду.
Глупое сердце, не бейся.

Жизнь не совсем обманула.
Новой напьемся силой.
Сердце, ты хоть бы заснуло
Здесь, на коленях у милой.
Жизнь не совсем обманула.

Может, и нас отметит
Рок, что течет лавиной,
И на любовь ответит
Песнею соловьиной.
Глупое сердце, не бейся.

Agosto de 1925 (PyP, página 291)

Голубая да веселая страна.
Честь моя за песню продана.
Ветер с моря, тише дуй и вей —
Слышишь, розу кличет соловей?

Слышишь, роза клонится и гнется —
Эта песня в сердце отзовется.
Ветер с моря, тише дуй и вей —
Слышишь, розу кличет соловей?

Ты ребенок, в этом спора нет,
Да и я ведь разве не поэт?
Ветер с моря, тише дуй и вей —
Слышишь, розу кличет соловей?

Дорогая Гелия, прости.
Много роз бывает на пути,
Много роз склоняется и гнется,
Но одна лишь сердцем улыбнется.

Улыбнемся вместе, ты и я,
За такие милые края.
Ветер с моря, тише дуй и вей —
Слышишь, розу кличет соловей?

Голубая да веселая страна.
Пусть вся жизнь моя за песню продана,
Но за Гелию в тених ветвей
Обнимает розу соловей.

1925 (PyP, página 292)

Yo he visto muchos países.
Busqué la felicidad por todas partes
pero la suerte deseada,
no la volveré a buscar.
Un corazón profundo no se rompe.

La vida no engañó del todo.
Con renovada fuerza, nos emborracharemos.
Corazón, tú ojalá te durmieras
aquí, de rodillas junto a la amada .
La vida no engañó del todo.

Puede que también nos marcará
el destino, que avanza como una avalancha
y que contestará al amor,
con la canción de un ruiseñor.
Un corazón profundo no se rompe.

País alegre y azul.
Mi orgullo vendido por una canción.
El vientecillo del mar, sopla y resopla
¿Oyes cómo a la rosa le chilla el ruiseñor?

Oyes, la rosa se inclina y se doblega-
Esta canción llama al corazón.
El viento flojo del mar, sopla y resopla.
¿Oyes cómo esta canción le canta al ruiseñor?

¿Tú, sin duda, eres una niña,
y yo quizás no sea poeta?
El vientecillo del mar, sopla y resopla-
Oyes cómo a la rosa le canta al ruiseñor?

Querida Guelia, perdona.
Hay muchas rosas por el camino.
Muchas rosas se inclinan y se doblegan,
Pero tan solo una sonrío con el corazón.

Sonreímos juntos, tú y yo,
por estos queridos rincones.
El viento flojo del mar sopla y resopla-
¿Oyes cómo a la rosa le canta el ruiseñor?

País alegre y azul.
Aunque toda mi vida la haya vendido por una canción,
sin embargo por Guelia, bajo las sombras de las hojas,
a la rosa la abraza el ruiseñor.

1925

КАПИТАН ЗЕМЛИ

Еще никто
 Не управлял планетой,
 И никому
 Не пелась песнь моя.
 Лишь только он,
 С рукой своей воздетой,
 Сказал, что мир —
 Единая семья.

Не обольщен я
 Гимнами герою,
 Не трепещу
 Кровопроводом жил.
 Я счастлив тем,
 Что сумрачной порою
 Одними чувствами
 Я с ним дышал
 И жил.

Не то что мы,
 Которым все так
 Близко,—
 Впадают в диво
 И слоны...
 Как скромный мальчик
 Из Симбирска
 Стал рулевым
 Своей страны.

Средь рева волн
 В своей расчистке,
 Слегка суров
 И нежно мил,
 Он много мыслил
 По-марксистски,
 Совсем по-ленински
 Творил.

Нет!
 Это не разгулье Стеньки!
 Не пугачевский
 Бунт и трон!
 Он никого не ставил
 К стенке.
 Все делал
 Лишь людской закон.

EL CAPITÁN DE LA TIERRA

Nadie todavía
 ha gobernado el planeta
 y para nadie
 se cantó mi canción.
 tan solo él
 con su mano alzada
 dijo, que el mundo-
 es una sola familia

No me seducen
 los himnos al héroe,
 no me estremezco
 con la sangre que corre por las venas.
 Yo soy feliz
 de que en algunos sombríos momentos
 yo con los mismos sentimientos
 viví y respiré
 con él.

No todo aquello que nosotros
 tenemos
 a nuestro alrededor,-
 acaba en un milagro
 en los elefantes ...
 Como aquel humilde muchacho
 de Simbirsk
 que pasó a ser el presidente
 de su país.

Entre el zumbido de las olas
 en su claridad
 algo severo
 y cariñosamente amable,
 él mucho pensó
 como marxista,
 y actuó completamente
 como leninista.

¡No!
 ¡Este no es el desenfreno de la Pared!
 ¡No es la revuelta y el trono
 de Pugachev!
 Él a nadie puso
 contra la pared.
 Todo lo hizo
 exclusivamente de acuerdo con leyes humanas.

Он в разуме,
Отваги полный,
Лишь только прилегал
К рулю,
Чтобы об мыс
Дробились волны,
Простор давая
Кораблю.

Он — рулевой
И капитан,
Страшны ль с ним
Шквальные откосы?
Ведь, собранная
С разных стран,
Вся партия его —
Матросы.

Не трусь,
Кто к морю не привык:
Они за лучшие
Обеты
Зажгут,
Сойдя на материк,
Путеводительные светлы.

Тогда поэт
Другой судьбы,
И уж не я,
А он меж вами
Споет вам песню
В честь борьбы
Другими,
Новыми словами.

Он скажет:
«Только тот пловец,
Кто, закалив
В бореньях душу,
Открыл для мира наконец
Никем не виданную
Сушу».

Él siempre con sentido común,
lleno de valentía.
tan solo
cogió el timón,
para que contra el cabo
se rompieran las olas,
dejando un espacio
para el barco.

Él- presidente
y capitán,
¿terribles con él
los declives a ráfagas?
Pues, reunido
desde varios países
todo su partido-
marineros.

Pero que no tenga miedo
el que no está acostumbrados al mar:
ellos tras las mejores
promesas
encenderán
al bajar al continente
las luces del camino

Entonces un poeta
con otro destino,
y no precisamente yo,
sino uno de entre vosotros,
os cantará una canción
en honor de la guerra
con otras,
nuevas palabras.

Él os dirá:
“Tan solo aquel navegador,
que había endurecido
el alma en las batallas,
descubrió por fin para el mundo
una tierra firme
desconocida por todos

17 de enero 1925, Батум (ПуР, página 293)

ВОСПОМИНАНИЕ

Теперь октябрь не тот,
 Не тот октябрь теперь.
 В стране, где свищет непогода,
 Ревел и был
 Октябрь, как зверь,
 Октябрь семнадцатого года.

Я помню жуткий
 Снежный день.
 Его я видел мутным взглядом.
 Железная витала тень
 «Над омраченным Петроградом».

Уже все чуяли грозу,
 Уже все знали что-то,
 Знали,
 Что не напрасно, зная, везут
 Солдаты черепах из стали.

Рассыпались...
 Уселись в ряд...
 У публики дрожат поджилки...
 И кто-то вдруг сорвал плакат
 Со стен трусливой учредилки.

И началось...
 Метнулись взоры,
 Войной гражданской горя,
 И дымом пламенной «Авроры»
 Взошла железная заря.

Свершилась участь роковая,
 И над страной под вопли «матов»
 Взметнулась надпись огневая:
 «Совет Рабочих Депутатов».

1925 (ПуP, página 296)

Мой путь

Жизнь входит в берега.
 Села давнишний житель,
 Я вспоминаю то,
 Что видел я в краю.
 Стихи мои,
 Спокойно расскажите
 Про жизнь мою.

RECUERDOS

Ahora octubre no es aquel,
 no es aquel octubre.
 En el país, donde silba el mal tiempo
 zumbaba y aullaba
 octubre , como una fiera,
 el octubre del año diecisiete.

Yo recuerdo el siniestro
 día nevado.
 Yo lo vi con una turbia mirada.
 La plomiza sombra acechaba
 “Sobre el tenebroso Petrogrado”

Ya hacía tiempo que todos olfateaban la tormenta
 Ya hacía tiempo que todos algo sabían,
 sabían,
 que no era inútil, saber,
 que los soldados llevan tortugas (cascos) de acero

Se separaron ...
 se pusieron en fila...
 al público le temblaban las rodillas...
 y de repente alguien arrancó una pancarta
 de las paredes de la cobarde Asamblea constituyente”

Y todo empezó...
 se agitaron las miradas,
 ardiendo como una guerra civil
 y con el flameante humo del “Aurora”
 se levantó el alba plomiza.

Se cumplió la suerte fatídica y
 sobre un país bajo los clamores de los “mates (insultos)”
 se levantaron unas letras de fuego:
 “Consejo de los diputados obreros”

Mi camino

La vida se acerca a la orilla.
 Antiguo paisano de la aldea,
 yo recuerdo aquello ,
 que vi en el terruño
 Poesías mías,
 contad tranquilamente,
 sobre mi vida.

Изба крестьянская.
 Хомутный запах дегтя,
 Божница старая,
 Лампады кроткий свет.
 Как хорошо,
 Что я сберег те
 Все ощущение детских лет.

Под окнами
 Костер метели белой.
 Мне девять лет.
 Лежанка, бабка, кот...
 И бабка что-то грустное
 Степное пела,
 Порой зевая
 И крестя свой рот.

Метель редела.
 Под оконцем
 Как будто бы плясали мертвецы.
 Тогда империя
 Вела войну с японцем,
 И всем далекие
 Мерещились кресты.

Тогда не знал я
 Черных дел России.
 Не знал, зачем
 И почему война.
 Рязанские поля,
 Где мужики косили,
 Где сеяли свой хлеб,
 Была моя страна.

Я помню только то,
 Что мужики роптали,
 Бранились в черта, ,
 В бога и в царя.
 Но им в ответ
 Лишь улыбались дали
 Да наша жидкая
 Лимонная заря.

Тогда впервые
 С рифмой я схлестнулся.
 От сонма чувств
 Вскуржилась голова.
 И я сказал:
 Коль этот зуд проснулся,
 Всю душу выплещу в слова.

La choza campesina.
 El tufo agobiante de la brea ,
 la vieja capilla,
 la débil luz de la lamparilla.
 Qué bien,
 que yo conservé,
 todas aquellas sensaciones de los años mozos.

Bajo las ventanas
 la hoguera de la blanca ventisca.
 Tengo nueve años.
 el poyo bajo la estufa, la abuelita, el gato...
 Y la abuelita cantaba
 algo triste, estepario,
 bostezando de vez en cuando
 y persignándose la boca

Rugía la ventisca
 bajo la ventanilla
 como si danzaran los difuntos.
 Entonces el imperio
 mantenía una guerra con los japoneses,
 y a todos se nos aparecían
 unas lejanas cruces

Entonces no conocía yo
 los turbios asuntos de Rusia.
 No conocía, el por qué
 y el para qué de la guerra.
 Los campos de Riazán
 donde los payeses segaban,
 donde sembraban su pan,
 era mi país.

Yo tan solo recuerdo,
 lo que los aldeanos murmuraban ,
 perjurando entre ellos contra el diablo
 contra dios y contra el zar.
 Pero como contestación
 tan solo obtenían, la sonrisa de los horizontes
 y de nuestra aurora
 de zumo de limón.

Entonces yo por primera vez
 me enganché con la rima.
 Desde la abundancia de los sentimientos
 perdiendo la cabeza
 yo también dije:
 que en cuanto esta picazón se despertase
 contagiaría a toda el alma en palabras

Года далекие,
Теперь вы как в тумане.
И помню, дед мне
С грустью говорил:
"Пустое дело...
Ну, а если тянет -
Пиши про рожь,
Но больше про кобыл".

Тогда в мозгу,
Влеченьем к музе сжатом,
Текли мечтанья
В тайной тишине,
Что буду я
Известным и богатым
И будет памятник
Стоять в Рязани мне.

В пятнадцать лет
Влюбил я до печенок
И сладко думал,
Лишь уединюсь,
Что я на этой
Лучшей из девчонок,
Достигнув возраста, женюсь.
.....

Года текли.
Года меняют лица -
Другой на них
Ложится свет.
Мечтатель сельский -
Я в столице
Стал перwokласснейший поэт

И, заболел
Писательскою скукой,
Пошел скитаться я
Средь разных стран,
Не веря встречам,
Не томясь разлукой,
Считая мир весь за обман.

Тогда я понял,
Что такое Русь.
Я понял, что такое слава.
И потому мне
В душу грусть
Вошла, как горькая отравка.

Años lejanos,
ahora estáis como entre la niebla.
Y recuerdo, que mi padre
me dijo con tristeza:
"Asunto vacío...
pero, que si sigue adelante,-
escribe sobre el centeno.
y aún más sobre las yeguas"

Entonces en le cerebro
con apretada atracción hacia la musa
rezumaron ensueños
en la recóndita oscuridad,
de que yo seré
rico y célebre
y que un monumento
se levantará para mí en Riazán.

A los quince años
me enamoré de repente hasta los hígados
y dulcemente pensé,
tan solo en apartarme,
que yo con esta
con la mejor de las muchachas,
cuando tenga la edad, me casaré.
.....

Corrieron los años.
Los años cambiaron de cara-
sobre ellos
una distinta luz.
Aldeano soñador-
yo en la capital
me convertí en un poeta de primera línea.

Y habiendo caído enfermo
con el fastidio del escritor,
yo me puse a vagabundear
por diferentes países,
desengañado con en las reuniones
sin languidecer con la despedida
considerando que el mundo es un engaño.

Entonces yo comprendí,
lo que era la Rus.
Yo comprendí, lo que era la gloria.
Y porqué me entró
la angustia en el alma
como un amargo veneno.

На кой мне черт,
 Что я поэт!..
 И без меня в достатке дряни.
 Пускай я сдохну,
 Только...
 Нет,
 Не ставьте памятник в Рязани!

Россия... Царщина...
 Тоска...
 И снисходительность дворянства.
 Ну что ж!
 Так принимай, Москва,
 Отчаянное хулиганство.

Посмотрим -
 Кто кого возьмет!
 И вот в стихах моих
 Забила
 В салонный вылощенный
 Сброд
 Мочой рязанская кобыла.

Не нравится?
 Да, вы правы -
 Привычка к Лориган
 И к розам...
 Но этот хлеб,
 Что жрете вы, -
 Ведь мы его того-с...
 Навозом...

Еще прошли года.
 В годах такое было,
 О чем в словах
 Всего не рассказать:
 На смену царщине:
 С величественной силой
 Рабочая предстала рать.

Устав таскаться
 По чужим пределам,
 Вернулся я
 В родимый дом.
 Зеленокосая,
 В юбчонке белой
 Стоит береза над прудом.

¡Pero a mí, qué diablos,
 qué yo soy poeta!....
 Y sin mí id a la gran basura.
 ¡Aunque yo me muera,
 tan solo....
 no,
 no me levantéis una estatua en Riazán!

Rusia... el imperio de los zares....
 tristeza ...
 E indulgencia de la nobleza.
 ¡Pero qué!
 Recibe así, Moscú,
 al gamberrismo desesperado.

¡Veamos-
 Quién coge a quién!
 Y he aquí que en mis poesías
 una yegua de Riazán
 se puso salpicar con la orina
 a una gentuza
 petimetre de salón.

¿No os gusta)?
 Sí, teneis razón-
 es costumbre para Loringan
 y para las rosas...
 Pero este pan,
 que vosotros os zampáis
 en verdad realidad nosotros lo hicimos-con...
 estiércol...

Ya pasaron los años.
 En los años pasó aquello,
 acerca de todo lo cual
 no se puede expresar con palabras:
 para derrocar al imperio zarista:
 con una fuerza majestuosa
 apareció un ejército obrero.

Cansado de deambular
 por confines extraños,
 volvi yo
 a mi casa natal.
 con verdes trenzas,
 con faldita blanca
 se levanta el abedul sobre el estanque

Уж и береза!
 Чудная... А груди...
 Таких грудей
 У женщин не найдешь.
 С полей обрызганные солнцем
 Люди
 Везут навстречу мне
 В телегах рожь.

Им не узнать меня,
 Я им прохожий.
 Но вот проходит
 Баба, не взглянув.
 Какой-то ток
 Невыразимой дрожи
 Я чувствую во всю спину.

Ужель она?
 Ужели не узнала?
 Ну и пускай,
 Пускай себе пройдет...
 И без меня ей
 Горечи немало -
 Недаром лег
 Страдальчески так рот.

По вечерам,
 Надвинув ниже кепи,
 Чтобы не выдать
 Холода очей, -
 Хожу смотреть я
 Скошенные степи
 И слушать,
 Как звенит ручей.

Ну что же?
 Молодость прошла!
 Пора приняться мне
 За дело,
 Чтоб озорливая душа
 Уже по-зрелому запела.

И пусть иная жизнь села
 Меня наполнит
 Новой силой,
 Как раньше
 К славе привела
 Родная русская кобыла.

1925 (PyP, página 297)

¡Y qué decir del abedul!
 Maravilloso...y los pechos...
 Tales pechos
 no los encuentras en las mujeres.
 Desde los campos rociados por el sol
 las gentes
 traen a mí encuentro
 centeno en las carretas.

Para ellos no soy un conocido
 Para ellos yo soy un caminante
 pero he aquí que pasa
 una abuelita sin mirar
 una corriente
 de un inexpresable temblor
 se me sube por la espalda

¿Será posible ella?
 ¿Será posible que no se daba cuenta?
 Y bien qué,
 y bien que se vaya...
 y para ella sin mí
 muchas amarguras-
 no sin razón se quedó
 la boca tan doliente

Por las tardes,
 habiéndome encasquetado más abajo la visera
 para librar
 del frío a los ojos
 me gusta mirar
 las segadas estepas
 y escuchar
 como resuena el torrente.

¿Y bien qué?
 ¡Pasó la juventud!
 Ya es para mí el momento
 de que me ponga sobre el asunto,
 para que el alma bribona
 ya entone con madurez una canción.

Y que la vida distinta de la aldea
 me llene
 con fuerza nueva,
 como antes
 me condujo a la gloria
 la entrañable yegua rusa.

Несказанное, синее, нежное...

Тих мой край после бурь, после гроз,
И душа моя - поле безбрежное -
Дышит запахом меда и роз.

Я утих. Годы сделали дело,
Но того, что прошло, не кляню.
Словно тройка коней оголтелая
Прокатилась во всю страну.

Напылили кругом. Накопытили.
И пропали под дьявольский свист.
А теперь вот в лесной обители
Даже слышно, как падает лист.

Колокольчик ли? Дальнее эхо ли?
Все спокойно впивает грудь.
Стой, душа, мы с тобой проехали
Через бурный положенный путь.

Разберемся во всем, что видели,
Что случилось, что стало в стране,
И простим, где нас горько обидели

По чужой и по нашей вине.

Принимаю, что было и не было,
Только жаль на тридцатом году -
Слишком мало я в юности требовал
Забываясь в кабацком чаду.

Но ведь дуб молодой, не разжелудясь,
Так же гнется, как в поле трава...

Эх ты, молодость, буйная молодость,
Золотая сорвиголова!

1925 (ПуP, página 305)

Lo inefable, lo azul, lo tierno...

calmada está mi tierra tras la tormenta, tras la borrasca
y mi alma-campo infinito-
respira con el olor del cobre y de las rosas

Yo estoy tranquilo. Los años cumplieron con su trabajo,
pero no maldigo lo que pasó.
Como si una troika desbocada
diera vueltas por todo el país.

Levantaban el polvo a su alrededor. Dejaban surcos.
y desaparecieron con los silbidos del diablo.
Y he aquí que ahora en la ermita del bosque
hasta se oye, como caen las hojas.

¿Acaso es el campanario? ¿Es un eco lejano?
El pecho todo lo absorbe tranquilamente.
Mantente en pie, alma, contigo caminamos
a través de un accidentado camino.

Nos las arreglaremos con todo lo que vimos,
lo que ocurrió, en lo que se ha convertido el país,
y perdonaremos, allí donde amargamente
nos ofendieron
por nuestra culpa o por culpa ajena.

Acepto, lo que pasó y lo que no pasó,
yo tan solo siento con mis treinta años-
yo en la juventud demasiado poco exigí
amodorrándome en el tufo tabernario.

Pero al igual que el joven roble, que no se pelea
sino que se doblega, como la hierba en el campo...

¡Eh, tú, juventud, hirviente juventud,
dorada calavera!

ПЕСНЯ

Есть одна хорошая песня у соловушки –
Песня панихидная по моей головушке.

Цвела - забубённая, росла - ножевая,
А теперь вдруг свесилась, словно неживая.

LA CANCIÓN

El ruiseñor tiene una hermosa canción-
Una canción funeraria por mi cabecilla.

Floreció- creció juerguista-cuchillera,
y ahora de repente se tumbó-como sin vida.

Думы мои, думы! Боль в висках и темени. Промотал я молодость без поры, без времени.	¡Mis pensamientos, pensamientos! Dolor en las sienes y oscuridades. Despifarré sin cesar la juventud
Как случилось-стало, сам не понимаю. Ночью жесткую подушку к сердцу прижима -	Como ocurrió-así se quedó, yo mismo no lo entiendo. Por la noche aprieto contra el corazón una dura almohada.
Лейся, песня звонкая, вылей трель унылую. В темноте мне кажется - обнимаю милую.	Derrámate sonora canción, vierte el triste trino. Siento como si en la oscuridad abrazara a mi querida.
За окном гармоника и сиянье месяца. Только знаю - милая никогда не встретится.	Tras la ventana la armónica y el resplandor de la luna. tan solo sé que nunca encontraré a mi querida.
Эх, любовь-калинушка, кровь - заря вишневая, Как гитара, старая и, как песня, новая.	Eh, amor-sauquillo, sangre-alba gindalera como vieja guitarra y como canción nueva.
С теми же улыбками, радостью и муками, tormentos, Что певалось дедами, то поется внуками. -	Con las mismas sonrisas, con la alegría, y con los tormentos, con la que eras cantada por los abuelos, así serás cantada por los nietos
Пейте, пойте в юности, бейте в жизнь без промаха – Все равно любимая отцветет черемухой. -	Canta, canta en la juventud, bátete en la vida sin reserva. que de todos modos querida se marchita como un cerezo
Я отцвел, не знаю где. В пьянстве, что ли? В В молодости нравился, а теперь оставили.	Yo me marchité, no sé dónde. ¿Fue en las borracheras? Me gustaban en la juventud, pero ahora las he dejado.
Потому хорошая песня у соловушки, Песня панихидная по моей головушке.	Porque el ruiseñor tiene una hermosa canción, Una canción funeraria por mi cabecilla.
Цвела - забубённая, была - ножевая, А теперь вдруг свесилась, словно неживая.	Floreció- creció juerguista-cuchillera, y ahora de repente se tumbó-como sin vida.

1925 (PyP, página 306)

Ну, целуй меня, целуй, Хоть до крови, хоть до боли. Не в ладу с холодной волей Кипятки сердечных струй	Venga, bésame, besa, aunque llegue hasta la sangre, aunque llegue hasta el dolor Nada tiene que ver con una fría voluntad el agua hirviente de las corrientes del corazón.
Опрокинутая кружка Средь веселых не для нас. Понимай, моя подружка, На земле живут лишь раз!	Una copa que se pasea entre los juerguistas no es para nosotros. ¡Comprende amiga mía, en la tierra solo se vive una vez!
Оглядишь спокойным взором, Посмотри: во мгле сырой Месяц, словно желтый ворон, Кружит, вьется над землей.	Mira a tu alrededor con una tranquila mirada, fíjate: en la neblina, la húmeda luna, cual cuervo amarillo, da vueltas, se cierne serpentea sobre la tierra.

Ну, целуй же! Так хочу я.
Песню тлен пропел и мне.
Видно, смерть мою почуял
Тот, кто вьется в вышине.

¡Venga, pero besa!. Así lo quiero yo.
La podredumbre también a mí me cantó una canción.
Esta visto que olfateaba mi muerte
aquel que revoloteaba por las alturas

Увядающая сила!
Умирать так умирать!
До кончины губы милой
Я хотел бы целовать.

¡Marchita fuerza!
¡Morir, morir así!
Hasta el final yo quisiera
besar los labios de la amada.

Чтоб все время в синих дремах,
Не стыдись и не тая,
В нежном шелесте черемух
Раздавалось: «Я твоя».

Para que siempre en las azules modorras
no avergonzándome y sin disimular,
en el cariñoso susurro de los cerezos
resuene: “Yo soy tuya” .

И чтоб свет над полной кружкой
Легкой пеной не погас —
Пей и пой, моя подружка:
На земле живут лишь раз!

Y para que la luz sobre la jarra llena
con espuma ligera no vacie-
canta y bebe mi amiga:
¡En la tierra solo se vive una vez!

1925 (PyP, página 307)

1 МАЯ

1 DE MAYO

Есть музыка, стихи и танцы,
Есть ложь и лесть...
Пускай меня бранят за стансы —
В них правда есть.

Están la música, las poesías y las danzas,
están la mentira y la lisonja...
Aunque me regañen por las estrofas-
en ellas está la verdad.

Я видел праздник, праздник мая —
И поражен.
Готов был сгибнуть, обнимая
Всех дев и жен.

Yo asistí a la fiesta, la fiesta de mayo
y me quedé pasmado.
Estuve dispuesto a doblégame, abrazando a todas
las doncellas y señoras.

Куда пойдешь, кому расскажешь
На чье-то «хны»,
Что в солнечной купались пряхе
Балаханы?

Allí a donde fueras, a cualquiera con quien hablaras
¿nada les importaba les importaba
que bajo los rayos del sol se bañaran
los balajanes?

Ну как тут в сердце гимн не высечь,
Не впасть как в дрожь?
Гуляли, пели сорок тысяч
И пили тож.

¿Y bien cómo no labrar el himno aquí en el corazón,
cómo no sumirse en un estremecimiento?
Paseamos, cantamos cuarenta mil
y también bebimos.

Стихи! стихи! Не очень лефте!
Простей! Простей!
Мы пили за здоровье нефти
И за гостей.

¡Poesías! ¡Poesías! ¡No muy de izquierda!
¡Más sencillas! ¡Más sencillas!
Bebimos por la salud del petróleo
y por los visitantes

И, первый мой бокал вздымая,
Одним кивком
Я выпил в этот праздник мая
За Совнарком.

Второй бокал, чтоб так, не очень
Вдрезину лечь,
Я выпил гордо за рабочих
Под чью-то речь.

И третий мой бокал я выпил,
Как некий хан,
За то, чтоб не сгибалась в хрипе
Судьба крестьян.

Пей, сердце! Только не в упор ты,
Чтоб жизнь губя...
Вот потому я пил четвертый
Лишь за себя

1925 (ПуP, página308)

Y, levantando mi primera copa.
inclinando la cabeza,
yo brindé en esta fiesta de mayo
por el Consejo de Comisarios del Pueblo.

La segunda copa, con tal
de no caer demasiado en la borrachera,
yo la brindé orgullosamente por los obreros
al pronunciarse un discurso.

Y mi tercera copa la bebí (brindé),
como cualquier kan,
para que no se doblegara en estertores
el destino de los campesinos.

¡Canta, corazón! Tan solo porque tú no eres
la causa por la que se pierde la vida...
He aquí por lo que bebí la cuarta.
solo por mí.

Письмо к сестре

О Дельвиге писал наш Александр,
О черепе выласкивал он
Строки.
Такой прекрасный и такой далекий,
Но все же близкий,
Как цветущий сад!

Привет, сестра!
Привет, привет!
Крестьянин я иль не крестьянин?!
Ну как теперь ухаживает дед
За вишнями у нас, в Рязани?

Ах, эти вишни!
Ты их не забыла?
И сколько было у отца хлопот,
Чтоб наша тощя
И рыжая кобыла
Выдергивала плугом корнеплод.

Отцу картофель нужен.
Нам был нужен сад.

Carta a la hermana

Sobre Dellvig escribió nuestro Alejandro
Sobre la calavera acarició
unos versos
Tan hermoso y tan lejano
y al mismo tiempo tan cercano
como un florido jardín

¡Saludos hermana!
¡Saludos, saludos!
¡Soy payés del pueblo o no lo soy!
¡Pero el abuelo se ocupa ahora
de nuestros guindos de Riazan?

¡Ay! ¡Nuestros guindos!
¿Tú no los has olvidado?
Y cuantos eran los cuidados del abuelo,
para que nuestra enjuta
y rojiza yegua
no dañara el tubérculo con el arado.

El abuelo necesita las patatas,
nosotros necesitábamos el huerto

И сад губили,
Да, губили, душка!
Об этом знает мокрая подушка
Немножко... Семь...
Иль восемь лет назад.

Я помню праздник,
Звонкий праздник мая.
Цвела черемуха,
Цвела сирень.
И, каждую березку обнимая,
Я был пьяней,
Чем синий день.

Березки!
Девушки-березки!
Их не любить лишь может тот,
Кто даже в ласковом подростке
Предугадать не может плод.

Сестра! Сестра!
Друзей так в жизни мало!
Как и на всех,
На мне лежит печать..
Коль сердце нежное твое
Устало,
Заставь его забыть и замолчать.

Ты Сашу знаешь,
Саша был хороший.
И Лермонтов
Был Саше по плечу
Но болен я...
Сиреновой порошей
Теперь лишь только
Душу излечу.

Мне жаль тебя.
Останешься одна,
А я готов пойти
Хоть до дуэли.
«Блажен, кто не допил до дна»
-
И не дослушал глас свирели.

Но сад наш!..
Сад...
Ведь и по нем весной

y al huerto nos lo mataron
¡Sí, nos lo mataron, encanto!
Esto lo sabe bien la almohada mojada
Unos cuantos... siete...
u ocho años atrás.

Recuerdo la fiesta,
La animada fiesta de Mayo
El cerezo florecía,
Florecían las lilas.
Y abrazando a cada abedul
yo estaba más borracho
que un día azul.

¡Abedules!
¡Muchachas-abedules!
No puede dejar de amarlos aquel
que incluso en la dulce adolescencia
no puede adivinar su fruto.

¡Hermana! ¡Hermana!
¡En la vida hay tan pocos amigos!
y como en todos
en mí está impreso un sello...
pues tu tierno corazón
está cansado
de tener que callar y de olvidar.

Tú conoces a Sacha.
Sacha era bueno.
Y Lermontov
fue como un apoyo para Sacha
Pero yo estoy enfermo...
y con las lilas de las primeras nieves
ahora tan solo
curaré mis males

Tengo pena de tí
Te quedas sola
y yo estoy dispuesto a llegar
aunque sea hasta el duelo
“Bienaventurado el que no se lo bebió hasta el
fondo
y no escucho hasta el final la voz de la flauta

¡Pero el huerto es nuestro!
El huerto...
Pues en primavera por él

Пройдут твои
Заласканные дети.
О!
Пусть они
Помянут невпопад,
Что жили
Чудаки на свете.

pasearan tus
niños mimados
¡Oh!
Ojalá que ellos
recuerden sin proponerselo
que vivieron...
como locos por el mundo.

1925 (PyP, página 309)

Не вернусь я в отчий дом,
Вечно странствующий странник.
Об ушедшем над прудом
Пусть тоскует конопляник.

No volveré a la casa paterna,
soy un eterno peregrino.
Del que sale sobre el estanque
que se entristezca el cañamar.

Пусть неровные луга
Обо мне поют крапивой
Брызжет полночью дуга
Колокольчик говорливый

Que las quebradas praderas
con las ortigas canten de mí-
El arco salpica a media noche
el locuaz cencerro.

Высоко стоит луна
Даже шапки не докинуть
Песне тайна не дана
Где ей жить и где погинуть

Muy alta está la luna,
Incluso no hay que lanzar las gorras
El secreto no se ha dado a la canción,
donde ella ha de vivir y ha de morir.

Но на склоне наших лет
В отчий дом ведут дороги
Повезут глухие дроги
Полутруп, полускелет

Pero en la pendiente de nuestros años
los caminos nos llevan a la casa paterna.
Llevarán los silenciosos carromatos
el moribundo cuerpo y el esqueleto.

Ведь недаром с давних пор
Поговорка есть в народе
Даже пес в хозяйский двор
Издыхать всегда приходит

Pues no es en falso desde lejanos tiempos
en el pueblo se cuenta este proverbio
que incluso al perro en el patio del amo
siempre le llega la muerte.

Ворочусь я в отчий дом
Жил и не жил бедный странник.
В синий вечер над прудом
Прослезится конопляник

Daré vueltas por mi casa paterna
Vivió o no vivió el pobre peregrino
En la noche azul sobre el estanque
el cañamar se estremecerá.

1925 (PyP, página 314)

Синий май. Заревая теплынь.
Не прозвякнет кольцо у калитки.
Липким запахом веет полынь.
Спит черемуха в белой накидке.

Mayo azul. El calor del alba
No tintinea la nariguera junto a la portezuela
Con olor pegadizo sopla el ajeno
Duerme el cerezo en manteleta blanca

В деревянные крылья окна
Вместе с рамами в тонкие шторы
Вяжет взбалмошная луна
На полу кружевные узоры.

En las arbóreas alas de la ventana,
junto con los marcos en las finas cortinas,
la extravagante luna teje
en el suelo bordados encajes.

Наша горница хоть и мала,
Но чиста. Я с собой на досуге...
В этот вечер вся жизнь мне мила,
Как приятная память о друге.

Nuestro aposento aunque pequeño,
está limpio. Y yo mismo con el ocio....
Me es esta noche querida toda la vida,
como es agradable recordar al amigo.

Сад польщит, как пенный пожар,
И луна, напрягая все силы,
Хочет так, чтобы каждый дрожал
От щемящего слова "милый".

El jardín florece de artemisas, como espumoso fuego
y la luna, concentrando todas sus fuerzas,
desea que cada uno tiemble
con la agobiante palabra "amado".

Только я в эту цветь, в эту гладь,
Под тальянку веселого мая,
Ничего не могу пожелать,
Все, как есть, без конца принимая.

Yo tan solo en esta flor y en este bordado,
con el acordeón del alegre mayo,
nada puedo desear,
aceptándolo todo, sin fin, tal como es.

Принимаю - приди и явись,
Все явись, в чем есть боль и отрада...
Мир тебе, отшумевшая жизнь.
Мир тебе, голубая прохлада.

Lo acepto, ven y preséntate,
preséntate por completo, en lo que es dolor y deleite
El mundo es para ti una vida tranquila.
El mundo es para ti un frescor azulado.

1925(ПуP, página 314)

Прощай, Баку! Тебя я не увижу.
Теперь в душе печаль, теперь в душе испуг.
-
И сердце под рукой теперь больней и ближе,
-
И чувствую сильнее простое слово: друг.

¡Adiós Bakú! Ya no te volveré a ver.
Ahora tengo el alma triste, ahora tengo miedo en el
alma
y con el corazón en las manos está ahora más cerca
y con más dolor.
Y yo siento con más fuerza la sencilla palabra: amigo.

Прощай, Баку! Синь тюркская, прощай!
Хладеет кровь, ослабевают силы.
Но донесу, как счастье, до могилы
И волны Каспия, и балаханский май.

¡Adiós, Bakú!, ¡Azul de Turquía, adiós!
Se enfría la sangre, flaquean las fuerzas.
Pero yo también me llevaré por fortuna hasta la tumba,
las olas del Caspio y el mayo de Balaján.

Прощай, Баку! Прощай, как песнь простая!
В последний раз я друга обниму...
Чтоб голова его, как роза золотая,
Кивала нежно мне в сиреневом дыму.

¡Adiós Bakú! ¡Adiós, como una simple canción!
Por última vez yo abrazaré al amigo....
para que su cabeza, como una dorada rosa,
me oriente cariñosamente por el humo violeta.

Mayo de 1925 (ПуP, página 316)

Вижу сон. Дорога черная.
 Белый конь. Стопа упорная.
 И на этом на коне
 Едет милая ко мне.
 Едет, едет милая,
 Только не любимая.

Эх, береза русская!
 Путь-дорога узкая.
 Эту милую как сон
 Лишь для той, в кого влюблен,
 Удержи ты ветками,
 Как руками меткими.

Светит месяц. Синь и сонь.
 Хорошо копытит конь.
 Свет такой таинственный,
 Словно для Единственной —
 Той, в которой тот же свет
 И которой в мире нет.

Хулиган я, хулиган.
 От стихов дурак и пьян.
 Но и все ж за эту прыть,
 Чтобы сердцем не остыть,
 За березовую Русь
 С нелюбимой помирюсь

1925 2 Julio (PyP, página 317)

Каждый труд благослови, удача!
 Рыбаку - чтоб с рыбой невода,
 Пахарю - чтоб плуг его и кляча
 Доставали хлеба на года.

Воду пьют из кружек и стаканов
 Из кувшинок также можно пить -
 Там, где омут розовых туманов
 Не устанет берег золотить.

Хорошо лежать в траве зеленой
 И, впиваясь в призрачную гладь,
 Чей-то взгляд, ревнивый и влюбленный,
 На себе, уставшем, вспоминать.

Коростели свищут... коростели...
 Потому так и светлы всегда
 Те, что в жизни сердцем опростели
 Под веселой ношею труда.

Veo un sueño. El negro camino.
 Un blanco caballo. Con su trote obstinado
 Y sobre éste, sobre el caballo
 viene la querida hacia mí.
 viene, viene la querida
 pero no la amada.

¡Eh, ruso abedul!
 El camino es un estrecho sendero.
 A esta querida, como en un sueño,
 solo a aquella, de la que estoy enamorado,
 retenla con las ramas,
 como si fueran manos apasionadas

Resplandece la luna, azul y somnolienta.
 El caballo cava con las pezuñas.
 La luz es tan misteriosa,
 como para la Unica
 como para aquella, en la cual hay la misma luz
 y de la cual no hay sobre la tierra

Yo soy un gamberro, un gamberro.
 Atontado y embriagado por las poesías.
 Pero a pesar de todo detrás de esta obsesión
 de no entibiarme con el corazón,
 por la Rus de los abedules
 haré las paces con la que no amo.

¡Bendice cada oficio, suerte!
 para que el pescador, con pescado en la red,
 para que el labrador con su arado y su rocín,
 se ganen el pan para el año.

Beben el agua con los vasos y con las jarras,
 con los cántaros también se puede beber-
 allí donde el torbellino de las rosadas nieblas
 no se cansará de dorar la orilla.

Es agradable tumbarse en la verde hierba
 e hincarse en la llanura fantasmagórica,
 de cuya visión celosa y enamorada
 estando cansado, recordar para sí.

Los rascones...pían los rascones....
 porque siempre están iluminados
 aquellos que con el corazón en la vida se vaciaron
 bajo la alegre carga del trabajo

Только я забыл, что я крестьянин,
И теперь рассказываю сам,
Соглядатай праздный, я ль не странен
Дорогим мне пашням и лесам.

Словно жаль кому-то и кого-то,
Словно кто-то к родине отвык,
И с того, поднявшись над болотом,
В душу плачут чибис и кулик.

12 julio 1925 (PyP, página 318)

Видно, так заведено навеки -

-
К тридцати годам перебежась,
Всё сильней, прожженные калеки,
С жизнью мы удерживаем связь.

Милая, мне скоро стукнет тридцать,
И земля милей мне с каждым днем.
Оттого и сердцу стало сниться,
Что горю я розовым огнем.

Коль гореть, так уж гореть сгорая,
И недаром в липовую цветь
Вынул я кольцо у попугая -
Знак того, что вместе нам сгореть.

То кольцо надела мне цыганка.
Сняв с руки, я дал его тебе,
И теперь, когда грустит шарманка,
Не могу не думать, не робеть.

В голове болотный бродит омут,
И на сердце изморозь и мгла:
Может быть, кому-нибудь другому
Ты его со смехом отдала?

Может быть, целуясь до рассвета,
Он тебя расспрашивает сам,
Как смешного, глупого поэта
Привела ты к чувственным стихам.

Ну, и что ж! Пройдет и эта рана.
Только горько видеть жизни край.
В первый раз такого хулигана
Обманул проклятый попугай

14 julio 1925 (PyP, página 319)

Tan solo yo olvidé, que yo soy campesino.
y ahora yo mismo cuento,
inútil espía, que yo no soy un extraño
para los queridos campos labrados y para los bosques

Como si diera pena a alguien o de alguien,
como si alguien se hubiera olvidado de la patria,
y desde que habiéndose alzado sobre la ciénaga,
lloran con el alma el avefría y el chorlito.

Es evidente, así se han establecido las cosas
por los siglos de los siglos
durante treinta años enfureciéndonos
con mucha más fuerza, mutilados abrasados,
mantenemos la relación con la vida.

Querida, a mí pronto me golpearan los treinta
y la tierra es para mí cada día más querida.
y por esto al corazón le vino el sueño,
que yo arderé con un rosado fuego

Si arder, pues así arder quemándose
y no en balde en un falso color
le quité yo el anillo al papagayo,
para que ardiera con nosotros.

Aquel anillo me lo puso una gitana
Quitándomelo de la mano yo te lo di a ti,
y ahora, cuando se pone triste el organillo,
no puedo ni pensar ni apocarme.

Por la pantanosa cabeza vaga un torbellino,
y en el corazón llovizna y niebla:
¿Puede ser que a algún otro
tú se lo entregaste con una sonrisa?

Puede ser, que besándoos hasta el amanecer,
él mismo te pregunte,
cómo tú condujiste a ese ridículo y tonto poeta
hasta los poemas del sentimiento.

¡Pero, y qué! Esta herida se pasará.
Tan solo con mirar con amargura el final de esta vida.
Por vez primera a este gamberro
le engañó un maldito papagayo.

Спит ковыль. Равнина дорогая,
И свинцовой свежести полынь.
Никакая родина другая
Не волеет мне в грудь мою теплынь.

Duerme la yegua. La querida llanura,
y el ajenjo de plumiza fresca.
No hay otra patria
que infunda en mi pecho tanto calor.

Знать, у всех у нас такая участь,
И, пожалуй, всякого спроси -
Радуюсь, свирепствуя и мучась,
Хорошо живет на Руси.

Que todos lo sepan, que esta suerte tenemos,
y quizás pregúntale a todo el mundo-
alegrándose, encarnizándose y torturándose,
en Rusia se vive bien.

Свет луны, таинственный и длинный,
Плачут вербы, шепчут тополя.
Но никто под окрик журавлиный
Не разлюбит отчие поля.

La alargada y misteriosa luz de la luna,
los sauces lloran, los abedules susurran.
Pero nadie ante el grito de la grulla
deja de querer los lugares paternos.

И теперь, когда вот новым светом
И моей коснулась жизнь судьбы,
Все равно остался я поэтом
Золотой бревенчатой избы.

Y ahora, he aquí que cuándo con una nueva luz
la vida tocó mi destino,
me mantuve, a pesar de todo, poeta
De mi dorada isba troncal.

По ночам, прижавшись к изголовью,
Вижу я, как сильного врага,
Как чужая юность брызжет новью
На мои поляны и луга.

Por las noches, oprimido contra la cabecera,
yo vislumbro a un fuerte enemigo,
a una juventud extraña que llovizna de nuevo
sobre mis campos y prados

Но и все же, новью той теснимый,
Я могу прочувственно пропеть:
Дайте мне на родине любимой,
Все любя, спокойно умереть!

Pero a pesar de todo, abrumado por esta novedad
puedo cantar con emoción:
¡Dejadme en mi querida patria,
tranquilamente morir!

Julio de 1925 (PyP, página 321)

Я помню, любимая, помню
Сиянье твоих волос.
Не радостно и не легко мне
Покинуть тебя привелось.

Yo recuerdo, querida, yo recerdo
el resplandor de tus cabellos
No me fue fácil ni agradable
cuando tuve que abandonarte

Я помню осенние ночи,
Березовый шорох теней,
Пусть дни тогда были короче,
Луна нам светила длинней.

Recuerdo las otoñales noches,
el susurro bajo la sombra de los abedules
Aunque los días eran entonces más cortos
mas nos iluminaba la luna.

Я помню, ты мне говорила:
"Пройдут голубые года,
И ты позабудешь, мой милый,
С другою меня навсегда".

Recuerdo que me dijiste:
"Pasarán los años celestes
y tú, mi amor, me olvidarás,
para siempre, con otra.

Сегодня цветущая липа
Напомнила чувствам опять,

Hoy, una cara lozana
de nuevo recordó los sentimientos

Как нежно тогда я сыпал
Цветы на кудрявую прядь.

Con qué cariño cernía yo entonces
las flores en el rizado mechón

И сердце, остыть не готовясь,
И грустно другую любя.
Как будто любимую повесть,
С другой вспоминает тебя.

Y es que el corazón, no se enfria fácilmente,
amando tristemente a otra
como en una novela de amor,
con otra que me recuerda a ti.

1925 (PyP, página 322)

Море голосов воробьиных.

Ночь, а как будто ясно.
Так ведь всегда прекрасно.
Ночь, а как будто ясно,
И на устах невинных
Море голосов воробьиных.

El mar de voces de los gorriones.
La noche como si fuera de día.
Así pues siempre es hermoso.
La noche como si fuera de día.
También en los labios de los inocentes
El mar de voces de los gorriones.

Ах, у луны такое, —
Светит — хоть кинься в воду.
Я не хочу покоя
В синюю эту погоду.
Ах, у луны такое, —
Светит — хоть кинься в воду.

¡Ay! ¡Como luce
con esta luna- lancémonos al agua!..
Yo no quiero reposar.
En este tiempo azul,-
¡Ay! ¡Como luce
con esta luna-lancémonos al agua!

Милая, ты ли? та ли?
Эти уста не устали.
Эти уста, как в струях,
Жизнь утолят в поцелуях.
Милая, ты ли? та ли?
Розы ль мне то нашептали?

Querida, ¿tú o aquella?
Estos labios no están cansados.
Estos labios, como en las corrientes,
ahogan con besos a la vida
Querida, ¿tú o aquella?
¿Me lo susurraban las rosas?

Сам я не знаю, что будет.
Близко, а, может, гдей-то
Плачет веселая флейта.
В тихом вечернем гуде
Чту я за лилии груди.
Плачет веселая флейта,
Сам я не знаю, что будет.

Yo mismo no sé lo que pasará.
Aquí cerca, o puede ser, en alguna parte,
llora una dichosa flauta.
En un débil zumbido nocturno
honro a las azucenas del seno.
Llora una dichosa flauta.
Yo mismo no sé lo que pasará.

Julio de 1925 (PyP, página 323)

Жизнь — обман с чарующей тоскою,
Оттого так и сильна она,
Что своею грубою рукою
Роковые пишет письма.

La vida-engaño con deliciosa tristeza,
porque ella es tan fuerte,
que con su áspera mano
escribe fatídicas cartas.

Я всегда, когда глаза закрою,
Говорю: «Лишь сердце потревожь,
Жизнь — обман, но и она порою
Украшает радостями ложь».

Y siempre que cierro los ojos,
digo: “Tan solo inquieta el corazón,
la vida-engaño, pero también ella algunas veces
adorna la mentira con alegrías”

Обратись лицом к седому небу,
По луне гадая о судьбе,
Успокойся, смертный, и не требуй
Правды той, что не нужна тебе.

Хорошо в черёмуховой вьюге
Думать так, что эта жизнь — стезя.
Пусть обманут лёгкие подруги,
Пусть изменят лёгкие друзья.

Пусть меня ласкают нежным словом,
Пусть острее бритвы злой язык.

-
Я живу давно на всё готовым,
Ко всему безжалостно привык.

Холодят мне душу эти выси,
Нет тепла от звёздного огня.
Те, кого любил я, отреклись,
Кем я жил — забыли про меня.

Но и всё ж, теснимый и гонимый,
Я, смотря с улыбкой на зарю,
На земле, мне близкой и любимой,
Эту жизнь за всё благодарю.
17 agosto 1925 (PyP, página 325)

Листья падают, листья падают.
Стонет ветер,
Протяжен и глух.
Кто же сердце порадует?
Кто его успокоит, мой друг?

С отягченными веками
Я смотрю и смотрю на луну.
Вот опять петухи кукарекнули
В обосененную тишину.

Предраассветное. Синее. Раннее.
И летающих звезд благодать.
Загадать бы какое желание,
Да не знаю, чего пожелать.

Что желать под житейскою ношею,
Проклиная удел свой и дом?
Я хотел бы теперь хорошую
Видеть девушку под окном.

Dirige la cara hacia el cielo plateado,
adivinando el destino por la luna,
tranquilízate, mortal, y no exijas
aquella verdad, que no necesitas

Es bueno, en la borrasca de cerezas,
pensar así, que esta vida es un camino.
Que engañen las ligeras compañeras.
que traicionen los ligeros amigos

Que me acaricien con cariñosas palabras,
que las malas lenguas estén más afiladas que las
navajas.

Yo desde hace tiempo vivo preparado para todo,
preparado para todo sin piedad.

Estas alturas me enfrían el alma,
no llega calor desde el fuego de las estrellas.
Renuncié a los que yo amé,
los que vivieron conmigo, se olvidaron de mí

Pero a pesar de todo, hostigado y perseguido,
yo, mirando al alba con una sonrisa,
en esta tierra, que me es cercana y querida,
le doy gracias por todo a la vida.

Caen las hojas, caen las hojas.
gime el viento,
se extiende el silencio
¿Quién alegrará el corazón?
¿Quién lo tranquilizara, amigo mío?

Con los párpados somnolientos
yo miro y miro la luna.
Y de nuevo los gallos han quiquiriqueado
en el oscuro silencio

Más crepuscular, más azul, má temprano.
y la felicidad de las estrellas voladoras.
En qué deseo podría pensar
sí, no sé lo que desear.

¿Qué desear bajo la carga de todos los días,
maldiciendo mi casa y mi destino?
Yo ahora quisiera ver
a una buena mujer bajo mi ventana.

Чтоб с глазами она васильковыми
Только мне —
Не кому-нибудь —
И словами и чувствами новыми
Успокоила сердце и грудь.

Para que con sus azulados ojos
tan solo a mí-
no a ningún otro-
con renovadas palabras y sentimientos
tranquilizara al pecho y al corazón.

Чтоб под этою белою лунностью,
Принимая счастливый удел,
Я над песней не таял, не млел
И с чужою веселою юностью
О своей никогда не жалел.

Para que bajo esta blanca luz lunar,
aceptando un destino feliz,
yo no me derrita, no me agobie, con una canción
y con una alegre y ajena juventud
yo no tenga nunca lástima de mí mismo.

Agosto de 1925 (PyP, página 327)

Сыпь, тальянка, звонко, сыпь, тальянка, смело! Erupción, acordeón, estruendo, erupción,
estruendo,

Вспомнить, что ли, юность, ту, что пролетела? arrojo! ¿Recordar, sí eso, la juventud, aquello que ya
pasó volando?

-
Не шуми, осина, не пыли, дорога. volando?

No susurres, álamo, no levantes polvo, camino.

Пусть несется песня к милой до порога.

Que la canción galope hacia la querida hasta el
umbral

-

Пусть она услышит, пусть она поплачет,
Ей чужая юность ничего не значит.

Que ella la la oiga, que ella llore,
para ella otra juventud no significa nada.

Ну а если значит — проживет не мучась.

Y bien, si significa-no vivirá atormentada

Где ты, моя радость? Где ты, моя участь?

¿Dónde estás mi alegría? ¿Dónde estás mi
suerte?

-

Лейся, песня, пуше, лейся, песня, звяньше.
Все равно не будет то, что было раньше

Desparrámate, canción, desparrámate, canción,
De todas maneras ya no será lo mismo que era
antes

-
За былую силу, гордость и осанку

Tras la antigua fortaleza, orgullo y prestancia

Только и осталась песня под тальянку

tan solo quedó una canción al acordeón

8 de septiembre de 1925 (PyP, página 328)

Я красивых таких не видел,
Только, знаешь, в душе затаю
Не в плохой, а в хорошей обиде -
Повторяешь ты юность мою.

Yo, tan hermosos, no los vi,
pero ¿sabes? en el alma los guardo.
No como un mal, sino como un buen agravio,
tú revives mi juventud

Ты - мое васильковое слово,
Я навеки люблю тебя.
Как живет теперь наша корова,
Грусть соломенную теребя?

Tú eres mi azulada palabra,
yo para siempre te querré.
¿Cómo nuestra vaca sobrevive,
pastando esta pajiza melancolía?

Запоешь ты, а мне любимо,
Исцеляй меня детским сном.

Tú cantas y a mí me agrada,
cúbreme de besos con un sueño infantil .

Отгорела ли наша рябина,
Осыпаясь под белым окном?

Se apagó nuestro serbal,
desgranándose bajo la blanca ventana

Что поет теперь мать за куделью?
Я навеки покинул село,
Только знаю - багряной метелью
Нам листвы на крыльцо намело.

¿Qué canta madre tras los montones de limpio cáñamo?
Yo para siempre abandoné la aldea,
yo solo sé que con la purpúrea ventisca
las hojas se nos han amontonado en el portal.

Знаю то, что о нас с тобой вместе
Вместо ласки и вместо слез
У ворот, как о сгибшей невесте,
Тихо воет покинутый пес.

Yo conozco aquello, que, junto a ti, sobre nosotros
en vez de cariño y en vez de caricias,
como sobre una novia perdida, tras la puerta,
aulla suavemente un perro abandonado.

Но и все ж возвращаться не надо,
Потому и достался не в срок,
Как любовь, как печаль и отрада,
Твой красивый рязанский платок.

Pero a pesar de todo no es necesario retornar
porque recibí demasiado tarde,
como el amor, como la tristeza, como el deleite
tu hermoso pañuelo de Riazan.

1925 (ПуР, página 329)

Сестре Шуре

A mi hermana Shura

Ах, как много на свете кошек,
Нам с тобой их не счесть никогда.
Сердцу снится душистый горошек,
И звенит голубая звезда.

¡Ay, cuántas gatas hay en el mundo!
Nosotros contigo nunca las podremos contar.
El corazón sueña con un oloroso guisante,
y una azulada estrella tintinea

Наяву ли, в бреду иль спросонок,
Только помню с далекого дня -
На лежанке мурлыкал котенок,
Безразлично смотря на меня.

¿Verdaderamente, en el delirio o entre sueños,
solo recuerdo en días lejanos, que
en el poyo ronroneaba un gatito
mirandome con indiferencia.

Я еще тогда был ребенок,
Но под бабкину песню вскок
Он бросался, как юный тигренок,
На оброненный ею клубок.

Yo entonces aún era pequeño,
pero al son de una canción de la abuelita,
él se lanzó de un brinco como un joven tigrecito
sobre el ovillo que ella había dejado caer.

Все прошло. Потерял я бабу,
А еще через несколько лет
Из кота того сделали шапку,
А ее износил наш дед.

Todo pasó. Yo perdí a la abuela,
y aún después de algunos años
de aquel gato hicieron una gorra
que nuestro abuelo desgastó.

1925 (ПуР, página 330)

Сестре Шуре

Ты запой мне ту песню, что прежде

Напевала нам старая мать.
Не жалея о сгибшей надежде,
Я сумею тебе подпевать.

Я ведь знаю, и мне знакомо, ,
Потому и волнуй и тревожь -
Будто я из родимого дома
Слышу в голосе нежную дрожь.

Ты мне пой, ну, а я с такою,
Вот с такою же песней, как ты,
Лишь немного глаза прикрою -
Вижу вновь дорогие черты.

Ты мне пой. Ведь моя отрада -
Что вовек я любил не один
И калитку осеннего сада,
И опавшие листья с рябин.

Ты мне пой, ну, а я припомню,
И не буду забывчиво хмур:
Так приятно и так легко мне
Видеть мать и тоскующих кур.

Я навек за туманы и росы
Полюбил у березки стан,
И ее золотистые косы,
И холщовый ее сарафан.

Потому так и сердцу не жестко -
Мне за песнею и за вином
Показалась ты той березкой,
Что стоит под родимым окном.

1925 (ПуP, página 331)

Сестре Шуре

В этом мире я только прохожий,

Ты махни мне веселой рукой.
У осеннего месяца тоже
Свет ласкающий, тихий такой.

В первый раз я от месяца греюсь,
В первый раз от прохлады согрет,
И опять и живу и надеюсь
На любовь, которой уж нет.

A mi hermana Shura

Cántame aquella canción, que entonces
nos cantaba nuestra anciana madre.
Sin sentir la esperanza perdida,
yo te la sabré acompañar

Y es que yo me la sé, y me la conozco
y por esto, conmuéveme e inquiétame,
como si a mí desde la casa paterna
me llegara en una voz un cariñoso escalofrío.

¡Vamos!, y yo con la misma,
¡Vaya!, con la misma canción que tú.
con solo cerrar un poco los ojos,
veo de nuevo las queridas facciones.

Cántame, ya que mi deleite es
que no solo yo, disfruté para siempre
con la portezuela del jardín otoñal
y con las hojas cayendo del serbal

¡Vamos!, cántame y yo recordaré
y no frunciré ceño con aire soñador:
tan agradable era para mí
ver a nuestra madre y a sus añoradas gallinas.

Yo, para siempre, tras la niebla y los rocíos
amé el talle del joven abedul
y sus doradas trenzas
y su sarafán de lienzo.

Y por esto, no es duro tampoco para el corazón,
que con el vino y con la canción,
te me aparecieras como aquel abedul
que está bajo mi entrañable ventana.

A mi hermana Shura

Yo solo estoy de paso por este mundo.
acaríciame con tu divertida mano.
La luna otoñal también tiene
una luz cariñosa, ¡tan suave!.

Yo me caliento con la luna por primera vez,
por primera vez me calentaré del frescor,
y de nuevo vivo y confío
en un amor, que ya no existe

Это сделала наша равнинность,
Посоленная белью песка,
И измятая чья-то невинность,
И кому-то родная тоска.

Esto lo produjo nuestra llanura,
salada con el blanco de la arena,
y la alterada inocencia de alguna
y la tristeza natal para alguien

Потому и навеки не скрою,
Что любить не отдельно, не врозь,
Нам одною любовью с тобою
Эту родину привелось.

Por esto, yo nunca ocultaré
que tuvimos que amar conjuntamente,
sin separación, contigo, con un solo amor,
a nuestra patria querida.

13 de septiembre de 1925 (PyP, página 332)

Эх вы, сани! А кони, кони!
Видно, черт их на землю принес.
В залихватском степном разгоне
Колокольчик хохочет до слез.

¡He, vosotros los trineos y los caballos, los caballos!
Está claro que a esta tierra los trajo el diablo.
Con arrogancia, en su correteo estepario,
el cencerro se muere de risa

Ни луны, ни собачьего лая
В далеке, в стороне, в пустыре.
Поддержись, моя жизнь удалая,
Я еще не навек постарел.

Ni la luna, ni el ladrido de un perro,
en la lejanía, al lado, en el descampado.
Mantente osada vida mía,
que yo todavía definitivamente no envejecí..

Пой, ямщик, вопрекор этой ночи,-
Хочешь, сам я тебе подпою
Про лукавые девичьи очи,
Про веселую юность мою.

Canta, cochero, a pesar de esta noche.
Si quieres, yo mismo te la tarareo,
sobre los pícaros ojos de una doncella,
sobre mi alegre juventud.

Эх, бывало, заломишь шапку,
Да заложешь в оглобли коня,
Да приляжешь на сена охапку,-
Вспоминай лишь, как звали меня.

¡He!, ocurría que: te echas para atrás el sombrero
te enganchas a la grupa de un caballo,
te tumbas sobre un pajar de heno,
recuerda tan solo como me llamaban.

И откуда бралась осанка,
А в полуночную тишину
Разговорчивая тальянка
Уговаривала не одну.

Y de dónde se sacó tanta prestancia,
y en el silencio de media noche,
el locuaz acordeón
a más de uno convencía.

Все прошло. Поредел мой волос.
Конь издох, опустел наш двор.
Потеряла тальянка голос,
Разучившись вести разговор.
Но и все же душа не остыла,
Так приятны мне снег и мороз,
Потому что над всем, что было,
Колокольчик хохочет до слез.

Ya todo pasó. Mi pelo se puso ralo.
El caballo pereció, nuestro corral se vació.
el acordeón perdió la voz,
olvidándose de llevar una conversación
Pero a pesar de todo, los ánimos no se enfriaron,
tan agradables me eran el hielo y la nevada,
porque a pesar de todo lo que pasaba
el cencerro se moría de risa

19 de septiembre de 1925 (PyP, página 333)

Снежная замаять дробится и колется,
Сверху озябшая светит луна.
Снова я вижу родную околицу,
Через метель огонек у окна.

La ventisca de nieve se desmenuza y se pincha,
desde arriba congelándose, luce la luna.
Yo veo de nuevo la valla de mi casa
a través de la ventisca el fuegucillo junto a la ventana.

Все мы бездомники, много ли нужно нам.
То, что далось мне, про то и пою.
Вот я опять за родительским ужином,
Снова я вижу старушку мою.

Todos nosotros, los sin techo, necesitamos mucho
Aquello que se me dio, por aquello también canto.
Y he aquí que de nuevo en la cocina de mi casa
vuelvo a ver a mi viejita.

Смотрит, а очи слезятся, слезятся,
Тихо, безмолвно, как будто без мук.
Хочет за чайную чашку взяться –
Чайная чашка скользит из рук.

Mira, y los ojos se le cubren de lágrimas, lagrimean,
Tranquilamente, silenciosamente, como sin sufrir
quiere agarrarse a la taza de té-
la taza de té resbala de entre sus manos

Милая, добрая, старая, нежная,
С думами грустными ты не дружишь,
Слушай, под эту гармонику снежную
Я расскажу про свою тебе жизнь.

Querida, buena, anciana, cariñosa,
tú no eres amiga de los tristes pensamientos,
escucha, bajo esta armónica nevada,
yo te contaré sobre mi vida.

Много я видел и много я странствовал,
Много любил я и много страдал,
И оттого хулиганил и пьянствовал,
Что лучше тебя никого не видал.

Yo he visto mucho y mucho he recorrido
mucho he querido y mucho he sufrido,
y porque mucho he ido de jarana y me he emborrachado,
no he encontrado a nadie tan valioso como tú.

Вот и опять у лежанки я греюсь,
Сбросил ботинки, пиджак свой раздел.
Снова я ожил и снова надеюсь
Так же, как в детстве, на лучший удел.

Y he aquí de nuevo que me caliento junto al poyo,
tiré las botas, y me quité la chaqueta.
De nuevo volví a vivir y de nuevo tuve asimismo
la esperanza, como en la juventud, de la mejor suerte.

А за окном под метельные всхлипы,
В диком и шумном метельном чаду,
Кажется мне - осыпаются липы,
Белые липы в нашем саду.

Y tras la ventana, bajo los sollozos de la ventisca,
en una fuerte, ruidosa y ventiscosa embriaguez (tufo)
me parece que se deshojan los tilos,
los blancos tilos de nuestro jardín

24 Septiembre de 1925 (PyP, página 334)

Синый туман. Снеговое раздолье,
Тонкий лимонный лунный свет.
Сердцу приятно с тихой болью
Что-нибудь вспомнить из ранних лет.

Niebla azul, llanuras nevadas,
La fina luz limonada de la luna.
El corazón está a gusto con el suave dolor
algo le recuerda los viejos tiempos

Снег у крыльца как песок зыбучий.
Вот при такой же луне без слов,
Шапку из кошки на лоб нахлобучив,
Тайно покинул я отчий дров.

La nieven del porche como arenas movedizas.
He aquí que bajo esta luna sin palabras,
habiendole encasquetado al bribón el gorro de la gata
secretamente yo abandoné la casa paterna

Снова вернулся я в край родимый.
Кто меня помнит? Кто позабыл?
Грустно стою я, как странник гонимый,
Старый хозяин своей избы.

Молча я комкаю новую шапку,
Не по душе мне соболий мех.
Вспомнил я дедушку, вспомнил я бабу,
Вспомнил кладбищенский рыхлый снег.

Все успокоились, все там будем,
Как в этой жизни радей не радей,-
Вот почему так тянусь я к людям,
Вот почему так люблю людей.

Вот отчего я чуть-чуть не заплакал
И, улыбаясь, душой погас,-
Эту избу на крыльце с собакой
Словно я вижу в последний раз.

24 septiembre de 1925 (PyP, página 335)

Слышишь, мчатся сани, слышишь - сани мчатся. Oyes, corren los trineos, oyes, los trineos corren,
Хорошо с любимой в поле затеряться. con la amada, bien se pierden por el campo

Ветерок веселый робок и застенчив,
По равнине голой катится бубенчик,

El vientecillo, la alegre y tímida sacudida,
por la desnuda llanura se pasea el cencerro.

Эх вы, сани, сани! Конь ты мой буланый!
-
Где-то на поляне клен танцует пьяный.

¡Eh, vosotros, trineos, trineos!, ¡Caballo, tú eres mi---
bayo
En alguna parte de la campa, el arce baila borracho.

Мы к нему подъедем, спросим - что такое?
И станцуем вместе под тальянку трое.

A él nos acercamos y preguntamos, ¿qué es esto'
Y los tres bailamos juntos con el acordeón.

3 октября 1925 (PyP, página 336)

Голубая кофта. Синие глаза.
Никакой я правды милой не сказал.

Blusa azul, ojos celestes.
Yo no he dije a la querida ninguna verdad.

Милая спросила: "Крутит ли метель?
Затопить бы печку, постелить постель".

La querida preguntó: "¿Se arremolina la ventisca?
A encender la estufa, a poner el pastel"

Я ответил милой: "Нынче с высоты
Кто-то осыпает белые цветы.

Yo le contesté a la querida: "Ahora desde las alturas
alguien reparte flores blancas

Затопи ты печку, постели постель,
У меня на сердце без тебя метель".

Enciende la estufa, pon el pastel,
" Yo sin ti tengo la ventisca en el corazón"

Octubre de 1925 (PyP, página 336)

Снежная замять крутит бойко,
По полю мчится чужая тройка.

La ventisca de nieve se arremolina vivamente,
por el campo vuela una troika forastera

Мчится на тройке чужая младость.
Где мое счастье? Где моя радость?

En la troika corre una ajena juventud
¿Dónde está mi felicidad? ¿Dónde mi alegría?

Все укатилось под вихрем бойким
Вот на такой же бешеной тройке.

Todo pasaba bajo un animado torbellino,
justo, en la misma frenética troika.

4-5 octubre 1925 (PyP, página 337)

Вечером синим, вечером лунным
Был я когда-то красивым и юным.

En la azulada tarde, en la tarde lunar
estuve alguna vez joven y hermoso.

Неудержимо, неповторимо
Все пролетело. далече.. мимо...

Irresistiblemente, irrepitiblemente
todo volaba, más lejos..., más cerca....

Сердце остыло, и выцвели очи...
Синее счастье! Лунные ночи!

El corazón se enfriaba, y los ojos perdieron su color...
¡Azul felicidad! ¡Noches de luna!

4-5 de octubre de 1925 (PyP, página 337)

Не криви улыбку, руки теребя,-
Я люблю другую, только не тебя.

No tuerzas la sonrisa, sacudiendo las manos,-
yo quiero a otra, pero no a ti.

Ты сама ведь знаешь, знаешь хорошо –
Не тебя я вижу, не к тебе пришел.

Pues tu misma sabes, sabes muy bien,
que a ti no te miro, que no vine a por ti.

Проходил я мимо, сердцу все равно -
Просто захотелось заглянуть в окно.

Yo pasé por tu lado, al corazón le dio igual-
tan solo deseaba mirar por la ventana

4-5 de octubre de 1925 (PyP, página 338)

Сочинитель бедный, это ты ли
Сочиняешь песни о луне?
Уж давно глаза мои остыли
На любви, на картах и вине.

Pobre escritor, ¿tú qué eres?
¿Compones poseías sobre la luna?
Ya hace tiempo que mis ojos se enfriaron
en el amor, en las cartas y en el vino

Ах, луна влезает через раму,
Свет такой, хоть выколи глаза...
Ставил я на пиковую даму,
А сыграл бубнового туза.

¡Ay!, la luna atraviesa el marco,
es tal la luz, que aunque no se vea ni gota...
Yo aposté por la pica de damas,
y ganó la baza el as de cuadrados.

4-5 de octubre de 1925 (PyP, página 338)

Плачет метель, как цыганская скрипка. Llora la ventisca, como un violín gitano.

Милая девушка, злая улыбка
Я ль не робею от синего взгляда?
Много мне нужно и много не надо.

dulce es la señora, maliciosa la sonrisa
¿No me intimidaré yo ante una mirada azul?
Necesito mucho y no necesito nada

Так мы далеки и так не схожи -
Ты молодая, а я все прожил.
Юношам счастье, а мне лишь память
Снежной ночью в лихую замять.

Estamos tan lejanos y nos parecemos tan poco-
Tú eres joven y yo ya lo he vivido todo.
Felicidad para la juventud, y para mí, solo recordar
la noche nevada en la osada ventisca

Я не заласкан - буря мне скрипка.
Сердце метелит твоя улыбка. .

No me siento acariciado -la tormenta es para mí un violín
El corazón ventisquea tu sonrisa.

4-5 de octubre de 1925 (PyP, página 338)

Ах, метель такая, просто черт возьми! ¡Ay, qué ventisca, que nos coja el diablo!

Забивает крышу белыми гвоздями.
Только мне не страшно, и в моей судьбе
Непутевым сердцем я прибит к тебе.

Golpea el tejado con blancas tachuelas.
Pero tan solo a mí no me extraña, y en mi destino
con un corazón disoluto yo estaré clavado a ti.

4-5 de octubre de 1925 (PyP, página 339)

Снежная равнина, белая луна,
Саваном покрыта наша сторона.
И березы в белом плачут по лесам.
Кто погиб здесь? Умер? Уж не я ли сам?

Llanura nevada, blanca luna,
nuestro terruño cubierto con una mortaja.
y los abedules en blanco llorando por los bosques.
¿Quién pereció aquí? ¿Murió? ¿Huy, no era yo mismo?

Octubre de 1925 (PyP, página 339)

Свищет ветер, серебряный ветер,
В шелковом шелесте снежного шума.
В первый раз я в себе заметил -
Так я еще никогда не думал.

Silba el viento, viento plateado,
En el sedoso murmullo del rumor de la nieve.
Por primera vez yo me noté-
tal como yo aún nunca había pensado

Пусть на окошках гнилая сырость,
Я не жалею, и я не печален.
Мне все равно эта жизнь полюбилась,
Так полюбилась, как будто вначале.

Aunque la pútrida humedad en las ventanillas,
yo no deploro, y yo no me entristezca.
A mí me da lo mismo, me gusta esta vida,
me gusta tanto, como si fuera desde el principio.

Взглянет ли женщина с тихой улыбкой -
Я уж взволнован. Какие плечи!
Тройка ль проскачет дорогой зыбкой -
Я уже в ней и скачу далече.

Reluce la mujer con una silenciosa sonrisa-
y yo estoy emocionado. ¡Qué hombros!
Si la troika galopa por un camino movedizo-
Yo ya estoy en él y galopo más allá.

О, мое счастье и все удачи!
Счастье людское землей любимо.
Тот, кто хоть раз на земле заплачет,-
Значит, удача промчалась мимо.

¡ Oh, mi alegría y todos lo éxitos!
la querida felicidad humana de las tierras
Aquel, que al menos una vez ha llorado en la tierra,-
sabe que la suerte ha volado cerca.

Жить нужно легче, жить нужно проще,
-
Все принимая, что есть на свете.
Вот почему, обалдев, над рощей
Свищет ветер, серебряный ветер.

Hay que vivir más sencillamente, hay que vivir más
cerca,
Aceptándo todo lo que hay en el mundo.
He aquí porqué, embobándose, sobre el bosque
sopla el viento, el plateado viento.

14 de octubre de 1925 (ПуP, página 339)

Мелколесье. Степь и дали.
Свет луны во все концы.
Вот опять вдруг зарыдали
Разливные бубенцы.

Boscaje. Estepa y lejanía.
La luz de la luna en todos los rincones
Y he aquí que otra vez de repente sollozaban
los cascabeles de la crecida.

Неприглядная дорога,
Да любимая навек,
По которой ездил много
Всякий русский человек.

El miserable camino,
por siempre querido,
por el cual mucho caminó
cada ciudadano ruso.

Эх вы, сани! Что за сани!
Звоны мерзлые осин.
У меня отец - крестьянин,
Ну, а я - крестьянский сын.

¡Eh, vosotros , los trineos! ¡Qué pasa con los trineos!
Gritad álamos helados.
Yo tengo un padre campesino,
pues bien, yo también soy un hijo campesino.

Наплевать мне на известность
И на то, что я поэт.
Эту чахленькую местность
Не видал я много лет.

Escupirme por mi fama
y porque soy poeta.
Un terreno marchito como este
no lo veía en muchos años

Тот, кто видел хоть однажды
Этот край и эту гладь,
Тот почти березке каждой
Ножку рад поцеловать.
Не одна лихая слава

Aquel que haya visitado al menos una vez
este lugar y esta llanura,
aquel, casi a cada abedul
se alegrará de besarle la patita

Как же мне не прослезиться,
Если с венкой в стынь и звень
Будет рядом веселиться
Юность русских деревень.

Cómo no voy a echarme a llorar,
si con un vals en helor y en melodía,
se divertirá a su alrededor
la juventud de los pueblos rusos

Эх, гармошка, смерть-отрава,
Знать, с того под этот вой
Не одна лихая слава
Пропадала трын-травой.

¡Ay!, el acordeón, es un veneno mortal,
saber, desde eso por debajo de este aullido
ni una (ruín, mala-valiente, osada) fama (gloria)
se perdía sin importar un bledo.

21-22 de octubre de 1925 (PyP, página 340)

**СКАЗКА О ПАСТУШОНКЕ
ПЕТЕ ЕГО КОМИССАРСТВЕ
И КОРОВЬЕМ ЦАРСТВЕ**

**CUENTO SOBRE EL PASTORCILLO
PETIA, SU COMISARIADO
Y EL REINO DE LAS VACAS**

Пастушонку Пете
Трудно жить на свете:
Тонкой хворостиной
Управлять скотиной.

Al pastorcillo Petia
le era duro vivir en este el mundo:
con una fina rama seca
pastorear el rebaño

Если бы корова
Понимала слово,
То жилось бы Пете
Лучше нет на свете.

Si una vaca
pudiera entender las palabras
Petia no podría vivir
en este mundo.

Но коровы в спуске
На траве у леса
Говори по-русски —
Смыслят ни бельмеса.

Pero bajando las vacas
por la hierba del bosque
háblales en ruso-
no entenderán ni jota

Им бы лишь мычалось
Да трава качалась.
Трудно жить на свете
Пастушонку Пете.

Tan solo con que mugieran,
las hierbas temblaban
Le era duro vivir en este el mundo
al pastorcillo Petia

*

Хорошо весною
Думать под сосною,
Улыбаясь в дреме,
О родимом доме.

Es hermoso en primavera
pensar bajo un pino,
riéndose amodorrado,
del país natal.

Май всё хорошеет,
Ели всё игольчей;
На коровьей шее
Плачет колокольчик.

Mayo lo mejora todo,
todo se comía con espinas;
en el pescuezo de las vacas
lloran los cencerros

Плачет и смеется
На цветы и травы,
Голос раздается
Звоном средь дубравы.

Se ríe y se llora
en las flores y en las plantas,
resuena la voz
con el rumor entre los robledales.

Пете-пастушонку
Голоса не новы,
Он найдет сторонку,
Где звенят коровы.

Para Petia el pastor
estas voces no son nuevas,
él encontrará el rincón,
donde resuenan las vacas.

Соберет всех в кучу,
На село отгонит,
Не получит взбучу —
Чести не уронит.

Las juntará a todas en un montón,
las traerá a la aldea,
no percibirá el zumbido-
no comprometerá su honra.

Любо хворостиной
Управлять скотиной.
В ночь у перелесиц
Спи и плюй на месяц.

Con una rama seca, da gusto
conducir al rebaño.
Por la noche en la acampada
duerme y escúpele a la luna.

*

Ну, а если лето —
Песня плохо спета.
Слишком много дела —
В поле рожь поспела.

Pero, ¿y si en el verano-
se canta mal una canción?.
Demasiadas historias
cantó el centeno en el campo.

Ах, уж не с того ли
Дни похорошели,
Все колосья в поле,
Как лебязьи шеи.

¡Ah! Si ya no con eso
los días se embellecieran,
todas las espigas del campo,
como cuellos de cisne

Но беда на свете
Каждый час готова,
Зазевался Петя —
В рожь зайдет корова.

Pero la desgracia en este mundo
a cada hora está preparada,
Petia se quedó embobado-
por el centeno entró una vaca.

А мужик как взглянет,
Разведет ручищей
Да как в спину втянет
Прямо кнутовищей.

Y en cuanto el aldeano se da cuenta,
la lleva por la pata
y por la espalda la arrastra
directamente con el mango de de un látigo,

Тяжко хворостиной
Управлять скотиной.

Con una fina rama seca
pastorear el rebaño.

*

Вот приходит осень
С цепью кленов голых,
Что шумит, как восемь
Чертенят веселых.

Y llega el otoño
con una cadena de arces desnudos,
alborotando, como ocho
graciosos diablillos

Мокрый лист с осины
И дорожных ивок
Так и хлещет в спину,
В спину и в загривок.

La hoja húmeda del álamo temblón
y de los sauces del camino
moja en la espalda,
en la espalda y en la nuca.

Елка ли, кусток ли,
Только вплоть до кожи

Bien un abeto, bien un arbusto,
hasta no llegar a la misma piel

Сапоги промокли,
Одежка тоже.

empaparon los zapatos,
y también la ropa.

Некому открыться,
Весь как есть пропащий.
Вспуганная птица
Улетает в чашу.

No abrirse a nadie,
Todo está como oculto,
el pájaro asustado
sale volando hacia la espesura.

И дрожишь полсутки
То душой, то телом.
Рассказать бы утке —
Утка улетела.

Y tiembles medio día,
ahora con el alma, ahora con el cuerpo.
Si le contases algo al pato—
el pato saldría volando.

Рассказать дубровам —
У дубровы опадь.
Рассказать коровам —
Им бы только лопать.

Si le contases algo al robledal—
el robledal se deshojaría
Si les contases algo a las vacas—
ellas solo querrían zampar

Нет, никто на свете
На обмокшем спуске
Пастушонка Петю
Не поймет по-русски.

No, nadie en este mundo,
en la ladera mojada
al pastorcillo Petia
no le entenderá en ruso.

Трудно хворостиной
Управлять скотиной.

Con una fina rama seca
pastorear el rebaño.

*

Мыслит Петя с жаром:
То ли дело в мире
Жил он комиссаром
На своей квартире.

Petia piensa febrilmente,
que en este mundo, en cualquier caso,
él vivió siendo comisario
en su apartamento

Знал бы все он сроки,
Был бы всех речистей,
Собирал оброки
Да дороги чистил.

Él conocería todos los límites y condiciones
sería el más locuaz de todos,
cobraría los impuestos a los campesinos
y limpiaría los caminos.

А по вязкой грязи,
По осенней тряске
Ездил в каждом разе
В волостной коляске.

Y por un barro pegajoso
con el temblor otoñal
iba en cada ocasión
en la carretela parroquial

И приснился Пете
Страшный сон на свете.

Y Petia soñó
el sueño más espantoso del mundo

*

Все доступно в мире.
Петя комиссаром

Todo es posible en este mundo.
Petia comisario

На своей квартире
С толстым самоваром.

en su apartamento
con un grueso samovar.

Чай пьет на террасе,
Ездит в тарантасе,
Лучше нет на свете
Жизни, чем у Пети.

Toma té en la terraza,
monta en el carro,
nadie en el mundo
vive mejor que Petia

Но всегда недаром
Служат комиссаром.
Нужно знать все сроки,
Чтоб собирать оброки.

No siempre sin sentido
se es comisario.
Hay que conocer todos los plazos
para cobrar los diezmos (*impuestos campesinos*)

Чай, конечно, сладок,
А с вареньем дважды,
Но блюсти порядок
Может, да не каждый.

Té, por supuesto, dulce,
y con doble ración de mermelada,
pero de mantener el orden
no es capaz cualquiera.

Нужно знать законы,
Ну, а где же Пете?
Он еще иконы
Держит в волсовете.

Hay que conocer las leyes,
¿Pero dónde está pues Petia?
El mantiene todavía los iconos
en el Distrito Soviético.

А вокруг совета
В дождь и непогоду
С самого рассвета
Уймища народу.

Y en torno al Distrito
con lluvia y mal tiempo,
desde el mismo amanecer
mucha gente.

Наш народ ведь голый,
Что ни день, то с требой.
То построй им школу,
То давай им хлеба.

Nuestra gente está desnuda.
Ni un solo día, sin una demanda.
Constrúyeles una escuela,
dáles pan.

Кто им наморочил?
Кто им накудахтал?
Отчего-то очень
Стал им нужен трактор.

¿Quién les trastornó?
¿Quién les cacareó?
¿Porqué les era tan
necesario el tractor?

Ну, а где же Пете?
Он ведь пас скотину,
Понимал на свете
Только хворостину.

¿Pero, y donde está Petia?
Pues, él alimentó al ganado,
y entendió que en el mundo
tan solo existe la puerca.

А народ суровый,
В ропоте и гаме
Хуже, чем коровы,
Хуже и упрямей.

Y la adusta gente,
en las quejas y en los alborotos
es peor que las vacas,
peor y más testaruda.

С эдаким товаром
Дряннь быть комиссаром.

Con esta mercancía
es asqueroso ser comisario.

Взяли раз Петрушу
За живот, за душу,

Una vez cogieron a Pedrito
por el cuerpo y por el alma,

Бросили в коляску
Да как дали таску...

Тут проснулся Петя...

*

Сладко жить на свете!
Встал, а день что надо,
Солнечный, звенящий,
Легкая прохлада
Овекает чащи.

Петя с кротким словом
Говорит коровам:
«Не хочу и даром
Быть я комиссаром».

А над ним береза,
Веткой утираясь,
Говорит сквозь слезы,
Тихо улыбаясь:

«Тяжело на свете
Быть для всех примером.
Будь ты лучше, Петя,
Раньше пионером».

*

Малышам в острастку,
В мокрый день осенний,
Написал ту сказку
Я — Сергей Есенин.

lo metieron en el carrito
y le dieron un rapapolvo.

Y en aquel momento Petia se despertó.

¡Qué dulce es vivir en este mundo;
Se levantó y era el día adecuado,
soleado, campanillero,
un ligero fresco
aventa las espesuras.

Petia con una fuerte voz
les grita a las vacas:
“Yo gratis no quiero
no quiero ser comisario”

Y sobre él el abedul,
con una rama,
dice entre lágrimas,
sonriendo suavemente:

“En este mundo es difícil,
ser un ejemplo para todos.
Petia, es mejor para ti,
antes ser pionero

A los niños asustados,
en un húmedo día de otoño
escribí este cuento
Yo, Sergio Esenin.

7-8 de octubre de 1925 (PyP, página 343)

Клен ты мой опавший, клен заледенелый,
Что стоишь, нагнувшись, под метелью белой?

Или что увидел? Или что услышал?
Словно за деревню погулять ты вышел

И, как пьяный сторож, выйдя на дорогу,
-
Утонул в сугробе, приморозил ногу.
-

Tú eres mi arce deshojado, arce congelado
¿Qué vales, encorvándote bajo la
blanca ventisca?

¿O qué es lo que vi? ¿O qué es lo que oí?
Como si tú hubieras salido a pasear fuera de la aldea

Y, qué borracho está el guarda, saliendo por el
camino,
se hundió en un montón de nieve, se le helaron
las piernas.

Ах, и сам я нынче чтой-то стал нестойкий,
Не дойду до дома с дружеской попойки.

Ah, y yo mismo ahora no me mantengo bien,
no me acercaré a la casa con una amistosa borrachera

Там вон встретил вербу, там сосну приметил,
-
Распевал им песни под метель о лете.

Allí afuera encontré a un sauce, allí observé a un
pino,
con la ventisca yo les canté canciones del verano.

Сам себе казался я таким же кленом,
Только не опавшим, а вовсю зеленым.

Me parecía que yo mismo era aquel arce,
aunque no deshojado, sino totalmente verde

И, утратив скромность, одуревши в доску,
Как жену чужую, обнимал березку.

Y habiendo perdido la prudencia,
como un atontado ante una pizarra
como a una ajena mujer, abracé al abedul.

29 de noviembre de 1925 (PyP, página 350)

Не гляди на меня с упреком,
Я презренья к тебе не таю,
Но люблю я твой взор с поволокой
И лукавую кротость твою.

No me mires con reproches
no escondo que te desprecio,
pero me gusta tu lánguida mirada
y tu pícara modestia.

Да, ты кажешься мне распростертой,
И, пожалуй, увидеть я рад,
Как лиса, притворившись мертвой,
Ловит воронов и воронят.

Sí, a mí me pareces abierta,
y, tal vez, me gusta mirarte,
como una zorra, que fingiéndose muerta,
caza cuervos y sus crías

Ну, и что же, лови, я не струшу.
Только как бы твой пыл не погас?
На мою охладевшую душу
Натыкались такие не раз.

Y bien, qué, tú caza, que yo no me turbo.
¿Es solo como si tu furor no se apagase)?
Con mi alma congelada
los mismos se tropezaron más de una vez

Не тебя я люблю, дорогая,
Ты лишь отзвук, лишь только тень.
Мне в лице твоём снится другая,
У которой глаза - голубень.

A ti no te amo, querida,
Tú eres tan solo una resonancia, tan solo una sombra
Yo en tu cara veo en sueños a otra,
que tiene el azul en los ojos.

Пусть она и не выглядит кроткой
И, пожалуй, на вид холодна,
Но она величавой походкой
Всколыхнула мне душу до дна.

Que ella tampoco parezca dócil,
y tal vez con una fría apariencia,
pero que ella con un aspecto majestuoso
sacuda hasta el fondo mi alma.

Вот такую едва ль отуманишь,
И не хочешь пойти, да пойдешь,
Ну, а ты даже в сердце не вранишь
Напоенную ласкою ложь.

He aquí que a ésta apenas la ofuscarás,
y aunque no quieras ir, irás,
y bien, incluso tú no ocultarás en el corazón
una embriagada mentira cariñosa.

Но и все же, тебя презирая,
Я смущенно откроюсь навек:

Y a pesar de todo, sin despreciarte,
yo confundidamente para siempre descubro:

Если б не было ада и рая,
Их бы выдумал сам человек.

que si no hubiese ni cielo ni infierno,
el propio hombre los inventaría

4 diciembre 1925 (PyP, página 352)

Может, поздно, может, слишком рано, Puede ser que tarde, puede ser que demasiado pronto,
И о чем не думал много лет, y en lo cual no pensé durante muchos años,
Походив я стал на Дон-Жуана, yo empecé a parecerme a Don Juan,
Как заправский ветреный поэт. como un auténtico y ventoso poeta.

Что случилось? Что со мною случилось? ¿Qué había pasado? ¿Qué me había pasado conmigo?
Каждый день я у других колен. Yo cada día en rodillas ajenas,
Каждый день к себе теряю жалость, Cada día pierdo la lástima sobre mí mismo
Не смиряясь с горечью измен. no resignandome con la amargura de las infidelidades

Я всегда хотел, чтоб сердце меньше Yo siempre quise, que el corazón se enredara menos
Вилось в чувствах нежных и простых, en los sentimientos tiernos y simples
Что ж ищу в очах я этих женщин — ¿Qué busco yo en los ojos de estas mujeres
Легкодумных, лживых и пустых? -de bajos pensamientos, vacias y mentirosas

Удержи меня, мое презренье, Soportame, mi desprecio,
Я всегда отмечен был тобой. Yo siempre sido apreciado por ti..
На душе холодное кипенье En el alma un frío ardor
И сирени шелест голубой. y el azul susurro de las lila).

На душе — лимонный свет заката, En el alma, la luz limonada del ocaso,
И все то же слышно сквозь туман, — y todo aquello que se oye tras la niebla,-
За свободу в чувствах есть расплата, hay que pagar por la libertad
Принимай же вызов, Дон-Жуан! en los sentimientos. ¡Acepta el desafío, Don Juan!

И, спокойно вызов принимая, Y tranquilamente aceptando el desafío, yo veo, que
Вижу я, что мне одно и то ж — para mí es lo mismo-
Чтить метель за синий цветень мая, respetar la ventisca para el polen azul de mayo, ,
Звать любовью чувственную дрожь. llamar con amor al sensual estremecimiento .

Так случилось, так со мною случилось, Así ocurrió, así pasó conmigo,,
И с того у многих я колен, y con aquello de que yo estuve sobre muchas rodillas,
Чтобы вечно счастье улыбалось, para que la felicidad sonriera eternamente,
Не смиряясь с горечью измен. no resignándome con la amargura de las infidelidades.

12 diciembre 1925 (PyP, página 354)

Кто я? Что я? Только лишь мечтатель, ¿Qué soy yo?, ¿Qué soy yo?. Tan solo un pensador,
Перстень счастья ищущий во мгле, que busca en las tinieblas el anillo de la felicidad,
Эту жизнь живу я словно кстати, yo vivo esta vida como hace falta,
Заодно с другими на земле. en la tierra de acuerdo con los demás.

И с тобой целуюсь по привычке,
 Потому что многих целовал,
 И, как будто зажигая спички,
 Говорю любовные слова.

«Дорогая», «милая», «навек»,
 А в уме всегда одно и то ж,
 Если тронуть страсти в человеке,
 То, конечно, правды не найдешь.

Оттого душе моей не жестко
 Ни желать, ни требовать огня,
 Ты, моя ходячая березка,
 Создана для многих и меня.

Но, всегда ища себе родную
 И томясь в неласковом плену,
 Я тебя нисколько не ревную,
 Я тебя нисколько не кляню.

Кто я? Что я? Только лишь мечтатель,
 Перстень счастья ищущий во мгле,
 Эту жизнь живу я словно кстати,
 Заодно с другими на земле.

1925 (PyP, Página 355)

Y por costumbre, me beso contigo,
 porque he besado a muchas,
 y tal como si encendiera. cerillas,
 pronuncio palabras de amor

“Querida”, “amada”, “para siempre”,
 y en la mente siempre lo mismo,
 si pierdes la pasión por las personas
 entonces, por supuesto, no encontrarás la verdad.

Es por lo que para mi alma no es cruel
 ni desear, ni exigir la llama,
 Tú, mi caminante abedul,
 has sido creado para muchos, y para mí.

Pero buscando siempre a los más queridos,
 y sufriendo en una cautividad poco cariñosa,
 yo no tengo celos de tí
 yo no te maldigo.

¿Qué soy yo?, ¿Qué soy yo?. Tan solo un pensador,
 que busca en las tinieblas el anillo de la felicidad,
 yo vivo esta vida como hace falta,
 en la tierra de acuerdo con los demás

POEMAS

Ленин

Еще закон не отвердел,
Страна шумит, как непогода.
Хлестнула дерзко за предел
Нас отравившая свобода.

Россия! Сердцу милый край!
Душа сжимается от боли.
Уж сколько лет не слышит поле
Петушье пенье, песий лай.

Уж сколько лет наш тихий быт
-
Утратил мирные глаголы.
Как оспой, ямами копыт
Изрыты пастбища и доли.

Немолчный топот, громкий стон,
Визжат тачанки и телеги.
Ужель я сплю и вижу сон,
Что с копьями со всех сторон
Нас окружают печенеги?
Не сон, не сон, я вижу въявь,
Ничем не усыпленным взглядом,
Как, лошадей пуская вплавь,
Отряды скачут за отрядом
Куда они? И где война?
Степная водь не внемлет слову.
Не знаю, светит ли луна
Иль всадник обронил подкову?
Все спуталось...
Но понял взор:
Страну родную в край из края,
Огнем и саблями сверкая,
Междоусобный рвет раздор.

Россия
Страшный, чудный звон.
В деревьях березь, в цветь - подснежник.
Откуда закатился он,
Тебя встревоживший мятежник?
Суровый гений! Он меня
Влечет не по своей фигуре
Он не садился на коня
И не летел навстречу буре.
Сплеча голов он не рубил,

Lenin

La ley aún no se ha endurecido,
el país ruge, como la tempestad.
Nos golpeó audazmente, hasta el límite
la envenenada libertad

¡Rusia! ¡Dulce rincón para el corazón!
el alma se retuece de dolor.
Pues durante cuántos años el campo no oye
el cacareo del gallo, el ladrido del perrito.

Pues durante cuántos años nuestra silenciosa forma de
vida
perdió los pacíficos verbos.
Como con la viruela, con las huellas de las pezuñas
están excavados los valles y los pastos.

Un parlanchín vagabundo, un fuerte gemido,
chirrían desde los carros y las carretas.
Yo ya duermo y veo en un sueño,
¿Que con lanzas, desde todas partes
nos rodean los pechenegos?
No es un sueño, no es un sueño, yo veo con claridad,
para nada con una mirada narcotizada,
cómo, escuadrones tras escuadrones corren,
lanzando a nado a los caballos.
¿Hacia dónde van? ¿Y dónde hay una guerra?
El agua de la estepa no escucha ni una palabra.
No sé si luce la luna
o si un jinete dejó caer una herradura
todo era confuso....
Pero comprendí el panorama:
Mi país natal, va de un lado para otro,
reluciendo con fuego y con sables,
con rivalidades vomita la discordia.

Rusia
un zumbido asustado y maravilloso.
En las arboledas el abedul, en las flores-la margarita.
¿De dónde ha caído,
este rebelde que te ha consternado?
¡severo genio!.
él me atrae no por su figura.
Él no montó a caballo
y no voló buscando la tormenta.
Y no rompió de un manotazo con los objetivos,

Не обращал в побег пехоту.
Одно в убийстве он любил -
Перепелиную охоту.

Для нас условен стал герой,
Мы любим тех, что в черных масках,
А он с сопливой детворой
Зимой катался на салазках.
И не носил он тех волос,
Что льют успех на женщин томных, -
Он с лысиною, как поднос,
Глядел скромней из самых скромных.
Застенчивый, простой и милый,
Он вроде сфинкса предо мной.
Я не пойму, какою силой
Сумел потрясть он шар земной?
Но он потряс...
Шумы и вей!
Крути свирепей, непогода,
Смывай с несчастного народа
Позор острогов и церквей.
.....

Была пора жестоких лет,
Нас пестовали злые лапы.
На поприще крестьянских бед
Цвели имперские сатрапы.
.....

Монархия! Зловещий смрад!
Веками шли пиры за пиром,
И продал власть аристократ
Промышленникам и банкирам.
Народ стонал, и в эту жуть
Страна ждала кого-нибудь...
И он пришел.
.....

Он мощным словом
Повел нас всех к истокам новым.
-
Он нам сказал: "Чтоб кончить муки,
Берите все в рабочьи руки.
Для вас спасенья больше нет -
Как ваша власть и ваш Совет".
.....

И мы пошли под визг метели,
Куда глаза его глядели:
Пошли туда, где видел он
Освобожденье всех племен...

no prescindió de la infantería.
El único asesinato que apreciaba
era la caza de la perdiz

Para nosotros era un héroe con condiciones,
nosotros amamos a los que van con máscaras negras,
y él con una moscosa niñería
en invierno patinaba.
Y él no llevaba aquellos pelos,
que desparraman el éxito en las lánguidas mujeres
Él con una cabeza tan calva como una bandeja.
Miró como el más modesto entre los más modestos.
Tímido, sencillo y cariñoso,
él ante mí como una esfinge.
¿Yo no entiendo, con que fuerza
supo él sacudir el globo terráqueo?
Pero él lo sacudió....
¡Resonad y retorceros!
Arranca más ferozmente, tempestad
desaguante de la gente infeliz
vergüenza de los sacerdotes y de las iglesias.

Eran tiempos de años muy duros
de nosotros se ocupaban malas manos.
En el campo de las desgracias campesinas
florecían los sápatras imperiales

¡La monarquía! ¡Hedor siniestro!
Por siglos banquete tras banquete,
y vendió el poder aristocrático
a los empresarios y a los banqueros.
El pueblo gemía y en este horror
el país esperaba a alguien...
Y él llegó.

Él en voz alta
Nos condujo a todos nosotros hacia unas nuevas
fuentes.
Nos dijo: "Para acabar con los sufrimientos,
ponedlo todo en las manos obreras.
para vosotros no hay más salvación
que vuestro poder y vuestro Soviet."

Y nosotros fuimos bajo los chillidos de la ventisca,
hacia donde los ojos le miraban
fuimos hacia allí, donde él veía
la liberación de todas las tribus

.....

И вот он умер...
 Плач досажен.
 Не славят музы голос бед.
 Из меднолающих громадин
 Салют последний даден, даден.
 Того, кто спас нас, больше нет.
 -
 Его уж нет, а те, кто вживе,
 А те, кого оставил он,
 Страну в бушующем разливе
 Должны заковывать в бетон.

Для них не скажешь:
 "Л е н и н умер!"
 Их смерть к тоске не привела.

.....
 Еще суровой и угрюмой
 Они творят его дела...

1924 (ПуР, página 395)

Y he aquí que él murió...
 Un llanto desagradable-
 Las musas no glorifican las voces de las desgracias.
 Desde los viejos cascos metálicos
 se da, se da, un último saludo.
 El que nos salvó de todo aquello, ya no está con
 nosotros.
 Bueno, él ya no está y aquellos que aún están vivos,
 a los que él dejó,
 el país en un violento desparrame
 deben encadenarlos .al hormigón

A ellos no les digais:
 "¡Lenin a muerto!"
 A ellos la muerte no les angustió.

Ellos aún con aún más dureza y oscuridad
 se ocupan de sus objetivos...

Песнь о Великом походе

Эй вы, встречные,
 Поперечные!
 Тараканы, сверчки
 Запечные!
 Не народ, а дрохва
 Подбитая!
 Русь нечесаная,
 Русь немытая.
 Вы послушайте
 Новый вольный сказ,
 Новый вольный сказ
 Про житье у нас.
 Первый сказ о том,
 Что давно было.
 А второй — про то,
 Что сейчас всплыло.
 Для тебя я, Русь,
 Эти сказы спел,
 Потому что был
 И правдив и смел.
 Был мастак слагать
 Эти притчины,
 Не боясь ничьей
 Зуботычины.

Canción sobre una larga marcha

¡Eh, vosotros, los contrarios ,
 los que os cruzais!
 ¡Cucarachas, grillos
 cocidos!
 No es gente sino una avutarda
 abatida!
 Rus despeinada,
 Rus sucia.
 Escuchad
 el nuevo relato doloroso
 el nuevo relato doloroso
 sobre nuestra vida.
 El primer relato es sobre
 lo que hace tiempo pasó.
 y el segundo sobre
 sobre lo que hice surgir
 para ti, Rus.
 Canté estos relatos,
 porque fuí
 sincero y valiente.
 fui maestro experto en componer
 estas parábolas,
 no temiendo en absoluto
 los puñetazos

х х х

Ой, во городе ,
 Да во Ипатьеве
 При Петре было
 При императоре.
 Говорил слова
 Непутевый дьяк:
 Уж и как у нас, ребята,
 Стал быть, царь дурак.
 Царь дурак-батрак
 Сопли жмет в кулак,
 Строит Питер-град
 На немецкий лад.
 Видно, делать ему
 Больше нечего,
 Принялся он Русь
 Онемечивать.
 Бреет он князьям
 Брады, усие, —
 Как не плакаться
 Тут над Русию?
 Не тужить тут как
 Над судьбиною?
 Непослушных он
 Бьет дубиною.

х х х

Услыхал те слова
 Молодой стрелец.
 Хвать смутьянщика
 За тугой косец.
 Ты иди, ползи,
 Не кочурься, брат.
 Я свезу тебя
 Прямо в Питер-град.
 Привезу к царю,
 Кайся, сукин кот!
 Кайся, сукин кот,
 Что смущал народ!

х х х

По Тверской-Ямской
 Под дугою вбряк
 С колокольцами
 Ехал бедный дьяк.
 На четвертый день,
 О полдневных пор,
 Прикатил наш дьяк

¡Huy!, en la ciudad
 y en Ypatieiev
 en tiempos de Pedro,
 en tiempos del emperador,
 dijo estas palabras
 un diácono disoluto:
 Y así que, muchachos.
 nos ha tocado un zar estúpido,
 un zar-peón,
 estruja los mocos con los puños,
 construye Petro-grado
 con estilo germánico.
 Está claro que no tiene
 otra cosa que hacer,
 se puso a germanizar
 a la Rus.
 Afeita las barbas
 y los bigotes a los príncipes-
 ¿Cómo no llorar
 aquí por Rusia?
 ¿No afligirse así aquí
 del destino futuro?
 A los desobedientes
 los golpea con una porra.

Escuchó estas palabras
 un joven arcabucero.
 Basta de perturbación
 para un esforzado segador.
 Ve, arrástrate,
 no gatees, hermano.
 Yo te bajaré
 directamente a Petrogrado
 te llevaré hasta el zar,
 ¡Arrepiéntete gato de perra!
 ¡Arrepiéntete gato de perra,
 que has revolucionado al país!

Por Tverski-Yamski
 de repente bajo el arco
 con las campanillas
 iba el pobre diácono
 En el cuarto día
 a mediodía,
 se hizo presente nuestro diácono

Ко царю во двор.
 Выходил тут царь
 С высока крыльца,
 Мах-дубинкою
 Подозвал стрельца.
 Ты скажи, зачем
 Прикатил, стрелец?
 Аль с Москвы какой
 Потайной гонец?
 Не гонец я, царь,
 Не родня с Москвой.
 Я всего лишь есть
 Слуга верный твой.
 Я привез к тебе
 Бунтаря-дьяка.
 У него, знать, в жисть
 Не болят бока.
 В кабаке на весь
 На честной народ
 Он позорил, царь,
 Твой высокий род.
 Ну, — сказал тут Петр, —
 Вылезай кось, вошь!
 Космы дьяковы
 Поднялись, как рожь.
 У Петра с плеча
 Сорвался кулак...
 И навек задрал
 Лапти кверху дьяк.

У Петра был двор,
 На дворе был кол,
 На колу — мочало.
 Это только, ребята,
 Начало.

х х х

Ой, суров наш царь,
 Алексеич Петр. ´.
 Он в единый дух
 Ведро пива пьет.
 Курит — дым идет
 На три сажени,
 Во немецких одеждах
 Разнаряженный.
 Возговорит наш царь
 Алексеич Петр:
 Подойди ко мне,
 Дорогой Лефорт.
 Мастер славный ты:

en el patio ante el zar.
 Allí salió el zar
 desde lo alto del porche,
 con un porrazo
 llamó al arcabucero.
 Di, ¿Porqué
 te has presentado alcabucero?
 ¿O desde Moscú qué
 secreto mensajero?
 Zar, yo no soy mensajero
 ni estoy emparentado con Moscú.
 Yo sobre todo solo soy
 tu fiel servidor.
 Yo te he traído
 a un sedicioso diácono.
 A él, sin duda, en la vida
 no le duelen las caderas.
 En la taberna, ante todos
 ante gente honorable
 él deshonró, zar,
 a tu alto linaje.
 ¡Y bien- dijo entonces Pedro-
 sal arratrándote piojo-segador!
 Los mechones del diácono
 se encresparon como el centeno
 Desde el brazo de Pedro
 se cayó puñetazo...
 y por los siglos alzó
 las palas hacia arriba el diácono.

Pedro tenía un patio,
 en el patio había un palo,
 en el palo-liber de tilo.
 Este era solo, muchachos,
 el principio.

¡Oh!, es hosco nuestro zar
 Pedro Alekseich
 Él con un único aliento
 bebe un vaso de cerveza
 fuma, humea.
 con tres sachenos (medida antigua rusa)
 con ropas alemanas
 emperifollado.
 Empieza a hablar nuestro zar
 Pedro Aleksieich:
 Acércate a mí,
 Querido Lefort.
 Tú famoso maestro:

В Амстердаме был.
 Русский царь тебе,
 Как батрак, служил.
 Он учился там,
 Как топор держать.
 Ты езжай-кось, мастер,
 В Амстердам опять.
 Передай ты всем
 От Петра поклон.
 Да скажи, что сейчас
 В страшной доле он.
 В страшной доле я
 За родную Русь...
 Скоро смерть придет,
 Помирать боюсь.
 Помирать боюсь,
 Да и жить не рад:
 Кто ж теперь блюсти
 Будет Питер-град?
 Среди туманов сих
 И цепных болот
 Снится сгибший мне
 Трудовой народ.
 Слышу, голос мне
 По ночам звенит,
 Что на их костях
 Лег тугой гранит.
 Оттого подчас,
 Обступая град,
 Мертвецы встают
 В строевой парад.
 И кричат они,
 И вопят они
 От такой крични
 Загашай огни.
 Говорят слова:
 "Мы всему цари!
 Попадешься, Петр,
 Лишь сумеи помри.
 Мы сдерем с тебя
 Твой лихой чупрын,
 Потому что ты
 Был собачий сын.
 Поблажал ты знать
 Со министрами.
 На крови для них
 Город выстроил.
 Но пускай за то
 Знает каждый дом —
 Мы придем еще,
 Мы придем, придем!

estuviste en Ámsterdam.
 El zar de Rusia
 te sirvió como peón.
 Él allí aprendió,
 cómo manejar un hacha.
 Vete maestro,
 de nuevo a Ámsterdam.
 Dales a todos
 saludos del zar.
 y diles, que ahora
 él se encuentra en un horroroso valle.
 Yo me encuentro en un horroroso valle
 por la Rus natal...
 Pronto llegará la muerte,
 temo morir.
 Temo morir,
 y tampoco estoy contento de vivir:
 ¿Y quién ahora observará
 a Petrogrado?
 En medio de estas nieblas
 y de estos rosarios de ciénagas
 veo en sueños a la agachada
 clase trabajadora.
 Escucho, una voz me resuena
 por las noches,
 que sobre sus espaldas
 yació un apretado granito.
 Por lo que a veces
 cercando el granizo
 los muertos se levantan
 en las filas de un desfile.
 Y ellos gritan,
 y ellos vociferan.
 con tal griterío
 apagad los fuegos
 Dicen palabras:
 ¡Nosotros somos zares para todos!.
 "Pedro, serás atrapado
 tan solo entérate muérete.
 Nosotros te quitaremos arrancaremos
 tu feo mechón,
 porque tu
 fuiste un hijo de perra.
 Favoreciste,
 a la nobleza con los ministros.
 Construiste para ellos
 la ciudad sobre la sangre.
 Pero aunque esto
 lo conoce cada casa-
 a pesar de todo nosotros vendremos,
 ¡Nosotros vendremos, vendremos!

Этот город наш,
Потому и тут
Только может жить
Лишь рабочий люд”.

Esta es nuestra ciudad,
porque también allí
solamente puede vivir
tan solo la clase obrera.”

Смолк наш царь
Алексеич Петр,
В три ручья с него
Льет холодный пот.

Se calló nuestro zar
Pedro Aleksieich
desde él se vierten
torrentes de frío sudor

х х х

Слушайте, слушайте,
Вы, конечно, народ
Хороший,
Хоть метелью вас крой,
Хоть порошей.
Одним словом,
Миляги!
Не дадите ли
Ковшик браги?
Человечий язык,
Чай, не птичий.
Славный вы, люди,
Придумали
Обычай.

Escuchad, escuchad,
Vosotros sois, por supuesto, un pueblo
bueno,
aunque os corten con la ventisca
o con las primeras nieves
¡En una palabra,
buena gente!
¿No dais vosotros
un cucharon de braga (clase de cerveza)?
Lengua humana,
Sin duda, no de pájaro,
Vosotras, las gentes
ideasteis
una gloriosa costumbre.

х х х

И пушки бьют,
И колокола плачут.
Вы, конечно, понимаете,
Что это значит?
Много было роз,
Много было маков.
Схоронили Петра,
Тяжело оплавав.
И с того ль, что там
Всякий сволок был,
Кто всерьез рыдал,
А кто глаза слюнил.
Но с того вот дня
Да на двести лет
Дуракам-царям
Прямо счету нет.
И все двести лет
Шел подземный гуд:
Мы придем, придем!
Мы возьмем свой труд.
Мы сгребем дворян
Да по плечи им,

Y disparan los cañones
y lloran las campanas
¿Vosotros, por supuesto comprendéis
lo que esto significa?
Había muchas rosas
había muchas amapolas
Enterraron a Pedro
llorando penosamente.
Y desde aquello, que allí
cada canalla fué,
quien seriamente sollozó
y quien baboseó los ojos.
Pero he aquí que desde aquel día,
y por en doscientos años
contra los estúpidos zares.tontos
no ha habido directamente agitación.
Y en todos estos doscientos años
hubo un zumbido subterráneo:
¡Vendremos, vendremos!
Y haremos nuestro trabajo.
Cogeremos a los nobles
y a ellos por los hombros

На фонарных столбах
Перевешаем!

en las postes de los faroles
los colgaremos!

х х х

Через двести лет,
В снеговой октябрь,
Затряслась Нева
Подымая рябь.
Утром встал народ
И на бурю глядь:
На столбах висит
Сволочная знать.
Ай да славный люд!
Ау да Питер-град!
Но с чего же там
Пушки бьют палат?
Бьют за городом,
Бьют из-за моря.
Понимай как хошь
Ты, душа моя!
Много в эти дни
Совершилось дел.
Я пою о них,
Как спознать сумел.

Al cabo de doscientos años
en el nevoso octubre
se puso a temblar el Neva
movilizando a los caracoles.
Por la mañana se levantó la gente
y ¡Cuidado con la tormenta!
En los postes cuelga
la canallesca nobleza.
¡Ay, y las gentes gloriosas!
¡Ay, y Petrogrado!
¿Pero qué pasa allí,
los cañones disparan y chamuscan?
disparan tras la ciudad,
disparan desde el mar
¡Compréndelo como quieras
tú, alma mía!
En estos días han ocurrido
muchos asuntos.
Yo canto sobre ellos
como los pude conocer.

х х х

Веселись, душа
Молодецкая.
Нынче наша власть,
Власть советская.
Офицерка
Да голубчика
Прикокошили
Вчера в Губчека.
.....
Гаркнул Яблочко
Молодой матрос:
Мы не так еще
Подотрем вам нос!

Alégrate, alma
valiente.
Ahora el poder es nuestro,
el poder soviético
Al oficialito
y a mi querido
los mataron a escondidas
ayer en Gubiechka

Gritó “Manzanita”
el joven marinero:
“Nosotros aún no
te limpiaremos así la nariz”

х х х

А за Явором,
Под Украйною,
Услыхали мужики
Весть печальную.
Власть советская
Им очень нравится,
Да идут войска

Y tras Yabor
en un Ucrania
los mujiks oyeron
una triste noticia.
El poder soviético
les gusta mucho,
y van las tropas

С ней расправиться.
 В тех войсках к мужикам
 Родовая месть.
 И Врангель тут,
 И Деникин здесь.
 А на помог им,
 Как лихих волчат,
 Из Сибири шлет отряды
 Адмирал Колчак.

х х х

Ах, рыбки мои,
 Мелки косточки!
 Вы, крестьянские ребята,
 Подросточки.
 Ни ногой вас не взять,
 Ни резанами,
 Вы гольем пошли гулять
 С партизанами.
 Красной Армии штыки
 В поле светятся.
 Здесь отец с сынком
 Могут встретиться.
 За один удел
 Бьется эта рать,
 Чтоб владеть землей
 Да весь век пахать,
 Чтоб шумела рожь
 И овес звенел,
 Чтобы каждый калачи
 С пирогами ел.

х х х

Ну и как же тут злобу
 Не вынашивать?
 На Дону теперь поют
 Не по-нашему:
 Пароход идет
 Мимо пристани.
 Будем рыбу кормить
 Коммунистами.
 А у нас для них поют:
 Куда ты котишься?
 В Вечека попадешь —
 Не воротись.

х х х

a desplegar con él.
 En estos ejércitos para los mujiks
 hay un lugar patrimonial.
 Y aquí mismo está Vranguiell
 Y aquí está Denikin.
 Y para ayudarles apoyarles,
 como osados lobeznos,
 desde Siberia envía un destacamento
 el almirante Kolchak

Ay mis pescaditos,
 huesitos de tiza!
 Vosotros, chavales del pueblo,
 adolescentes.
 No se os puede conseguir por una nogata
 ni con unas riezanas (antiguas monedas rusas),
 vosotros salisteis a pasear en cueros
 con los partisanos.
 Las bayonetas del ejército rojo
 brillan en el campo.
 Aquí un padre con su hijito
 pueden encontrarse
 Por un patrimonio
 se bate este ejército,
 para conquistar tierras
 y para labrarlas por todo un siglo,
 para que alborote el centeno
 y resuene la avena,
 para que cada uno
 coma bollos con pasteles.

¿Pero y cómo no sacudirse
 aquí de la rabia?
 Ahora en el Don no cantan
 a nuestra manera:
 el barco pasa
 junto al embarcadero.
 Alimentaremos al pescado
 con los comunistas.
 Y en nuestra casa para ellos cantan:
 ¿A donde iras a parir?
 caerás en Vecheka-
 y no volverás.

От одной беды
 Целых три растут, —
 Вдруг над Питером
 Слышен новый гуд.
 Не поймет никто,
 Отколь гуд идет:
 Ты не смей дремать,
 Трудовой народ,
 Как под Питером
 Рать Юденича.
 Что же делать нам
 Всем теперича?
 И оттуда бьют,
 И отсель палят —
 Ой ты, бедный люд,
 Ой ты, Питер-град!

х х х

.....
 Дождик лил тогда
 В три погибели.
 На корню дожди
 Озимь выбили.
 И на этот год
 Не шумела рожь.
 То не жизнь была,
 А в печенки нож.

х х х

А за синим Доном,
 Станицы казачьей,
 В это время волк ехидный
 По-кукушьи плачет.
 Говорит Корнилов
 Казакам поречным:
 Угостите партизанов
 Вишеньем картечным.
 С Красной Армией Деникин
 Справится, я знаю.
 Расстелились наши пики
 С Дона до Дунаю.

х х х

.....
 Вей сильней и крепче,
 Ветер синь-студеный.
 С нами храбрый Ворошилов,
 Удалой Буденный.

A partir de una desgracia
 crecen otras tres completas-
 de golpe sobre Pedro (*Petro, Peter*)
 se oye un nuevo zumbido.
 Nadie comprenderá,
 de donde viene el zumbido:
 no te atrevas a soñar
 clase trabajadora
 cómo bajo Petro (*Peter*)
 Está el ejército de Yudienicha.
 ¿Qué debemos todos
 hacer ahora?
 Y desde allí disparan,
 y desde aquí hacen fuego-
 ¡Ay de ti, pobre gente,
 Ay de ti Petrogrado!.

La llovizna caía entonces
 de forma muy inoportuna
 Las lluvias sacudieron
 la sementera de otoño.
 Y este año
 no alborotaba el centeno.
 Aquello no era vida,
 y en los hígados una navaja

Tras el Don azul,
 bandadas de cosacos,
 En este momento un lobo escarnecedor
 llora como un cuco
 Kornilov les dice
 a los ribereños cosacos:
 obsequiad a los partisanos
 con una metralla de gindas
 Yo se que Deninkin
 domina al ejército rojo.
 Nuestros cimias se han extendido
 desde el Don hasta el Dunai

.....
 Golpea más fuerte y más duro
 viento frígido y azul.
 Con nosotros están el valiente Voroshilov,
 el osado Budenny

х х х

Если крепче жмут,
То сильней орешь.
Мужику одно:
Не топтали б рожь.
А как пошла по ней
Тут рать Деникина —
В сотни верст легла
Прямо в никь она.
Над такой бедой
В стане белых ржут.
-
Валят сельский скот
И под водку жрут.
Мнут крестьянских жен,
Девоч лапают.
Так и надо вам,
Сиволапые!
Ты, мужик, прохвост!
Сволочь, бестия!
Отплати-кось нам
За поместья.
Отплати за то,
Что ты вешал знать.
Эй, в кнуты их всех,
Растакую мать!

х х х

Ой ты, синяя сирень,
Голубой палисад!
На родимой стороне
Никто жить не рад.
Опустели огороды,
Хаты брошены,
Заливные луга
Не покошены.
И примят овес,
И прибита рожь. —
Где ж теперь, мужик,
Ты приют найдешь?

х х х

Но сильней всего
Те встревожены,
Что ночью не спят
В куртках кожаных,
Кто за бедный люд

Si aprietan más fuerte,
entonces gritas más alto.
Para el Mujik lo mismo:
que no pisoteen el centeno.
Y cómo pasó aquí por él
el ejército de Denikin-
En una centena de verstas yacía
el ejército, hacia su completo marchitamiento.
Ante tal desgracia
relinchan en el campamento de los blancos
(contrarevolucionarios)
abatén al rebaño de la aldea
y zampan con vodka.
Estrujan a las aldeanas
manosean a las muchachas
¡Esto es lo que necesitais
brutos!
¡Tú mujik, bribón!
¡Canalla, bestia!
Páganos
por nuestras haciendas .
Páganos por haber
colgado a la nobleza
¡Eh, a todos ellos a latigazos
los desempacaré madre!”

¡Oh, tú sirena azul,
celeste empalizada!
En el rincón natal
Nadie vive feliz.
vaciaron los huertos,
las jatas (*barracas ucranianas*) abandonadas,
los prados de regadío
no han sido segados.
Y pisotean la avena,
y el centeno machacado
¿En pues ahora mujik,
encontrarás refugio?

Pero lo más duro de todo son
aquellos alarmados
que no duermen por las noches
con cazadoras de cuero,
quién por las pobre gente

Жить и сгибнуть рад,
Кто не хочет сдать
Вольный Питер-град.

х х х

Там под Лиговом
Страшный бой кипит.
Питер траурный
Без огней. Не спит.
Миг — и вот сейчас
Враг проломит все,
И прощай мечта
Городов и сел...
Пот и кровь струит
С лиц встревоженных.
Бьют и бьют людей
В куртах кожаных.
Как снопы, лежат
Трупы по полю.
Кони в страхе ржут,
В страхе топают.
Но напор от нас
Все сильнее, сильнее.
Бьются восемь дней,
Бьются девять дней...
На десятый день
Не сдержался враг...
И пошел чесать
По кустам в овраг.
Наши взад им: Крой!
Пушки бьют, палят...
Ай да славный люд!
Ай да Питер-град!

х х х

А за Белградом,
Окол Харькова,
Кровью ярь мужиков
Перехаркана.
Бедный люд в Москву
Босиком бежит.
И от стона, рева
Вся земля дрожит.
Ищут хлеба они,
Просят милости,
Ну и как же злобой воле
Тут не вырасти?
У околицы
Гуляй-полевой

está contento de vivir y perecer,
quién no quiere rendir
al libre Petrogrado.

Allí bajo en Ligovo
hierve una terrible batalla.
Piter de luto
sin fuegos. No duerme.
Un instante-y justo ahora
el enemigo lo destruye todo,
y adiós a los sueños
de las ciudades y de las aldeas...
La sangre y el sudor corren a chorros
por las caras de los asustados.
Golpean y golpean a las gentes
con cazadoras de cuero.
Como gavillas, yacen
los cuerpos por el campo
Los caballos relinchan de miedo,
de miedo patean.
Pero nuestro empuje
cada vez más fuerte, más fuerte.
Ocho días de lucha,
nueve días de lucha...
Al décimo día
el enemigo no se resiste
y se fue a rastrillar
por las matas en un profun torrente.
Los nuestros por detrás de él: ¡corta!
Los cañones disparan, hacen fuego...
¡Ay sí, la gente gloriosa!
¡Ay sí, Petrogrado!

Y más allá de Belgrado
cerca de Jarkovo,
con la sangre la furia de los mujiks
Pieriejarkana.
La pobre gente en Moscú
corre descalza.
Y del gemido y del mugido
toda la tierra tiembla
Ellos buscan el pan,
piden clemencia,
¿Y cómo así no tender aquí
hacia la mala voluntad?
En los suburbios
como marchando en campaña

Собирались
Буйны головы.
Да как стали жечь,
Как давай палить.
У Деникина
Аж живот болит.

se reunían
furiosas cabezas
Sí, como si se pusieron a quemar ,
se quedaron ardiendo.
A Deninkin
hasta le duele el vientre

х х х

Эх, песня,
Песня!
Есть ли что на свете
Чудесней?
Хоть под гусли тебя пой,
Хоть под тальяночку.
Не дадите ли бы мне,
Хлопцы,
Еще баночку?

¡Eh, canción,
canción!
¿Hay algo en el mundo
más maravilloso?
Aunque te canten con cítara
o con acordeón.
¿Si no me dais
muchachos
una vez más aún otro tarro?.

х х х

Ах, яблочко,
Цвета милого!
Бьют Деникина,
Бьют Корнилова.
Цветочек мой,
Цветик маковый.
Ты скорей, адмирал,
Отколचाкивай.
Там за степью гул,
Там за степью гром,
Каждый в битве защищает
Свой отцовский дом.
Курток кожаных
Под Донцом не счесть.
Видно, много в Петрограде
Этой масти есть.

¡Ay, yablochka (manzanita canción popular en la guerra),
de flor querida!
Golpean a Deninkin,
Golpean a Kornilov.
Mi florecita,
querida amapola.
Tú más rápido, almirante,
aporrea .
Allá tras la estepa un rumor,
allá tras la estepa un estruendo,
cada uno en la batalla defiende
su casa paterna.
Las cazadoras de cuero
son incontables en el Donets.
Se ve que en Petrogrado
hay de este pelaje.

х х х

В белом стане вопль,
В белом стане стон:
Обступает наша рать
Их со всех сторон.
В белом стане крик,
В белом стане бред.
Как пожар стоит
Золотой рассвет.
И во всех кабаках
Огни светятся...
Завтра многие друг с другом

En un campamento, blanco un clamor
en un campamento blanco un gemido:
Los cerca nuestro ejército
por todos lados.
En un campamento blanco un grito,
en un campamento blanco un desvarío.
Está como un incendio
el alba dorada.
Y en todas las tabernas
se encienden los fuegos...
Mañana muchos, el uno con el otro,

Уж не встретятся.
И все пьют за царя,
За святую Русь,
В ласках знатных шлюх
Забывая грусть.

х х х

В красном стане храп,
В красном стане смрад.
Вонь портяночная
От сапог солдат.
Завтра, еле свет,
Нужно снова в бой.
Спи, корявый мой!
Спи, хороший мой!
Пусть вас золотом
Свет зари кропит.
В куртке кожаной
Коммунар не спит.

х х х

На заре, заре
В дождевой крутень
Свистом ядерным
Мы встречали день.
Подымая вверх,
Как тоску, глаза,
В куртке кожаной
Коммунар сказал:
Братья, если здесь
Одолеют нас,
То октябрьский свет
Навсегда погас.
Будет крыть нас кнут,
Будет крыть нас плеть,
Всем весь век тогда
В нищете корпеть.
С горьким гневом рук,
Утерев слезу,
Ротный наш с тех слов
Сапоги разул.
Громко кашлянув,
На, — сказал он мне, —
Дома нет сапог,
Передай жене.

х х х

На заре, заре
В дождевой крутень
Свистом ядерным

no se encontrarán.
Y todos brindarán por el zar,
por la santa Rus,
Con las caricias de insignes ilustres pindongas
olvidando las tristezas.

En el campamento rojo un resoplido,
en el campo rojo un hedor.
Fuera los peales
de las botas de los soldados.
Mañana, apenas con la luz
de nuevo a la lucha.
¡Duerme, áspero tosco mío!
¡Duerme, bueno mío!
Que la dorada luz del alba
te rocíe.
Con la cazadora de cuero
no duerme el comunero.

Con el alba, con el alba
en un lluvioso torbellino
con un silbido nuclear
recibimos el día.
Alzando hacia arriba,
como la tristeza, los ojos
en cazadora de cuero
el comunero dijo:
hermanos, si aquí
nos vencen,
entonces la luz de octubre
se apagará para siempre.
El látigo nos increpará,
el zurriago nos reñirá,
entonces a todos para siempre
a bregar en la miseria.
Con la amarga cólera de las manos,
habiendo reteniendo las lágrimas,
nuestro jefe de compañía
se quitó las botas.
Después de toser con fuerza,
Toma,- el me dijo,-
en casa no hay botas,
dáselas a la mujer.

Con el alba, con el alba
en un lluvioso torbellino
con un silbido nuclear

Мы встречали день.
Пуля входит в грудь,
Как пчелы ужал.
Наш отряд тогда
Впереди бежал.
За ложиной пруд,
А за прудом лог.
Коммунар ничком
В землю носом лег.
Мы вперед, вперед!
Враг назад, назад!
Мертвецы пусть так
Под дождем лежат.
Спите, храбрые,
С отзвучавшим ртом!
Мы придем вас всех
Хоронить потом.

х х х

Вот и кончен бой,
Машет красный флаг.
Не жалея пят,
Удирает враг.
Удивленный тем,
Что остался цел,
Молча ротный наш
Сапоги надел.
И сказал: Жене
Сапоги не враз
Я их сам теперь
Износить горазд.

х х х

Вот и кончен бой
Тот, кто жив, тот рад.
Ай да вольный люд!
Ай да Питер-град
От полуночи
До сinya утра
Над Невой твоей
Бродит тень Петра.
Бродит тень Петра,
Грозно хмурится
На кумачный цвет
В наших улицах.
В берег бьет вода
Пенной индевью...
Корабли плывут
Будто в Индию...

Julio de 1924 (PyP, página 399)

recibimos el día.
La bala entra en el pecho,
como la picadura de una abeja.
Nuestro destacamento entonces
corría hacia delante.
Tras la cañada un estanque,
y tras el estanque un barranco.
El comunero boca abajo
yació con la nariz en la tierra.
¡Nosotros adelante, adelante!
¡El enemigo hacia tras, hacia tras!
Los muertos que yazcan así
bajo la lluvia.,
¡Dormid, valientes,
con una boca callada!
Vendremos más tarde
a enterraros a todos.

He aquí la lucha terminada,
ondea la bandera roja.
Sin compadecerse de los talones
huye el enemigo
Asombrado de
permanecer intacto,
nuestro jefe de compañía
callando se puso las botas.
Le dijo a la mujer,
Yo mismo ahora las botas
no soy capaz inmediatamente
de desgastarlas.

He aquí que la lucha ha terminado
el que está vivo, está contento.
¡Ay, sí la gente libre!
¡Ay sí Petrogrado!
desde la medianoche
hasta el azul de la mañana
Sobre tu Neva
marcha la sombra de Pedro.
Marcha la sombra de Pedro,
se oscurece amenazante
con color rojo vivo
por nuestras calles
En la orilla el agua golpea
espumosa escarcha.....
Los barcos navegan
como si en la India....

ПОЭМА О 36

Много в России
Троп.
Что то ни тропа -
То гроб.
Что ни верста -
То крест.
До енисейских мест
Шесть тысяч один
Сугроб.

Синий уральский
Каменным лег
Мешком,
За скомом шумит
Тайга.
Коль вязнет в снегу
Нога,
Попробуй идти
Пешком.

Добро, у кого
Закал,
Кто знает сибирский
Шквал.
Но если ты слаб
И лег,
То, тайно пробравшись
В лог,
Тебя отпоет
Шакал.

Буря и грозный
Вой.
Грузно бредет
Конвой.
Ружья наперевес.
Если ты хочешь
В лес,
Не дорожи
Головой.

Ссылный солдату
Не брат.
Сам подневолен
Солдат.
Если не взял
На прицел, -
Завтра его
Под расстрел.

POEMA SOBRE LOS 36

Hay muchas tropas
en Rusia.
Lo que no es tropa-
es una tumba(unidad de longitud)
Lo que no es una versta-
es una cruz.
Hasta los paraje del Yenisei
seis mil y un
montones de nieve.

La azul serranía
cayó de los urales
como un saco de piedra.,
tras la serranía
susurra la taiga.
Si se hunden en la nieve
las patas,
prueba de ir
a pie

Está bien,
el que tiene temple,
el que conoce
al chacal siberiano.
Pero si tú eres débil
y te tumbaste,
entonces, secretamente te deslizaras
por el barranco,
y te cantará
el chacal.

La tormenta y un amenazante
aullido.
Torpemente delira
la escolta..
Terciando el fusil.
Si tú quieres
ir al bosque
no estimes
con la cabeza

El desterrado para el soldado
no es un hermano.
El mismo soldado
se ve forzado.
Si no cogiese
al remolque,-
mañana estaría
bajo fusilamiento.

Но ты не иди
Назад.

Pero no te vuelvas
atrás.

Пусть умирает
Тот,
Кто брата в тайгу
Ведет.
А ты под кандалный
Дзин
Шпарь, как седой
Баргузин.
Беги все вперед
И вперед.

Que se muera
aquel,
que se lleva al hermano
a la taiga
Y tú bajo un tintineo
de grilletes
escaldate, como el canoso
Bargusin.
Corre rápidamente hacia adelante
y hacia delante.

Там за Уралом
Дом.
Степь и вода
Кругом.
В синюю гладь
Окна
Скрипкой поет
Луна.
Разве так плохо
В нем?

Allí, tras los Urales
una casa.
La estepa y el agua
alrededor.
En el azul espejo
de la ventana
con un violín
canta la luna.
¿Verdaderamente se está tan mal
en él?

Славный у песни
Лад.
Мало ли кто ей
Рад.
Там за Уралом
Клен.
Всякий ведь в жизнь
Влюблен
В лунном мерцанье
Хат.

La canción tiene una armonía
gloriosa.
Son pocos a los que
no da alegría..
Allí tras los Urales
un arce.
En verdad cada uno
en la vida está enamorado
del centelleo lunar
de las jatas (*barracas ucranianas*)

Если ж, где отчая
Весь,
Стройная девушка
Есть,
Вся, как сиреневый
Май,
Вся, как родимый
Край, -
Разве не манит
Песнь?

Si, en la aldea
paterna
hay
una garbosa mujer
toda, como un mayo
lila,
toda, como un rincón
natal,-
¿Verdaderamente no seduce
la canción?

Буря и грозный
Вой.
Грузно бредет

La tormenta y un amenazante
aullido.
Torpemente delira

Конвой.
 Ружья наперевес.
 Если ты хочешь
 В лес,
 Не дорожи
 Головой.

la escolta..
 Terciando el fusil.
 Si tú quieres
 ir al bosque
 no estimes
 con la cabeza

*

Колкий, пронзающий
 Пух.
 Тяжко идти средь
 Пург.
 Но под кандалный
 Дзень,
 Если ты любишь
 День,
 Разве милей
 Шлиссельбург?

Punzante, perforante
 plumón.
 Ir penosamente por la
 la ventisca.
 Pero en un día
 de grilletes,
 si tú amas
 este día,
 ¿Es quizás el más querido
 Shlisiellburg?.

Там, упираясь
 В дверь,
 Ходишь, как в клетке
 Зверь.
 Дума всегда
 об одном:
 Может, в краю
 Родном
 Стало не так
 Теперь.

Allí, apoyándose
 en la puerta,
 vas, como en una jaula
 bestia.
 Pensando tan solo
 en una cosa:
 puede ser que en el rincón
 natal
 ahora
 ya no es lo mismo

Может, под песню
 Вьюг
 Умер последний
 Друг.
 Друг или мать,
 Все равно.
 Хочется вырвать
 Окно
 И убежать в луг.

Puede ser que bajo el canto
 de las neviscas
 murió el último
 amigo.
 El amigo o la madre,
 da lo mismo.
 Se quisiera arrancar
 la ventana
 y salir corriendo al prado.

Но долгод тюремный
 Час.
 Зорек солдатский
 Глаз.
 Если ты хочешь
 Знать,
 Как тяжело
 Убежать, -
 Я знаю один
 Рассказ.

Pero es larga
 la hora en la cárcel.
 El ojo penetrante
 del soldado.
 Si tu quieres
 saber
 cuan penoso es
 escaparse,
 yo me se
 un relato.

*

Их было тридцать
Шесть.
В камере негде
Сесть.
В окнах бурунный
Вспург
Крепко стоит
Шлиссельбург,
Море поет ему
Песнь.

Каждый из них
Сидел
За то, что был горд
И смел,
Что в гневной своей
Тщете
К рыдающим в нищете
Большую любовь
Имел.

Ты помнишь, конечно,
Тот
Клокочущий пятый
Год,
Когда из-за стен
Баррикад
Целился в брата
Брат.
Тот в голову, тот
В живот.

Один защищал
Закон -
Невольник, влюбленный
В трон.
Другой этот трон
Громил,
И брат ему был
Не мил.
Ну, разве не прав был
Он?

Ты помнишь, конечно,
Как
Нагайкой свистел
Казак?

Ellos eran
treinta y seis.
En la celda no había
dónde sentarse.
En las ventenas un penetrante
montón de nevisca
Firmemente permanece
Shlisiellburg,
el mar le canta
una canción.

Cada uno de ellos
estaba sentado
para enorgullecerse
y atreverse
a que en su furiosa
vanidad
hacia los sollozantes miserias
tuviese
un gran amor.

Tú sin duda te acuerdas
de aquel
borbotante quinto
año,
cuando desde las zanjias
de las barricadas
el hermano apuntaba
al hermano.
A aquel a la cabeza
a aquel al vientre.

Uno defendía
la ley-
esclavo, enamorado
en el trono.
Otro este trono
saqueaba,
Y el hermano no fué
amable con él.
¿Pero acaso él
no tenía razón?

¿Tú, sin duda, recuerdas,
cómo
con la nagaika (*fusta de cuero*) silbó
el cazaco?

Тогда у склоненных
Ниц
С затылков и поясниц
Капал горячий
Мак.

Entonces en las inclinaciones
boca abajo
desde los pescuezos y las cinturas
goteaba, una caliente
amapola.

Я знаю, наверно,
И ты
Видал на снегу
Цветы.
Ведь каждый мальчишкой
Рос,
Каждому били
Нос
В кулачной на все
"Сорты".

Yo sé, ciertamente,
que tú además
veías flores
en la nieve.
Porque, cada uno
como un niño,
a cada uno le pegaron
en la nariz
a puñetazos,
de todas "formas"

Но тех я цветов
Не видал,
Был еще глуп
И мал,
И не читал еще
Книг.
Но если бы видел
Их,
То разве молчать
Стал?

Pero yo aquellas flores
no las veía,
aún era bobo
y pequeño,
y aún no leía
libros.
Pero si las hubiera
visto,
¿me habría
quedado callado?

*

Их было тридцать
Шесть.
В каждом кипела
Мечь.
Каждый оставил
Дом
С ивами над прудом,
Но не забыл о нем
Песнь.

Eran treinta
y seis.
En cada uno bullía
la venganza.
Todos abandonaron
el hogar
con los arces sobre el estanque
pero no olvidó
la canción sobre ellos.

Раз комендант
Сказал:
"Тесен для вас
Зал.
Пять я таких
Приму
В камеры по одному,
Тридцать один -
На вокзал".

Una vez el comandante
dijo:
"Es angosta para vosotros
la habitación.
A cinco de estos
los meteré a cada uno
en una habitación,
a treinta y uno
a la estación"

Поле и снежный
Звон.
Клетчатый мчится
Вагон.
Рельсы грызет
Паровоз.
Разве уместен
Вопрос:
Куда их доставит
Он?

El campo y el rumor
de la nevada.
El vagón celular
se atormenta
La locomotora
roe los raíles.
Es realmente oportuna
la pregunta:
¡A dónde
nos conduce?

Много в России
Троп.
Что ни тропа -
То гроб.
Что ни верста -
То крест.
До енисейских мест
Шесть тысяч один
Сугроб.

En Rusia hay muchas
tropas
Lo que no es una tropa
es una tumba
Lo que no es una versta
es una cruz
Hasta lo lugares yenisieiscos
seis mil y un
montones de nieve

*

Поезд на всех
Парах
В каждом неясный
Страх.
Видно, надев
Браслет,
Гонят на много
Лет
Золото рыть
В горах.

El tren a todo
vapor.
En cada uno un confuso
miedo.
Está claro que llevando
una brazaletes,
pasan mucho más rápidamente
los años.
Hay que cavar el oro
en las montañas.

Может случиться
С тобой
То, что достанешь
Киркой,
Дочь твоя там,
Вдалеке,
Будет на левой
Руке
Перстень носить
Золотой.

Te puede
pasar
que lo saques
con un pico,
tu hija allá,
a lo lejos
en la mano
izquierda
llevará una sortija
de oro

Поле и снежный
Звон.
Клетчатый мчится
Вагон.
Вдруг тридцать первый

El campo y el rumor
de la nevada.
El vagón celular
se atormenta
De repente el trigésimo primero

Встал
И шепотом так сказал:
"Нынче мне ночь
Не в сон.

se levantó
y susurró:
"Ahora por la noche
no tengo sueño

Нынче мне в ночь
Не лежать.
Я твердо решил
Бежать.
Благо, что ночь
Не в луне.
Вы помогите
Мне
Тело мое
Поддержать.

Ahora por la noche
no me acostaré.
y he decidido firmemente
correr.
Ya que no hay luna
por la noche
me
ayudareis
a sostener
mi cuerpo.

Клетку уж я
Пилой...
Выручил снежный
Вой.
Вы заградите меня
Подле окна
От огня,
Чтоб не видал
Конвой".

Yo con un serrucho
a la celda...
Vino en ayuda un aulido
ventiscoso.
Me tapareis
junto a la ventana
de las llamas
para que no me vea
el escolta.

Тридцать столпились
В ряд,
Будто о чем
Говорят,
Будто глядят
На снег.
Разве так труден
Побег,
Если огни
Не горят?

Treinta se apiñaron
en fila,
como si hablaran
de algo
como si observaran
la nieve.
¿Realmente, era tan difícil
la huida
si las llamas
no lucieran?

*

Их оставалось
Пять.
Каждый имел
Кровать.
В окнах бурунный
Вспург.
Крепко стоит
Шлиссельбург.
Только в нем плохо
Спать.

Quedaban
cinco de ellos.
Cada uno tenía
cama.
En las ventanas un pentrante
montón de ventisca
Firmemente permanece
Shlisiellburg.
Pero tan solo que en ella
se dormía mal.

Разве тогда
Уснешь,

¿Entonces realmente
te quedaras dormido

Если все видишь
Рожь,
Видишь родной
Плетень,
Синий, звенящий
День,
И ты по меже
Идешь?

si todo lo que ves es
centeno,
ves
la verja valla natal
el azul, estridente
día,
y tú por el lindero
vas?

Тихий вечерний
Час.
Колокол бьет
Семь раз.
Месяц широк
И ал.
Так бы дремал
И дремал,
Не подымая глаз.

Hora silenciosa
de la tarde
Repica el campanario
cinco veces.
La luna es ancha
y rosácea
Como si dormitara
y dormitara.
sin levantar los ojos

Глянешь, на окнах
Пух.
Скучный, несчастный
Друг,
Ночь или день,
Все равно.
Хочется вырвать
Окно
И убежать в луг.

miras por las ventanas
la pelusa.
Aburrido, infeliz
amigo,
por la noche o por el día,
da lo mismo.
Se desea arrancar
la ventana
y salir corriendo al prado.

Пятый страдать
Устал.
Где-то подпиллок
Достал.
Ночью скребет
И скребет,
Капает с носа
Пот
Через губу в оскал.

El quinto, de sufrir
está cansado.
En algún sitio una lima
consiguió.
por la noche raspa
y raspa,
desde la nariz gotea
sudor
a traves del labio a la boca abierta..

Раз при нагрузке
Дров
Он поскользнулся
В ров...
Смотрят, уж он
На льду,
Что-то кричит
На ходу.
Крикнул - и будь
Здоров.

Una vez en la carga
de la leña
él resbaló
por la zanja....
Miran, él
sobre el hielo,
algo grita
sobre la marcha.
Gritó-
¡salud!

*

Быстро бегут
Дни.
День колесу
Сродни.
Снежной январской
Порой
В камере сорок
Второй
Встретились вновь
Они.

Пятому глядя
В глаза,
Тридцать первый
Сказал:
"Там, где струится
Обь,
Есть деревушка
Топь
И очень хороший
Вокзал.

В жизни живут лишь
Раз,
Я вспоминать
Не горазд.
Глупый сибирский
Чалдон,
Скуп, как сто дьяволов,
Он.
За пятак продает.

Снежная белая
Гладь.
Нечего мне
Вспоминать.
Знаю одно:
Без грез
Даже в лихой
Мороз
Сладко на сене
Спать".

Пятый сказал
В ответ:
"Мне уже сорок
Лет.
Но не угас мой

Corren muy rápido
los días.
El día se parece
a una rueda.
En la nevada temporada
de enero
en la celda cuarenta
y dos
se encontraron de nuevo
ellos.

Mirando al quinto
a los ojos,
el trigésimo primero
dijo:
"Allá, donde chorrea
el Obi,
hay una aldehuela
un cenagal
y una muy buena
estación.

En la vida solo se vive
una vez,
yo no soy capaz
de recordar.
Un bobo chaldon
siberiano
avaro, como cien diablos
él.
La venderá por un piatachok. (*cinco centavos*)

La blanca planicie
nevada.
No tengo nada
que recordar.
tan solo una cosa cosa:
sin ensueños
incluso en una mala
tempestad
dulcemente sobre el heno
dormir"

El quinto contestó
diciendo:
"Yo ya tengo
cuarenta años
pero no se ha apagado

Бес,
Так все и тянет
В лес,
В синий вечерний
Свет.

mi demonio,
y así todo me arrastra
al bosque,
con la azul luz
de la tarde

Много сказать
Не могу:
Час лишь лежал я
В снегу,
Слушал метельный
Вой,
Но помешал
Конвой
С ружьями на бегу".

Mucho decir
no puedo:
Tan solo una hora yo yacía
sobre la nieve,
escuché un ventiscoso
aullido,
pero impidió
el escolta
con sus armas la huida"

*

Серая, хмурая
Высь,
Тучи с землею
Слились.
Ты помнишь, конечно,
Тот
Метельный семнадцатый
Год,
Когда они
Разошлись?

Grises, quebradas
alturas,
las nubes con la tierra
se fusionaron.
¿Tú recuerdas, por supuesto
aquel
ventiscoso décimo séptimo
año,
cuando ellos
se separaron?

Каждый пошел в свой
Дом
С ивами над прудом.
Видел луну
И клен,
Только не встретил
Он
Сердцу любимых
В нем.

Cada uno se fue
a su casa
con sauces sobre el estanque.
vió la luna
y el arce,
pero tan solo no encontró
él
en ella
el corazón de los seres queridos.

Их было тридцать
Шесть.
В каждом кипела
Мечь.
И каждый в октябрьский
Звон
Пошел на влюбленных
В трон,
Чтоб навсегда их
Сместь.

Eran treinta
y seis.
En cada uno hervía
la ventisca.
Y cada uno con el rumor
del octubre
se fue a por los enamorados
al trono ,
para por siempre
quitarlos.

Быстро бегут
Дни.

Corren muy rápido
los días.

Встретились вновь
Они.
У каждого новый
Дом.
В лежку живут лишь
В нем,
Очей загасив
Огни.

Ellos se han de nuevo
recontrado.
Cada uno tiene una nueva
casa..
En ella solo viven
en la cama,
apagando los fuegos
de los ojos.

Тихий вечерний
Час.
Колокол бьет
Семь раз.
Месяц широк
И ал.
Тот, кто теперь
Задремал,
Уж не поднимет
Глаз.

La hora silenciosa
de la tarde.
Repica la campana
siete veces
La luna es ancha
y rosácea.
Aquel que ahora
se adormeció
ya no levantará
los ojos.

Теплая синяя
Весь, ,
Всякие песни
Есть...
Над каждым своя
Звезда...
Мы же поем
Всегда:
Их было тридцать
Шесть.

La caliente,y azul
aldehuela,
tiene
cada una de las canciones.....
Sobre cada una
su estrella
y nosotros cantamos
siempre:
ellos eran treinta
y seis

Agosto de 1924 (PyP, página 418)

АННА СНЕГИНА

ANNA ESNEGUINA

А. Воронескому

A Voronesky

1

«Село, значит, наше — Радово,
Дворов, почитай, два ста.
Тому, кто его оглядывал,
Приятственны наши места.
Богаты мы лесом и водью,
Есть пастбища, есть поля.
И по всему угодию
Рассажены тополя.

“La aldea, es decir, nuestro-Rádovo,
contad, doscientos patios.
Al que la miraba,
le eran agradables nuestros lugares.
Somos ricos en bosques y en aguas,
hay pastizales, hay campos
Y por todas partes
están los álamos dispersos

Мы в важные очень не лезем,
 Но все же нам счастье дано.
 Дворы у нас крыты железом,
 У каждого сад и гумно.
 У каждого крашены ставни,
 По праздникам мясо и квас
 Недаром когда-то исправник
 Любил погостить у нас.

Оброки платили мы к сроку,
 Но — грозный судья — старшина
 Всегда прибавлял к оброку
 По мере муки и пшена.
 И чтоб избежать напасти,
 Излишек нам был без тягот.
 Раз — власти, на то они власти,
 А мы лишь простой народ.

Но люди — все грешные души.
 У многих глаза — что клыки.
 С соседней деревни Криуши
 Косились на нас мужики.
 Житье у них было плохое,
 Почти вся деревня вскачь
 Пахала одной сохой
 На паре заезженных кляч.

Каких уж тут ждать обилий, —
 Была бы душа жива.
 Украдкой они рубили
 Из нашего леса дрова.
 Однажды мы их застали...
 Они в топоры, мы тож.
 От звона и скрежета стали
 По телу катилась дрожь.

В скандале убийством пахнет.
 И в нашу и в их вину'
 Вдруг кто-то из них как ахнет! —
 И сразу убил старшину.

На нашей быдластой сходке
 Мы делу условили ширь.
 Судили. Забили в колодки
 И десять услали в Сибирь.
 С тех пор и у нас неуряды.
 Скатилась со счастья вожжа.
 Почти что три года кряду
 У нас то падеж, то пожар».

No pretendemos ser importantes,
 pero a pesar de todo se nos ha dado felicidad.
 Tenemos nuestros recintos con tejados de hierro,
 en cada uno hay un jardín y un granero.
 En cada uno hay persianas pintadas,
 para las fiestas carne y kvas. (*pasta fermentada*)
 Por algo será que avces al comisario
 Le gusta visitarnos.

Pagábamos siempre a tiempo los tributos,
 pero el amenazante magistrado-contramaestre
 siempre incrementaba el impuesto a pagar.
 al menos de la harina y de la cebada.
 Y para evitar los azotes el pago
 de este exceso para nosotros no tenia aplazamiento.
 ¡Sí!- el poder para esto era el poder,
 y nosotros no éramos más que gente sencilla.

Pero las gentes-todas son almas pecaminosas.
 muchos tienen lo ojos como colmillos.
 Desde la vecina aldea de Kriushy
 venían a mordernos sus paisanos.
 Ellos tenían una mala vida,
 Casi toda la aldea
 araba con un solo arado de madera
 tras un par de viejos pencos.

Qué abundancias eran necesarias,-
 para que el alma viviera
 Furtivamente talaron
 leña de nuestro bosque.
 Una vez los pillamos...
 Ellos con hachas, nosotros también.
 Con los zumbidos y los chiridos
 el cuerpo se puso a temblar

En el escándalo se huele a asesinato
 de nuestra y de su culpa
 De repente alguno de ellos nos sorprendió
 e inmediatamente mató al comisario.

En nuestra inmediata asamblea
 acordamos ampliamente el asunto.
 Juzgamos. Apretamos los frenos.
 y enviamos a diez a Siberia.
 Y desde entonces tambien nosotros fuimos desafortunados.
 Se le cayeron las riendas a la felicidad
 Durante casi tres años se bcebaron con nosotros
 numerosas incendios y pestes del ganado”

*

Такие печальные вести
Возница мне пел весь путь.
Я в радовские предместья
Ехал тогда отдохнуть.

Война мне всю душу изъела.
За чей-то чужой интерес
Стрелял я в мне близкое тело
И грудью на брата лез.
Я понял, что я — игрушка,
В тылу же купцы да знать,
И, твердо простившись с пушками,
Решил лишь в стихах воевать.
Я бросил мою винтовку,
Купил себе «тилу» и вот
С такою-то подготовкой
Я встретил 17-й год.

Свобода взметнулась нестово.
И в розово-смердном огне
Тогда над страной калифствовал
Керенский на белом коне.
Война «до конца», «до победы»,
И ту же сермяжную рать
Прохвосты и дармоеды
Сгоняли на фронт умирать.
Но все же не взял я шпагу...
Под грохот и рев мортир
Другую явил я отвагу —
Был первый в стране дезертир.

*

Дорога довольно хорошая,
Приятная хладная звень.
Луна золотою порошею
Осыпала даль деревень.
«Ну, вот оно, наше Радово, —
Промолвил возница, —
Здесь!
Недаром я лошади вкладывал
За норов ее и спесь.
Позволь, гражданин, на чайшко.
Вам к мельнику надо?
Так вон!..
Я требую с вас без излишка
За дальний такой прогон»

Estas tristes noticias
nos las estuvo cantando el cochero durante todo el trayecto
Yo a las afueras de Radovo
me fui entonces a descansar.

La guerra me destrozó el alma.
Por el interés de alguien ajeno
yo dispare sobre un cuerpo próximo a mí
y penetró por el pecho del hermano.
Yo comprendí que era-un juguete,
En la retaguardia los mercaderes también lo saben.,
y despidiéndome duramente de los cañones
decidí guerrear tan solo con las poesías,
tiré mi rifle.
y me compré un “tilo”, y he aquí
que con esta preparaciön
yo me encontrë con el año 17.

La libertad crecía furiosamente.
Y en un fuego rosado y hediondo
gobernó entonces sobre el país por un corto tiempo
Kerensky montado sobre un blanco caballo.
La guerra “hasta el fin”, “hasta la victoria”.
Y al propio campesinado
los sinvergüenzas y parásitos
fue enviado a morir al frente.
Pero a pesar de todo yo no cogí la espada....
Bajo el ruido y el estruendo de los morteros
yo mostré otra valentía-
fui el primer desrtor del país.

El camino era bastante hermoso,
un agradable y fresco sonido melódico.
La luna como con una capa de nieve recieén caida
recubría las lejanías de las aldeas.
“Pero, hela aquí, nuestra Radovo,-
dijo el conductor,-
¡Aquí!
Precisamente yo he enganchado este caballo
por su tamaño y sus adecuadas cualidades.
Ayúdeme, señor, para tomar un tecito.
¿Quiere acercarse al molinero?
!Pues, salgamos;
Yo le pido que me pague sin rebajas
por este largo recorrido”.

.....
.....

Даю сороковку. .
 «Мало!»
 Даю еще двадцать.
 «Нет!»
 Такой отвратительный малый.
 А малому тридцать лет.
 «Да что ж ты?
 Имеешь ли душу?
 За что ты с меня гребешь?»
 И мне отвечает туша:
 «Сегодня плохая рожь.
 Давайте еще незвонких
 Десяток или штук шесть —
 Я выпью в шинке
 За ваше здоровье и честь...»

И вот я на мельнице...
 Ельник
 Осыпан свечьми светляков
 От радости старый мельник
 Не может сказать двух слов:

«Голубчик! Да ты ли?
 Сергуха!
 Озяб, чай? Поди продрог?
 Да ставь ты скорее, старуха,
 На стол самовар и пирог!»

В апреле прозябнуть трудно,
 Особенно так в конце.
 Был вечер задумчиво чудный,
 Как дружья улыбка в лице.
 Объятья мельника круты,
 От них заревет и медведь,
 Но все же в плохие минуты
 Приятно друзей иметь.

«Откуда? Надолго ли?»
 «На год».
 «Ну, значит, дружище, гуляй!
 Сим летом грибов и ягод
 У нас хоть в Москву отбавляй.
 И дичи здесь, братец, до черта,
 Сама так под порох и прет.
 Подумай ведь только...
 Четвертый
 Тебя не видали мы год...»

Te doy cuarenta.
 “Es poco”
 Te doy veinte más.
 “¡No!”
 Este pequeño antipático.
 Y el pequeño tiene treinta años.
 “¿Pero y tú qué?”
 ¿Tienes alma?
 ¿Porqué me pides tanto?”
 Y finalmente me dice:
 “Hoy tenemos un mal centeno.
 deme otros silenciosos
 diez u otros trucados seis -
 Yo beberé aguardiente en la taberna
 por su salud y por su honor...”

Y héme aquí en el molino...
 Ellni, el viejo molinero
 bañado con las velas de las luciérnagas
 de la alegría
 no es capaz de pronunciar ni dos palabras.

“¡Mi amigo! ¿Eres realmente tú?
 ¡Sergito!
 ¿Hace frío, té? ¿Seguramente estarás congelado?
 ¡Viejo, rápido, pon cuanto antes en la mesa
 el samovar (tetera) y los pasteles

En abril es difícil sentir frío,
 Especialmente hacia el final.
 Fue una tade evidentemente tan hermosa,
 como la sonrisa en el rostro de los amigos.
 Los grandes abrazos del molinero
 que a la oso hacen llorar,
 y es que en los malos momentos
 es bueno tener amigos

“¿De dónde vienes? ¿Por cuánto tiempo?
 “Por un año”
 “¡Y así pues, pásate, amigo!
 En este verano tendremos setas y bayas,
 que te puedes llevar a Moscu.
 Y aquí, hermano, llegará hasta el infierno
 bajo la pólvora de la caza
 Piensa pues tan solo...
 que éste es el cuarto año
 que no te veíamos...”

.....

.

Беседа окончена...
 Чинно
 Мы выпили весь самовар.
 По-старому с шубой овчинной
 Иду я на свой сеновал.
 Иду я разросшимся садом,
 Лицо задевает сирень.
 Так мил моим вспыхнувшим взглядам
 Состарившийся плетень
 Когда-то у той вон калитки
 Мне было шестнадцать лет,
 И девушка в белой накидке
 Сказала мне ласково: «Нет!»
 Далекie, милые были.
 Тот образ во мне не угас...
 Мы все в эти годы любили,
 Не мапол любипи нас

2

«Ну что же! Вставай, Сергуша!
 Еще и заря не текла,
 Старуха за милую душу
 Оладьев тебе напекла.
 Я сам-то сейчас уеду
 К помещице Снегиной...
 Ей
 Вчера настролял я к обеду
 Прекраснейших дупелей»

Привет тебе, жизни денница!
 Встаю, одеваюсь, иду.
 Дымком отдает росяница
 На яблонях белых в саду.
 Я думаю:
 Как прекрасна
 Земля
 И на ней человек.
 И сколько с войной несчастных

Уродов теперь и калек!
 И сколько зарыто в ямах
 И сколько зароят еще!
 И чувствую в скулах упрямых
 Жестокую судоргу щек.

Нет, нет!
 Не пойду навеки.

Se acabó la conversación
 Tranquilidad
 Nos bebimos todo el samovar
 Como antiguamente con una capa de piel de oveja
 Yo me dirijo a mi henil.
 Yo voy por un descuidado jardín,
 alguien coge una lila.
 La vieja valla tan agradable
 a mis inflamadas miradas
 Alguna vez junto a esta puerta de salida
 yo tenía diediseis años,.
 y una muchacha con una bata blanca
 me dijo cariños amente: “¡No!”
 eran muy lejanos; muy dulces
 Aquella imagen en mī no se desvanciö
 Todos nosotros amabamos en aquellos tiempos,
 pero poco nos amaban a nosotros

“¡Y bién! ¡Levántate, Sergito!
 Aún no ha fluido el alba.
 La vieja con su alma cariñosa
 te ha frito unos buñuelos.
 Yo me voy ahra mismo
 a casa de Esneguina.
 Para ella
 cazé ayer para comer
 unas magníficas agachadizas reales”

¡Yo te saludo, amanecer de la vida;
 Me levanto, me visto y me voy
 Con la neblina, el rocío cae al jardín
 sobre los blancos manzanos.
 Yo pienso:
 Qué hermosa
 es la tierra.
 y en ella está el hombre.
 ¡Y ahora con la guerra cuántos desgraciados

imbéciles y cuántos tullidos!
 ¡Y cuantos enterrados en las fosas,
 y a cuantos todavía están enterrando!
 Y siento en los impasibles pómulos
 el fuerte calambre de las mejillas

¡No, no!
 No iré nunca.

За то, что какая-то мразь
Бросает солдату-калеке
Пятак или гривенник в грязь.

«Ну, доброе утро, старуха!
Ты что-то немного сдала?»
И слышу сквозь кашель глухо:
«Дела одолели, дела.
У нас здесь теперь неспокойно.
Испариной все зацвело.
Сплошные мужицкие войны —
Дерутся селом на село.
Сама я своими ушами
Слыхала от прихожан:
То радовцев бьют криушане,
То радовцы бьют криушан.
А все это, значит, безвластье.
Прогнали царя...
Так вот...
Посыпались все напасти
На наш неразумный народ.
Открыли зачем-то остроги,
Злодеев пустили лихих.
Теперь на большой дороге
Покою не знай от них.
Вот тоже, допустим... с Криуши...
Их нужно б в тюрьму за тюрьмой,
Они ж, воровские души,
Вернулись опять домой.
У них там есть Прон Оглоблин,
Булдыжник, драчун, грубиян.

Он вечно на всех озлоблен,
С утра по неделям пьян.
И нагло в третьевом годе,
Когда объявили войну,
При всем честном народе
Убил топором старшину.
Таких теперь тысячи стало
Творить на свободе гнусь.
Пропала Расея, пропала...
Погибла кормилица Русь...»

Я вспомнил рассказ возницы
И, взяв свою шляпу и трость,
Пошел мужикам поклониться,
Как старый знакомый и гость.

Para que algún imbécil
le lance a un pobre soldado inválido
cinco o diez centavos al barro

“¡Pero, buenos días vieja!
¿tú has dado algo?”
Y oigo sordamente entre tosidos:
“Se resolvieron los asuntos, se resolvieron.
Ahora aquí tenemos tranquilidad.
Con los sudores todo ha florecido.
Los implacables aldeanos de la guerra-
en la lucha de una aldea contra la otra.
Yo misma con mis propios oídos
escuché de los propios feligreses:
que los de Kriusha baten a los de Radovo,
que los de Radovo baten a los de Kriusha.
Y todo esto significa anarquía.
Echaron al zar...
Y he aquí...
Llovieron los azotes
A nuestras irrazonables gentes
para algo se les aparecieron las lanzas,
Los malhechores soltaron a los villanos .
Ahora por el camino principal,
por ellos ya no se camina con tranquilidad.
Y así mismo, digamos que... desde Kriusha
debieran ir de cárcel, en cárcel,
pues las almas ladronas,
volvieron de nuevo a casa.
Allí ellos tienen a Pron Ogloblin,
Bulldigán (*canto rodado, símbolo de la
guerra del proletariado*) machacador, grosero.
el siempre enojado con todos,
Todas las semanas borracho desde la mañana.
E insolente desde el tercer año
cuando declararon la guerra,
Ante toda la gente honrada
mató con un hacha al cotramaestre.
Ahora, con la libertad, miles de estos
se pusieron a crear inmundicia.
Rusia desapareció, desapareció...
Rusia, el ama de cría, pereció...”

Yo recordé el cuento del cochero
y cogiendo mi sombrero y mi bastón
me fui a saludar a los aldeanos,
como antiguo conocido e invitado.

*

Иду голубою дорожкой
И вижу — навстречу мне
Несется мой мельник на дрожках
По рыхлой еще целине.
«Сергуха! За милую душу!
Постой, я тебе расскажу!
Сейчас! Дай поправить вожжу,
Потом и тебя оглошу.
Чего ж ты мне утром ни слова?

-
Я Снегиным так и бряк.

-
Приехал ко мне, мол, веселый
Один молодой чудак.
(Они ко мне очень желанны,
Я знаю их десять лет.)
А дочь их замужняя Анна
Спросила:
Нет тот ли, поэт?
— Ну, да, — говорю, — он самый.
— Блондин?
— Ну, конечно, блондин!
— С кудрявыми волосами?
— Забавный такой господин!
— Когда он приехал?
— Недавно.
— Ах, мамочка, это он!
Ты знаешь,
Он был забавно
Когда-то в меня влюблен.
Был скромный такой мальчишка,
А нынче...
Поди ж ты...
Вот...
Писатель...
Известная шишка...
Без просьбы уж к нам не придет».

И мельник, как будто с победы,
Лукаво прищурил глаз:
«Ну, ладно! Прощай до обеда.
Другое сдержу про запас».
Я шел по дороге в Криушу
И тростью сшибал зелены.
Ничто не пробилось мне в душу,
Ничто не смутило меня.
Струилися запахи сладко,
И в мыслях был пьяный туман...
Теперь бы с красивой солдаткой
Завесь хорошо роман.

Voy por el caminito azul celeste
y veo-que a mi encuentro
se acerca velozmente en un carro mi molinero
por unas tierras vírgenes aún no roturadas.
“¡Sergito! ¡Por tu alma querida!
¡Aguanta! ¡Que ya te lo contaré!
¡Ahora! Deja que arregle las riendas.
después, te daré un golpe que te dejará sin sentido.
¿Pero qué te pasa, no me dices ni una palabra por la
mañana?

Yo a los de Sneguina un golpe y un ensordecedor
chasquido metálico.

Se me acercó, rompeolas, alegre
un extraño joven.
(Ellos conmigo son muy acogedores,
los conozco desde hace diez años).

Y Ana su hija casada
preguntó:

¿No es este, el poeta?

—Pues sí- digo—el mismo.

-¿Rubio?

-¡Pues, por supuesto, rubio!

-¿Con cabellos rizados?

-¡Qué divertido es este señor!

-¿Cuándo llegó?

—Hace poco.

¡Ay, mamita, es éste!

Sabes tú,

Él en algún momento graciosamente
se enamoró de mí.

Era un muchacho modesto,
y ahora...

Pero qué te pasa...

He aquí...

Un escritor...

Un reconocido pez gordo...

Si no lo solicitamos ,én no vendra con nosotros”

Y el molinero, como triunfante,
maliciosamente guiñó un ojo:

“¡De acuerdo! Adiós hasta la comida.
algo guardaré de reserva”

Yo iba por el camino Kriusha

Y con el bastón machacaba la vegetación,
nada se me rompía en el alma,
nada me preocupaba.

los aromas fluían suavemente

y en los pensamientos había una borracha niebla

Ahora con una bonita soldadita

tendría un hermoso romance.

*

Но вот и Криуша... Три года
 Не зрел я знакомых крыш.
 Сиреневая погода
 Сиренью обрызгала тишь.
 Не слышно собачьего лая,
 Здесь нечего, видно, стеречь —
 У каждого хата гнилая,
 А в хате ухваты да печь.
 Гляжу, на крыльце у Прона
 Горластый мужицкий галдеж.
 Толкуют о новых законах,
 О ценах на скот и рожь.
 «Здорово, друзья!»
 «Э, охотник!
 Здорово, здорово!
 Садись!
 Послушай-ка ты, беззаботник,
 Про нашу крестьянскую жисть.
 Что нового в Питере слышно?
 С министрами, чай, ведь знаком?
 Недаром, едрит твою в дышло,
 Воспитан ты был кулаком.
 Но все ж мы тебя не порочим.
 Ты — свойский, мужицкий, наш,
 Бахвалишься славой не очень
 И сердце свое не продашь.
 Бывал ты к нам зорким и рьяным,
 Себя вынимал на испод...
 Скажи:
 Отойдут ли крестьянам
 Без выкупа пашни господ?
 Кричат нам,
 Что землю не троньте,
 Еще не настал, *мол*, миг.
 За что же тогда на фронте
 Мы губим себя и других?»
 И каждый с улыбкой угрюмой
 Смотрел мне в лицо и в глаза,
 А я, отягченный *думой*,
 Не мог ничего сказать.
 Дрожали, качались ступени,
 Но помню
 Под звон головы:
 «Скажи,
 Кто такое Ленин?»
 Я тихо ответил:
 «Он-вы»

Pero héme aquí en Kriusha,,tres años
 no me acostumbraba a los techos conocidos
 Un tiempo liloso
 rociaba de lila la calma.
 No se oía ladrando ningún perro
 resulta que no había nada que vigilar-
 Cada uno tenía su podrida jata (*choza*)
 y en la jata las tenazas y el horno
 Miro que en el porche de Pron
 hay un vociferante bullicio campesino
 Discuten sobre las nuevas leyes.
 sobre el precio del ganado y del centeno
 “¡Hola, amigos!”
 “¡He, cazador!
 ¡Hola, hola!
 ¡Siéntate!
 Escucha despreocupado,
 de nuestra vida aldeana
 ¿Qué se dice de bueno en Peter?
 ¿Té con los ministros, pues eres conocido?
 No en balde, te saca de tus casillas.
 Te aducaron a puñetazos.
 Pero aún así no te calumniaremos.
 Tú eres para nosotros un campesino creíble,
 No alardeas mucho de tu fama
 y no venderas tu corazón.
 Sueles ser con nosotros celoso y vigilante
 y te expresas desde lo más profundo...
 Dínos:
 ¿Retiraran a los campesinos
 sin indemnizar los campos de cultivo de los amos?
 Nos gritan,
 que no toquemos la tierra,
 rompeolas, que, aún no es el momento.
 Por lo que entonces en el frente
 ¿nosotros y los demás nos arruinaremos?”
 Y cada uno con una hosca sonrisa
 me miró en la cara y en los ojos,
 y yo, cargado con la DUMA
 no pude decir nada.
 Temblaron, se columpiaron los cargos,
 Pero recuerdo
 dentro del zumbido de la cabeza:
 “Dí,
 ¿Quién es Lenin?”
 Yo silenciosamente contesté:
 “Él-vosotros”

3

На корточках ползали слухи,
Судили, решали, шепча.
И я от моей старухи
Достаточно их получал.

Однажды, вернувшись с тяги,
Я лег подремать на диван.
Разносчик болотной влаги,
Меня прознобил туман.

Трясло меня, как в лихорадке,
Бросало то в холод, то в жар,
И в этом проклятом припадке
Четыре я дня пролежал.

Мой мельник с ума, зная, спятил.
Поехал,
Кого-то привез...
Я видел лишь белое платье
Да чей-то привздернутый нос
Потом, когда стало легче,
Когда прекратилась трясь,
На пятые сутки под вечер
Простуда моя улеглась.
Я встал.
И лишь только пола
Коснулся дрожащей ногой,
Услышал я голос веселый:
«А!
Здравствуйте, мой дорогой!
Давненько я вас не видала.
Теперь из ребяческих лет
Я важная дама стала,
А вы — знаменитый поэт.

En cuclillas se arrastraban los chismes,
juzgaban, decidían, susurrando.
Y yo de mi vieja
recibí los suficientes.

Una vez volviendo del arrastrer,
yo me eché en el diván a hacer la siesta
Esparciendo la humedad pantanosa,
me congeló la niebla

Me sacudió, como con fiebre,
me lanzaba ahora al frío, ahora al calor,
y en esta maldita convulsión
permanecí acostado cuatro días.

Mi molinero, sabedlo, se volvió loco.
Se fué,
Trajo a alguien....
Yo tan solo ví un traje blanco
y la nariz respingona de alguien.
Después, cuando llegó la tranquilidad,
cuando cesó la agitación
al quinto día por la tarde
mi resfriado mejoró,
y yo me levanté.
Y tan solo al pisar el suelo
con unos pies temblorosos
Yo escuche una alegre voz:
“¡Ah! :
¡Hola, querido mío!
Ya hace mucho tiempo que no te veía.
Ahora desde mis tiempos de niña
yo pase a ser una dama importante.
y tú un famoso poeta.

.....

Ну, сядем.
Прошла лихорадка?
Какой вы теперь не такой!
Я даже вздохнула украдкой,
Коснувшись до вас рукой.
Да...

Pero sentémonos.
¿Pasó ya la fiebre?
¡Tú ya no eres el mismo!
Yo incluso suspiraba a escondidas
cuando te tocaba con la mano.
Sí...

Не вернуть, что было.
 Все годы бегут в водоем.
 Когда-то я очень любила
 Сидеть у калитки вдвоем.
 Мы вместе мечтали о славе...
 И вы угодили в прицел,
 Меня же про это заставил
 Забыть молодой офицер...»

Lo que fue, no volverá.
 Todos los años corren hacia el estanque.
 A veces me gustaba mucho cuando
 ambos nos sentábamos junto a la puerta.
 Juntos pensábamos en la gloria...
 Y tú tuviste buena puntería,
 A mí todo esto me lo hizo
 olvidar un joven oficial...»

*

Я слушал ее и невольно
 Оглядывал стройный лик.
 Хотелось сказать:
 «Довольно!
 Найдемте другой язык!»

Yo la escuchaba e involuntariamente
 miré a una cara delgada.
 Quisiera decir:
 “¡Ya está bien!
 hablemos de otra cosa!”

Но почему-то, не знаю,
 Смущенно сказал невпопад:
 «Да... Да...
 Я сейчас вспоминаю...
 Садитесь.
 Я очень рад.
 Я вам прочитаю немного
 Стихи
 Про кабацкую Русь...
 Отделано четко и строго.
 По чувству — цыганская грусть».
 «Сергей!
 Вы такой нехороший.
 Мне жалко,
 Обидно мне,
 Что пьяные ваши дебоши
 Известны по всей стране.
 Скажите:
 Что с вами случилось?»
 «Не знаю».
 «Кому же знать?»
 «Наверно, в осеннюю сырость
 Меня родила моя мать».
 «Шутник вы...»
 «Вы тоже, Анна».
 «Кого-нибудь любите?»
 «Нет».
 «Тогда еще более странно
 Губить себя с этих лет:
 Пред вами такая дорога...»

Pero por alguna causa que desconozco,
 confusamente dije algo inconveniente:
 “Sí...sí...
 Yo ahora lo recuerdo...
 Siéntate.
 Yo estoy muy contento.
 Te voy a leer unas cuantas
 poesías.
 Sobre la Rus tabernera...
 compuestas con fuerza y precisión
 con sentimiento-la melancolía gitana”
 “¡Sergio!
 Tú eres tan malo.
 Lo siento,
 me da pena
 que tus peleas borrachas
 las conozca todo el país.
 Díme:
 ¿Qué ha pasado contigo?”
 “No lo sé”
 “¿A quién hay que conocer entonces?”
 “Realmente en la humedad otoñal
 me parió mi madre”
 “Estás de broma...”
 “Tú también Ana”
 “¿Amas a alguien?”
 “No”
 “Entonces, aún es más extraño
 estar perdido desde aquellos años:
 ante ti vaya camino...”

Сгущалась, туманилась даль..
 Не знаю, зачем я трогал

Oscurecía , la lejanía se nublaba....
 No sé, por qué yo tocaba

Перчатки ее и шаль.

Los guantes y el chal.

Луна хохотала, как клоун.
И в сердце хоть прежнего нет,
По-странному был я полон
Наплывом шестнадцати лет.
Расстались мы с ней на рассвете
С загадкой движений и глаз...

La luna se reía, como un payaso.
Y en el corazón aunque no como antes
increíblemente yo estaba satisfecho
con la llegada de los dieciséis años.
Nos separamos de ella al amanecer
con el misterio de los movimientos y de los ojos...

Есть что-то прекрасное в лете,
А с летом прекрасное в нас.

Hay algo hermoso en el verano,
Y con el verano algo hermoso en nosotros.

*

Мой мельник...
Ох, этот мельник!
С ума меня сводит он.
Устроил волынку, бездельник,
И бегаёт, как почтальон.
Сегодня опять с запиской,
Как будто бы кто-то влюблен:
«Придите.
Вы самый близкий.
С любовью

Mi molinero...
¡Oh, este molinero!
Él me vuelve loco
Preparó la gaita, el holgazán,
y va corriendo como si fuera un cartero.
Hoy de nuevo con una nota,
como si alguien estuviera enamorado:
“Vénte.
Tú el más entrañable.
con amor

Оглоблин Прон»
Иду.
Прихожу в Криушу.
Оглоблин стоит у ворот
И спяну в печенки и в душу
Костит обнищальный народ.
«Эй, вы!
Тараканье отродье!
Все к Снегиной!..
Р-раз и квас!
Даешь, *мол*, твои угоды.
Без всякого выкупа с нас!»
И тут же, меня завидя,
Снижая сварливую прыть,
Сказал в неподдельной обиде:
«Крестьян еще нужно варить».

Ogloblin Pron”
Voy.
Llego a Kriusha.
Ogloblin, está de pie junto a la puerta
y borracho en el hígado y en el alma
regaña al empobrecido país.
“¡He, tú!
¡Hijo de cucaracha!
¡Todos hacia Esneguina!..
¡Cien veces y kvas (*bebida rusa fermentada*)!
Das, rompeolas, tus campos,
sin compensación alguna por parte nuestra!”
E inmediatamente, al percibirme,
frenando la disparatada carrera,
dijo con un indecible insulto:
“ Hay que hervir a los campesinos”

«Зачем ты позвал меня, Проша?»
«Конечно, ни жать, ни косить.
Сейчас я достану лошадь
И к Снегиной... вместе...
Просить...»
И вот запрягли нам клячу.

“¿Para qué me has llamado, Prosha?”
“Por supuesto ni para cosechar , para cocer”
Ahora voy a por un caballo
y juntos... hacia Sneguina...
pedir...”
Y he aquí que nos engancharon a un rocín.

В оглоблях мосластая шкеть —
 Таких отдают с придачей,
 Чтоб только самим не иметь.
 Мы ехали мелким шагом,
 И путь нас смешил и злил:
 В подъемах по всем оврагам
 Телегу мы сами везли.

Приехали.
 Дом с мезонином
 Немного присел на фасад.
 -
 Волнующе пахнет жасмином
 Плетневый его палисад.
 Слезаем.
 Подходим к террасе
 И, пыль отряхая, с плеч
 О чьем-то последнем часе
 Из горницы слышим речь:
 «Рыдай не рыдай — не помога...
 Теперь он холодный труп...
 Там кто-то стучит у порога...
Припудрись...
 Пойду отопру...»

Дебелая грустная дама
 Откинула добрый засов.
 И Прон мой ей брякнул прямо
 Про землю,
 Без всяких слов.
 «Отдай!.. —
 Повторял он глухо. —
 Не ноги ж тебе целовать!»

Как будто без мысли и слуха
 Она принимала слова.
 Потом в разговорную очередь
 Спросила меня
 Сквозь жуть:
 «А вы, вероятно, к дочери?
 Присядьте...
 Сейчас доложу...»
 Теперь я отчетливо помню
 Тех дней роковое кольцо.
 Но было совсем не легко мне
 Увидеть ее лицо.
 Я понял —
 Случилось горе,
 И молча хотел помочь.
 «Убили... Убили Борю...
 Оставьте!

Los Ogloblin tienen una huesuda bestia-
 Estos los dan en cantidad,
 sencillamente para no tenerlos ellos mismos.
 Ibamos con un paso suave,
 y el camino nos hizo reir y enfadar:
 En las cuevas de todos los barrancos
 llevamos el carro nosotros mismos.

Llegamos.
 La casa tenía un entresuelo
 que aparecía parcialmente en la parte baja de la
 fachada.
 El zarzal de la empalizada
 huele agradablemente con el jazmín.
 Descendemos.
 Bajamos hacia la terraza
 y el polvo cayendoles de los hombros.
 A última hora, acerca de alguien
 desde el salón se escuchan unas palabras
 “Llora no llora-no ayuda...
 Ahora él es un cuerpo frío...
 Allí alguien llama a la puerta...
 Sécate
 Iré a ver...”

Una mujer triste y dura
 abrió un buen cerrojo.
 Y mi Pron la tiró con fuerza directamente
 sobre la tierra
 sin decir palabra.
 “¡Dá!...
 calladamente repitió él.-
 tampoco te besaré las piernas!”

Como sin oír ni pensar
 ella tomó la palabra.
 Dentro del turno de la conversación
 me preguntó
 aterrorizada:
 “¿Y usted, probablemente viene a por la hija?
 Siéntense...
 Ahora lo explico...”
 Yo en este momento recuerdo claramente
 el anillo fatal de de aquellos días.
 No me era fácil en absoluto
 mirar su cara.
 Yo comprendí...
 Apareció la pena,
 Y quería ayudar callando.
 “Mataron...mataron a Boria..
 ¡Déjelo!

Уйдите прочь!
Вы — жалкий и низкий. трусишка
А вы вот здесь...»

Нет, это уж было слишком.
Не всякий рожден перенести.
Как язвы, стыдись оплеухи,
Я Прону ответил так:
«Сегодня они не в духе...
Поедем-ка, Прон в кабак

¡Váyase lejos!
Usted es una patética y diminuta gallina
y usted aquí...”

No, pero esto ya era demasiado
No todos hemos nacido para aguantar.
Como heridos, avergonzados del insulto
yo así le contesté a Pron:
“Hoy espiritualmente ellos no están...
Vayamos Pron, a la taberna

4

Все лето провел я в охоте.
Забыл ее имя и лик.
Обиду мою
На болоте
Оплакал рыдальщик-кулик.

Бедна наша родина кроткая
В древесную цветень и сочь,
И лето такое короткое,
Как майская теплая ночь.
Заря холодней и багровей.
Туман припадает ниц.
Уже в облетевшей дуброве
Разносится звон синиц.

Мой мельник всю улыбається,
Какая-то веселость в нем.
«Теперь мы, Сергуха, по зайцам
За милую душу пальнем!»
Я рад и охоте...
Коль нечем
Развеять тоску и сон.
Сегодня ко мне под вечер,
Как месяц, вкатился Прон.
«Дружище!
С великим счастьем!
Настал ожидаемый час!
Приветствую с новой властью!
Теперь мы всех *p-раз и квас!*
Без всякого выкупа с лета
Мы пашни берем и леса.
В России теперь Советы
И Ленин — старшой комиссар.
Дружище!
Вот это номер!
Вот это почин так почин.

Todo el verano lo pasé cazando.
Olvidé su nombre y su cara.
Mi ofensa
en el pantano
la lloró la sollozante zancuda.

Nuestro pobre país es corto
en floración maderera y en zumos,
y el verano es tan corto
Como una cálida noche de mayo.
El alba es más fría y más rojiza.
Se arrastra la niebla.
En el deshojado robledo
Ya resuena el zumbido de los pájaros.

Mi molinero se ríe de todo,
qué comicidad hay en él.
“Ahora, Sergito, por un alma querida,
les dispararémos”
Yo estoy contento y a la caza...
como si nada
Disipar la tristeza y el sueño.
Hoy por la noche.
como la luna se me ha aparecido Pron.
“¡ Amigo!
¡Con gran felicidad!
¡Llegó la hora esperada!
¡Me alegro con el nuevo poder!
¡Ahora todos nosotros cien veces y kvas!
Desde el verano sin ninguna indemnización
cogemos los bosques y los campos de cultivo.
Ahora en Rusia están los soviéticos
Y Lenin es nuestro comisario superior.
¡Amigo!
¡Hé aquí este número!
Hé aquí esta propuesta como propuesta.

Я с радости чуть не помер,
 А брат мой в штаны намочил.
Едри ж твою в бабушку плюнуть!
 Гляди, голубарь, веселей!
 Я первый сейчас же коммуну
 Устрою в своем селе».
 У Прона был брат Лабутя,
 Мужик — что твой пятый туз:
 При всякой опасной минуте
 Хвальбишка и дьявольский трус.
 Таких вы, конечно, видали.
 Их рок болтовней наградил.

-
 Носил он две белых медали
 С японской войны на груди
 И голосом хриплым и пьяным
 Тянул, заходя в кабак:
 «Прославленному под Ляояном
 Ссудите на четвертак...»
 Потом, насосавшись до дури,
 Взволнованно и горячо
 О сдавшемся Порт-Артуре
 Соседу слезил на плечо.
 «Голубчик! —
 Кричал он. —
 Петя!
 Мне больно... Не думай, что пьян.
 Отвагу мою на свете
 Лишь знает один Ляоян».

Такие всегда на примете.
 Живут, не мозоля рук.
 И вот он, конечно, в Совете,
 Медали запрятал в сундук.
 Но с тою же важной осанкой,
 Как некий седой ветеран,
 Хрипел под сивушной банкой
 Про Нерчинск и Турухан:
 «Да, братец!
 Мы горе видали,
 Но нас не запугивал страх...»

.....

 Медали, медали, медали
 Звенели в его словах.
 Он Прону вытягивал нервы,
 И Прон материл не судом.
 Но все ж тот поехал первый
 Описывать снегинский дом.
 В захвате всегда есть скорость:

Yo casi no me he muerto de alegría.
 Y a mi hermano se le han mojado los pantalones.
 ¡Qué desgracia escupir a la abuela!
 ¡Mira, la paloma, está contenta!
 Yo ahora seré el primero en organizar
 la comuna en nuestra aldea”
 Pron tenía al hermano Labutya,
 adeano-que es tu quinto as:
 en cualquier momento peligroso
 fanfarrón y cobarde diabólico.
 A estos, tú por supuesto ya los has visto.
 Su destino se había contagiado de esta
 estúpida conversación.
 Llevaba dos medallas blancas
 de la guerra japonesa en el pecho
 y con una voz ronca y borracha
 lanzó cuando venía a caballo:
 “Al glorificado por Lyaoyan
 prestadle veinticinco kopeks...”
 Después, aspirando hasta la locura,
 emocionado y cálido
 en el rendido Port Artur
 le lagrimeó en el hombro al compañero.
 “¡Amigo mío!-
 gritó-
 Pedrito!
 Lo siento...No pienses que estoy borracho.
 Mi coaje en este mundo
 tan solo lo conoce Lyaoyan”

Estos están siempre de actualidad.
 Viven, sin que se les ampollen las manos.
 Y él por supuesto está en el Soviet,
 Escondió las medallas en el baúl
 pero con un porte tan importante
 como el de algún gris veterano,
 murmuró con una jarra de aguardiente
 sobre Nerchinsk y Turujan:
 “¡Sí hermanos!
 Nosotros sentimos dolor,
 pero el miedo no nos acosó

.....

 Medallas, medallas, medallas
 Resonaron en sus palabras
 Él le puso lo nervios de punta a Pron,
 Y Pron maldijo sin juicio alguno.
 Pero a pesar de todo él partió el primero
 para describir la casa de Esnsguina.
 En la incautación siempre hay rapidez...

«Даешь! Разберем потом!»
 Весь хутор забрали в волость
 С хозяйками и со скотом.
 А мельник...

“¡Dejémoslo! ¡Después lo aclararemos!
 Toda la granja la adjudicaron a la municipalidad
 con las señoras amas y con el ganado.
 Y el molinero....”

.....

 Мой старый мельник
 Хозяек привез к себе,
 Заставил меня, бездельник,
 В чужой ковыряться судьбе.
 И снова нахлынуло что-то...
 Когда я всю ночь напролет
 Смотрел на скривленный заботой
 Красивый и чувственный рот.

.....

 Mi viejo molinero
 se trajo a su casa a las señoras damas,
 y a mí me obligó, holgazán,
 a hurgar en un extraño destino .
 Y de nuevo algo me recorrió por todo el cuerpo...
 cuando a lo largo de toda la noche
 estuve todo el tiempo mirando con cuidado
 la retorcida, hermosa y sensual boca.

Я помню —
 Она говорила:
 «Простите... Была неправа...
 Я мужа безумно любила.
 Как вспомню... болит голова...
 Но вас
 Оскорбила случайно...
 Жестокость была мой суд...

Recuerdo-
 Ella dijo:
 “Perdona... no era verdad...
 Yo amaba locamente al marido.
 Como recuerdo..me duele la cabeza
 pero aveces
 te ofendía....
 era muy duro mi juicio.

Была в том печальная тайна,
 Что страстью преступной зовут.
 Конечно,
 До этой осени
 Я знала б счастливую быль...
 -
 Потом бы меня вы бросили,
 Как выпитую бутылку...
 Поэтому было не надо...
 Ни встреч... ни вообще продолжать
 Тем более с старыми взглядами
 Могла я обидеть мать».
 Но я перевел на другое,
 Уставясь в ее глаза,
 И тело ее тугое
 Немного качнулось назад.
 «Скажите,
 Вам больно, Анна,
 За ваш хуторской разор?»
 Но как-то печально и странно
 Она опустила свой взор...

En todo esto había un triste secreto,
 considerado delito pasional.
 Por supuesto,
 que hasta este otoño
 yo habría experimentado un feliz
 acontecimiento...
 después tú me habrías abandonado,
 como una botella bebida...
 Por esto no hacían falta...
 ni los encuentros...ni seguir alargándolo
 tanto más porque con los puntos de vista antiguos
 podría ofender a la madre”
 Pero yo lo interpreté de otra forma,
 mirando a sus ojos,
 y a su tenso cuerpo
 algo se tornó para atrás
 “Díme,
 ¿Estás dolorida, Ana,
 tras de ti está la granja arruinada?”
 Pero asimismo triste y sorprendentemente
 ella bajó su mirada...

.....

 «Смотрите...
 Уже светает.

.....

 “Sergito...
 Ya amanece.

Заря как пожар на снегу..
 Мне что-то напоминает...
 Но что?..
 Я понять не могу...
 Ах!.. Да..
 Это было в детстве...
 Другой... Не осенний рассвет...
 Мы с вами сидели вместе...
 Нам по шестнадцать лет...»

Потом, оглядев меня нежно
И лебедя выгнув рукой,
 Сказала как будто небрежно:
 «Ну, ладно...
 Пора на покой...»

Под вечер они уехали.
 Куда?
 Я не знаю куда.
 В равнине, проложенной вехами,
 Дорогу найдешь без труда.
 Не помню тогдашних событий,
 Не знаю, что сделал Прон.
 Я быстро умчался в Питер
 Разеять тоску и сон.

El alba es como un incendio en la nieve.
 Algo me recuerda...
 ¿Pero qué?...
 No lo puedo entender...
 ¡Ah!...Sí...
 Esto era en la niñez....
 Era otro...No era un amanecer de otoño...
 Estábamos sentados juntos....
 Teníamos dieciséis años...”

Entonces, habiéndome mirado cariñosamente
 y habiendo encorvado al cisne con la mano,
 dijo descuidadamente:
 “Pero; está bien....
 hemos de tranquilizarnos...”

Ellos se fueron hasta la tarde.
 ¿adónde?
 Yo no sé adónde.
 En la llanura sembrada de carteles indicadores,
 encuentras el camino sin problemas.
 Yo no recuerdo los acontecimientos de entonces,
 no sé lo que hizo Pron.
 Yo salí rápidamente hacia Peter
 para acabar con el sueño y con la tristeza

5

Суровые, грозные годы!
 Но разве всего описать?
 Слыхали дворцовые своды
 Солдатскую крепкую «мать».

Эх, удаль!
 Цветение в далях!
 Недаром чумазый сброд
 Играл по дворам на роялях
 Коровам тамбовский фокстрот.
 За хлеб, за овес, за картошку
 Мужик залучил граммофон, —
 Слюнявя козлиную ножку,
 Танго себе слушает он.
 Сжимая от прибыли руки,
 Ругаясь на всякий налог,
 Он мыслит до дури о штуке,
 Катающейся между ног.

Шли годы
 Размашисто, пылко...

¡Graves, nefastos años!
 ¿Pero acaso se puede todo describir?
 Oyeron las arcadas palaciegas
 al robusto y soldadesco “madre.”

¡Pero, que atrevimiento!
 ¡Flores a lo lejos!
 No en balde una miserable gentuza
 fue tocando el piano, de patio en patio,
 a las vacas el fokstrot de Tambov.
 Por pan, por avena, por patatas
 el aldeano recibió un gramófono,-
 lamiendo la patita de una cabra,
 oye un tango sobre él.
 Agarrando las manos a la ganancia
 maldiciendo por cada impuesto,
 el piensa hasta la estupidez sobre en
 lo que está montando entre las piernas.

Pasaron los años
 abruptamente, apasionadamente...

Удел хлебороба гас.
 Немало попрело в бутылках
 «Керенок» и «ходей» у нас.
 Фефела! Кормилец! Касатик!
 Владелец земель и скотом,
 За пару измызганных «катек»
 Он даст себя выдрать кнутом.

Ну, ладно.
 Довольно стонов!
 Не нужно насмешек и слов!
 Сегодня про участь Прона
 Мне мельник прислал письмо:
 «Сергуха! За милую душу!
 Привет тебе, братец! Привет!
 Ты что-то опять в Криушу
 Не кажешься целых шесть лет.
 Утешь!
 Соберись, на милость!
 Прижваривай по весне!
 У нас здесь такое случилось,
 Чего не расскажешь в письме.
 Теперь стал спокой в народе,
 И буря пришла в угомон.
 Узнай, что в двадцатом годе
 Расстрелян Оглоблин Прон.

Расея...
 Дуровая зыкь она
 Хошь верь, хошь не верь ушам —
 Однажды отряд Деникина
 Нагрязнул на криушан.
 Вот тут и пошла потеха...
 С потехи такой — околеть
 Со скрежетом и со смехом
 Гульнула казацкая плеть.
 Тогда вот и чикнули Проню,
 Лабутя ж в солому залез
 И вылез,
 Лишь только кони
 Казацкие скрылись в лес.
 Теперь он по пьяной морде
 Еще не устал голосить:
 „Мне нужно бы красный орден
 За храбрость мою носить“.
 Совсем прокатились тучи...

El futuro del campesino se apagó.
 Mucho se pudrió en las botellas
 Teníamos a “Kerenok” y a los “Jodiey”.
 ¡Fefelya! ¡Kormilyets! ¡Kasatik!
 Un dueño de cultivos y de gaanado,
 por una pareja de locos “katek” (*billetes de cien rublos*)
 se puso a dañarse con un látigo.

Está bien.
 ¡Basta de gritos!
 ¡No hacen falta los ridículos y las burlas
 Hoy por la suerte de Pron
 el molinero me ha mandado una carta:
 “¡Sergito! ¡Por el alma querida!
 ¡Te saludo hermano! ¡Te saludo!
 Tú de nuevo a Kriusha
 no te presentas desde hace seis años.
 ¡Consuélate!
 ¡Prepárate para la misericordia ¡
 ¡Hierve en la primavera!
 Aquí nos ha pasado lo mismo,
 que no nos cuentas en la carta.
 Ahora la gente estába tranquila.
 y la tempestad llegó sosegadamente.
 Has de saber, que en el año veinte
 dispararon a Pron.

Raseya... (*Rusia*)
 Un estúpido grupo de gritones
 Aunque se crea o no se crea lo que se oye
 Un día una comisión de Denikin
 bajó a Kriushan
 y he aquí que allí hubo diversión...
 con esta diversión-la muerte
 chirriando y sonriendo
 se divertía un látigo kazako.
 He aquí que entonces mataron a Pron.
 Labutya también se metió en la paja
 y salió,
 tan solo los caballos de Kazán
 huyeron al bosque
 Ahora él con el ocico borracho
 aún no se ha cansado de gritar:
 “Yo necesetaría la orden roja
 para portar mi valentía”.
 Se barrieron por completo las nubes..

И хоть мы живем не в раю,
Ты все ж приезжай, голубчик,
Утешить судьбину мою...»
И вот я опять в дороге.
Ночная июньская хмарь.
Бегут говорливые дроги
Ни шатко ни валко, как встарь.
Дорога довольно хорошая
Равнинная тихая звень
Луна золотою порошею
Осыпала даль деревень.
Мелькают часовни, колодцы,
Околицы и плетни.
И сердце по-старому бьется,
Как билось в далекие дни.

Я снова на мельнице...
Ельник
Усыпан свечьми светляков.
По-старому старый мельник
Не может связать двух слов:
«Голубчик! Вот радость! Сергуха!
Озяб, чай? Поди продрог?
Да ставь ты скорее, старуха,
На стол самовар и пирог.
Сергунь! Золотой! Послушай!

.....
И ты уж старик по годам...
Сейчас я за милую душу
Подарок тебе передам». «Подарок?»
«Нет...
Просто письмишко.
Да ты не спеши, голубок.
Почти что два месяца с лишком
Я с почты его приволок».

Вскрываю... читаю... Конечно!
Откуда же больше и ждать!
И почерк такой беспечный,
И лондонская печать.

«Вы живы?.. Я очень рада...
Я тоже, как вы, жива.
Так часто мне снится ограда,
Калитка и ваши слова.
Теперь я от вас далеко...
В России теперь апрель.

y aunque no vivimos en el paraíso
tú a pesar de todo vuelve palomita,
para consolar mi destino...»
Y he aquí que yo de nuevo en camino.
la oscura niebla niebla nocturna de junio.
Corre la parlanchina tartana
lenta y temblorosa como un viejo.
El camino es bastante hermoso.
el recorrido es llano y silencioso.
La luna con un polvo dorado
lloraba sobre las lejanas aldeas.
Parpadean las capillas, los pozos,
las afueras y los vallados.
El corazón bate como antaño,
como batía en los viejos días

Y yo de nuevo en el molino...
El abeto
estrellado con las velas de las luciérnagas.
Como siempre el viejo molinero
no puede pronunciar ni dos palabras:
“¡Amigo mío! ¡Qué alegría!
¿Hace frío? ¿¡Seguramente estarás congelado?
¡Viejo, rápido, pon cuanto antes en la mesa
el samovar y los pasteles!.
¡Serguño! ¡De oro! ¡Escucha!

Y así que tú eres viejo por los años....
Ahora yo por el alma querida
te daré un regalo”.
“¿Un regalo?”
“No...”
Tan solo una cartita.
¡Pero no te des prisa, paloma!.
Hace casi algo más de dos meses
que la traje desde correos.”

La estoy abriendo...la leo...¡Por supuesto!
¡Para qué esperar más!
Y la escritura es tan poco cuidada
Y la impresión londinense.

“¿Estais vivos?... Yo estoy muy contenta..
Yo también como vosotros estoy viva.
Tantas veces sueño con el vallado
con la puerta del establo y con tus palabras.
Ahora estoy lejos de ti...
En Rusia ahora es Abril.

И синею заволокой
 Покрыта береза и ель.
 Сейчас вот, когда бумаге
 Вверяю я грусть моих слов,
 Вы с мельником, может, на тяге
 Подслушиваете тетеревов,
 Я часто хожу на пристань
 И, то ли на радость, то ль в страх,
 Гляжу средь судов все пристальней
 На красный советский флаг.
 Теперь там достигли силы.
 Дорога моя ясна...
 Но вы мне по-прежнему милы
 Как родина и как весна».

Y cubierta con una cerca azul
 un abedul y un abeto
 He aquí que ahora, cuando al papel
 le confío la melancolía de mis palabras,
 puede ser que tú con el molinero, cazando
 escucheis a escondidas a los urogallos negros.
 Yo voy mucho al muelle
 y o bién por alegría o por temor
 miro entre los barcos con atención
 La roja bandera soviética.
 Ahora allí alcanzamos la fortaleza.
 Mi senda está clara...
 pero vosotros sois como siempre queridos por mí
 Como la patria y como la primavera”

Письмо как письмо.
 Беспричинно.
 Я в жисть бы таких не писал.

Una carta es una carta.
 Sin más explicación.
 Yo en mi vida jamás escribí una carta como esta.

По-прежнему с шубой овчинной
 Иду я на свой сеновал.
 Иду я разросшимся садом,
 Лицо задевает сирень.
 Так мил моим вспыхнувшим взглядам
 Погорбившийся плетень.
 Когда-то у той вон калитки
 Мне было шестнадцать лет.
 И девушка в белой накидке
 Сказала мне ласково: «Нет!»

Como antes con un abrigo de piel de oveja
 voy a mi henil.
 voy por un florido jardín,
 una lila toca mi cara
 Tan agradable a mis explosivas opiniones
 el circular vallado de troncos
 He aquí que alguna vez en este vallado
 yo tenía dieciseis años.
 Y una chica con una capa blanca
 me dijo cariñosamente”¡No!”

Далекие милые были!..
 Тот образ во мне не угас.

¡Tiempos lejanos y queridos!
 Aquella imagen no se me desapareció.

Мы все в эти годы любили,
 Но, значит,
 Любили и нас.

Todos nosotros en aquellos años amamos
 pero, por supuesto
 también nos amaron.

Enero de 1925, Batum, (PyP, página 434)